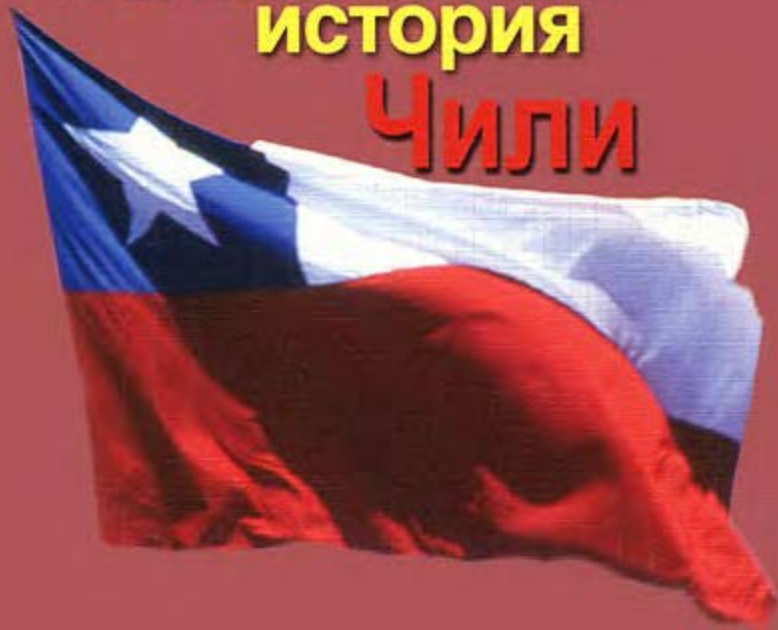

Е.Ю. Богуш, А.А. Щелчков

Политическая история Чили

Е.Ю. Богуш, А.А. Щелчков

Политическая история Чили XX века

Москва
«Высшая школа»
2009

УДК 94 (8)
ББК 63.3 (7Чил)
Б 73

Рецензенты:

зав. центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, д-р ист. наук, *Е.А. Ларин*;

директор аспирантуры Института высших исследований Университета Сантьяго-де-Чили, канд. ист. наук *О.В. Ульянова*

Богущ Е.Ю.

Б 73 Политическая история Чили XX века: Учеб. пособие/Е.Ю. Богущ, А.А. Щелчков. — М.: Высш. шк., 2009. — 224 с. — (Серия «XX век. Политическая история мира»).

ISBN 978-5-06-005603-7

Книга посвящена истории Чили — одной из своеобразных и интересных стран Латинской Америки XX столетия. В работе подробно описаны ярчайшие события и уникальные социальные эксперименты, пережитые этой страной: здесь и парламентская республика начала века, и народный фронт 30-х годов, и попытки построения коммунитарного общества христианскими демократами в 60-е годы, и трагическая судьба С. Альенде, и диктатура Пиночета, и возврат к демократии.

Для преподавателей, студентов и всех интересующихся историей Латинской Америки.

УДК 94 (8)
ББК 63.3 (7Чил)

Учебное издание

Богущ Елена Юрьевна, Щелчков Андрей Аркадьевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧИЛИ XX ВЕКА

Редактор *В.В. Захарченко, Н.В. Ромочкина*. Внешнее оформление *К.И. Мандель*.
Художественный редактор *А.Ю. Войткевич*. Технический редактор *Л.А. Маркова*.
Корректоры *Т.И. Виталева, О.П. Шебашова*. Компьютерная верстка *О.М. Чернова*

Изд. № РИФ-315. Подл. в печать 18.11.08. Формат 60 × 88¹/₁₆.

Бум. офсетная. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Объем 13,72 усл. печ. л., 14,21 усл. кр.-отт. Тираж 2000 экз. Зак. № 1254.

ОАО «Издательство «Высшая школа», 127994, Москва, Неглинная ул., 29/14, стр. 1.

Тел.: (495) 694-04-56. <http://www.vshkola.ru>. E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 694-07-69, 694-31-47, факс: (495) 694-34-86.

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ГП Псковской области «Псковская областная типография».
г. Псков, ул. Ротная, 34.

ISBN 978-5-06-005603-7 © ОАО «Издательство «Высшая школа», 2009

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

Содержание

Вступление	4
Чили в начале XX в.	6
Начало социальных реформ. «Лев из Тарапака»	19
Диктатура Карлоса Ибаньеса	42
Мировой экономический кризис и свержение диктатуры К. Ибаньеса	50
Социалистическая республика	56
Восстановление демократии. Второе президентство А. Алессандри	65
Народный Фронт	72
Правительства радикалов (1941—1952).	88
«Генерал надежды» и технократы, Чили в 50-е гг. XX в.	98
«Революция в условиях свободы»	115
Чилийский путь к социализму — правительство Народного Единства (1970—1973).	125
Государственный переворот 11 сентября 1973 г. и установление военной диктатуры (1973—1989)	165
Экономическое развитие Чили в период правления военных	191
Возвращение к демократии — христианские демократы и социалисты у власти (1989—2006).	202
Заключение	215
Приложения	219
Рекомендуемая литература	223

Вступление

Двести лет отделяют нас от рождения в далекой Южной Америке, почти на краю света, независимого государства Республики Чили, проделавшей путь от бесправной колонии, затерянной на периферии Испанской империи, к одной из самых развитых стран континента. Чили — уникальная страна, протянувшаяся на 4,329 км с юга на север, от холодной Антарктиды до тропического севера на границе с Перу и Боливией, при этом ее средняя ширина составляет всего 180 км. Основная часть 15-миллионного населения проживает в исторической колыбели чилийской нации в центральной долине и прилегающих регионах, зажатых между Кордильерами, отделяющими страну от Аргентины на востоке и Тихим океаном на западе. С севера плодородные долины ограничены пустыней Атакама, а с юга холодными и пустынными антарктическими районами. Чили занимает территорию 759,945 кв. км, множество островов и архипелагов, среди них небольшой тихоокеанский остров Пасхи, знаменитый своими мегалитическими скульптурами моаи. Особенности ее «сумасшедшей», по образному выражению чилийского писателя Б. Суберкасо, географии предопределили некоторую социально-культурную обособленность, психологическую замкнутость чилийского социума.

Основная масса чилийцев проживает в крупных городах Чили, в столице Сантьяго, главном порту страны Вальпараисо, Консепсьоне на юге и в Антафагасте на севере. В этническом составе чилийского населения преобладают метисы (70 %), потомки европейских иммигрантов составляют 25 %, а коренные жители индейцы мапуче (арауканы) — всего 5 %. Главное богатство Чили — это ее природные ресурсы, прежде всего медь, нитраты, лес, морепродукты. Высокоразвитое сельское хозяйство известно во всем мире своей продукцией, прежде всего вином и фруктами.

История Чили в XX в. является, пожалуй, одной из самых интересных и показательных на континенте. События в этой стране выходили за рамки местного или регионального значе-

ния, имели большой международный резонанс, привлекали интерес к Чили во всем мире. Это такие уникальные исторические процессы, как «Социалистическая республика» и победа на выборах Народного фронта с участием коммунистов в 1930-е гг., интереснейший христианско-демократический социальный эксперимент по построению коммунитарного, некапиталистического общества в 60-е гг., приход к власти марксистского правительства Народного Единства во главе с Сальвадором Альенде в 1970 г., ставший первой в истории попыткой построения социализма конституционным путем. Военный переворот 1973 г. и гибель президента С. Альенде потрясли весь мир, и Чили стала синонимом борьбы с диктатурой, репрессиями и концлагерями за свободу и демократию.

В данной книге авторы предлагают читателю познакомиться с основными этапами развития чилийского общества XX в. в надежде, что это краткое изложение пробудит серьезный интерес к жизни, культуре и истории этой замечательной страны, да и ко всей Латинской Америке. Авторы выражают свою благодарность и признательность известному чилийскому историку, профессору Университета Сантьяго-де-Чили Ольге Ульяновой, взявшей на себя труд прочтения рукописи книги, чьи ценные замечания нашли свое отражение в окончательном тексте.

ЧИЛИ В НАЧАЛЕ XX В.

Чили в начале XX в. была одной из самых развитых стран Латинской Америки. Основными богатствами страны являлись добыча гуано, меди. Производство селитры, нитратов на севере Чили в первое десятилетие XX в. выросло в 3 раза, достигнув в 1913 г. 3 млн т. Активно развивалась производственная и транспортная инфраструктура, в том числе за счет государственных капиталовложений, благодаря тому, что казна получала огромные доходы от таможенных пошлин на экспорт селитры. В Чили присутствовали все последние достижения технического прогресса, что выгодно отличало страну от ее менее развитых соседей, Перу или Боливии. В начале века повсюду был проведен телеграф, в городах появился телефон. Расширялась сеть дорог, мостов, морских портов. В 1908 г. в 16 городах уже работал трамвай. Если в 1890 г. государству принадлежало 1000 км железных дорог, то в 1913 г. уже 5000 км. К 1916 г. 90 % городов были связаны между собой железными дорогами, что создавало хорошие предпосылки для бурного развития экономики.

Конец XIX — начало XX в. стали бумом добычи селитры, вошедшим в историю как время процветания и благоденствия. В этот период основной доход государства приносил налог на селитру, который в среднем достигал 30 % от стоимости продукта. Колоссальные прибыли от этой отрасли позволили освободить от налогообложения остальных производителей, что придало серьезный импульс первичной индустриализации страны. Кроме того, активно велись общественные работы: возводились правительственные здания, дороги, благоустраивались города. После катастрофического землетрясения, разрушившего главный чилийский порт Вальпараисо в 1905 г. этот город был полностью реконструирован.

В сельском хозяйстве преобладали латифундии. На долю 0,7 % землевладельцев, имевших в собственности площади свы-

ше 5 тыс. га, приходилось 62,3 % всех земель¹. Главным типом хозяйства было крупное поместье — асьенда, где в качестве работников использовались инкилино, получавшие за свой труд на помещика небольшой участок земли и зарплату натурой, а в некоторых районах и деньгами. Широкое распространение получила также практика найма сезонных рабочих. В деревне сохранялись многие архаичные формы организации производства, крестьяне во всем зависели от помещика, который мог их согнать с земли, выселить из поселка. При всех ограничивавших развитие докапиталистических формах ведения хозяйства чилийский аграрный сектор был интегрирован в экономику страны, обеспечивая города пшеницей, продуктами животноводства, овощами и фруктами. Вместе с тем господство латифундистской системы, при которой огромные площади оставались необработанными или экстенсивно эксплуатируемыми, тормозило развитие сельского хозяйства.

Одной из характерных черт меняющегося в начале XX в. облика Чили был бурный рост крупных центров, таких, как Сантьяго, Вальпараисо, Консепсьон, в то время как мелкие провинциальные города и примыкавшая к ним сельская округа переживали упадок. Если население Сантьяго выросло с 256 403 жителей в 1907 г. до 332 724 в 1920 г., а Вальпараисо с 122 000 до 162 000 за тот же период времени, то Ла-Серена, Талька, Курико и другие города теряли свое население².

В начале XX в. в Латинскую Америку, особенно в Аргентину и Бразилию, хлынул поток европейских эмигрантов. В Чили их приезд не имел тех масштабов и последствий, как в соседних странах, где он в значительной степени изменил этнический и социальный состав населения, ибо здесь количественный состав иммигрантов никогда не превышал 5 % населения. В Чили города росли за счет выходцев из чилийской деревни, и таким образом общество осталось в основном метисным. В городах шел медленный, но неуклонный рост числа фабричных рабочих, ремесленников, строителей. Вместе с тем иммигранты, оседая в крупных городах — Сантьяго, Вальпараисо, Консепсьоне, основывали новые мелкие фабрики, мастерские, создавали новые отрасли местной промышленности.

¹ См.: Loveman B. *Struggle in the countryside. Politics and Rural labor in Chile. 1919—1973.* London, 1976. P. 52.

² См.: Correa S. *Historia del siglo XX chileno.* Santiago, 2001. P. 27.

Активная урбанизация в условиях процветания и роста доходов государства в начале века позволила реализовать масштабные программы народного просвещения. Если в 1880 г. в государственных школах работало всего 500 учителей, то в 1930 г. их число достигло 12 650. В 1895 г. государственные школы посещали 150 тыс. учеников, а в 1925 г. — уже более полумиллиона. Начальное образование стало общедоступным уже в начале XX в., что выгодно отличало Чили от ее соседей по региону.

Этот период характеризовался ростом числа наемных рабочих и служащих: из 1 250 000 экономически активных жителей страны 1 млн работали по найму, из них 300 тыс. в промышленности. Хотя в Чили количественно преобладали мелкие предприятия с числом работающих не более 5 человек (более 60 % их общего числа), концентрация капитала достигла значительных размеров. Ведущие позиции в экономике занимали крупные предприятия. На 3,3 % всех предприятий трудилось 43,2 % рабочих. Если в 1915 г. число промышленных рабочих, занятых на средних и крупных предприятиях, составило 52 900 человек, то в 1920 г. — уже 72 700¹. В основной своей массе выходцы из деревни, рабочие, попадая на такие большие предприятия, как рудники, железные дороги или порты, постепенно становились сплоченной социальной группой со своей культурой, сознанием и четко выраженным классовым интересом. Быстрая урбанизация была следствием увеличения не только численности рабочего класса, но и городских низов, маргинальных слоев.

Конец XIX и начало XX в. Чили жила в атмосфере триумфализма, подъема национальной гордости и уверенности в завтрашнем дне. Относительно стабильная политическая система олигархической республики, оказавшаяся способной к самореформированию и расширению социальной базы режима, сильно отличала Чили на протяжении XIX в. от ее соседей по континенту, переживших бурное столетие гражданских войн, господства военных и каудильо. Среди чилийской помещичьей элиты большой популярностью пользовались расистские, националистические идеи превосходства страны над ее соседями. Особенно известными были работы Николаса Паласиоса, прежде всего «Чилийская раса», в которой утверждалась преемственность чилийского национального элемента и тевтонского, готского через испанских конкистадоров, в свою очередь, происходивших от

¹ См.: Sutter C.C., Sunkel O. Un siglo de historia económica de Chile, 1830—1930. Dos ensayos y una biografía. Madrid, 1982. P. 146.

вестготов и воинственных индейцев-арауканов. Именно во имя сохранения расовой чистоты Н. Паласиос призывал ограничить иммиграцию европейцев, в первую очередь итальянцев.

Латиноамериканские либералы называли Чили «республикой-моделью». Победа в Тихоокеанской войне (1879—1883) над Перу и Боливией и присоединение огромных территорий на севере, богатых полезными ископаемыми, прежде всего гуано и мелью, создало среди чилийцев убеждение в своем блестящем будущем, в своей способности достичь уровня развития европейских государств, всегда остававшихся для них образцом. В начале XX в. Чили была страной с самой мощной и современной армией и флотом в регионе, бурно развивающейся экономикой, стабильной политической системой.

В этот период в чилийском обществе происходил органичный процесс трансформации всей его социальной структуры. Именно в начале XX в. в результате развития либерального капитализма, бурного экономического роста и увеличения государственного аппарата началось формирование новых средних слоев, которые отличались по своей функциональной сути от традиционного среднего класса, связанного с обслуживанием кастового, олигархического государства. Эти слои были представлены управляющими новых предприятий, технической интеллигенцией, государственными служащими, учителями, высококвалифицированными рабочими, собственниками мелких предприятий, обслуживавших крупную промышленность. Высокая социальная мобильность при минимальном влиянии иммиграции создала специфическую ситуацию в стране, когда новые общественные слои и группы стремились к быстрой интеграции в гражданское общество, к участию в политической жизни.

Политическая система Чили сильно отличалась от государственного устройства других стран континента. С конца XIX в. в Чили сложился режим парламентской республики. В недолгой, но кровопролитной гражданской войне 1891 г. сторонники сильной президентской власти президента Хосе Мануэля Бальмасседы потерпели поражение от сил объединенной оппозиции, чьим бастионом был Национальный Конгресс, чилийский парламент. Поражение войск президента и последовавшее затем самоубийство Х.М. Бальмасседы похоронили планы установления президентской республики. Победивший Конгресс провел ряд политических реформ, укрепивших равновесие властей и усиливших муниципальное самоуправление. Всевластие парламента

вело к усилению роли политических партий, развитию институтов гражданского общества.

В те годы в Чили повсеместно возникали политические клубы, укреплялись партии. Пресса играла все более серьезную роль в политической жизни. Если в конце XIX в. в Чили издавалось 95 газет, то в 1906 г. — 406, а в 1914 г. — 531¹. Фактически правителями страны были не президент и даже не министры, а руководители политических партий. Функционирование парламентского режима способствовало упрочению свободной прессы, конкуренции политических партий и существованию оппозиции, укоренило в сознании чилийцев уважение к процедурам и формальностям либеральной демократии, укрепляло гражданское общество, обеспечивая большое влияние средних слоев в политической жизни.

Обратной стороной парламентского режима стала министерская чехарда. По существовавшей системе утверждение министра в должности требовало одобрения большинством как в Палате депутатов, так и в Сенате. Такая практика приводила к частым сменам правительства, к непрерывному созданию и распаду самых разнообразных политических коалиций. Так, например, в период президентства Х. Риеско (1901—1906) сменилось 17 правительств и 73 министра, при Педро Монтте (1906—1910) — 11 кабинетов и 43 министра. Вместе с тем при всей своей кажущейся политической нестабильности и министерской неразберихе парламентский режим способствовал выработке механизмов взаимных уступок и достижения политического согласия, создававших основу социальной и политической прочности этой системы.

Выросло значение парламентских и муниципальных выборов. Тем не менее широко распространенным явлением была покупка голосов избирателей. Избрание депутата в Конгресс стоило 20—100 тыс. песо, сенатора — от 100 тыс. до 1 млн. Кандидаты открыто раздавали свои бюллетени избирателям, прилагая к ним соответствующие денежные средства. Подкуп облегчался тем, что каждый кандидат сам печатал свой собственный бюллетень, который и подавался в избирательную комиссию. Будущий лидер чилийской компартии Элиас Лаферте оставил воспоминания о своем участии в выборах в Икике в качестве наблюдателя: «Как и на всех других выборах, проводившихся в Икике, голосование направлял по своему усмотрению лидер

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 75.

бальмаседистов сенатор дель Рио. Шайки наемных головорезов и погонял орудовали на виду у всех. Баранов (т. с. избирателей) привозили голосовать в машинах... В 4 часа дня, когда голосование закончилось и должен был начаться подсчет голосов, я увидел, как председатель комиссии грубо и нагло вытолкал за дверь уполномоченного радикалов и порвал все бюллетени, поданные за кандидатов этой партии»¹.

В сельской местности крестьяне безоговорочно голосовали согласно воле местного помещика: им выдавали только один бюллетень, который привозил и раздавал землевладелец. Закон о провинциальных автономиях и муниципалитетах (1892), главными сторонниками которого были консерваторы и в первую очередь их лидер М.Х. Иррарасабаль, бравший пример со швейцарской демократии, гарантировал защиту власти элиты от притязаний центральной исполнительной власти. Эта реформа дала власть местным элитам, укрепив позиции помещичьей олигархии в политической жизни страны. Местным властям передавались широкие полномочия, а муниципалитеты становились почти полностью независимыми от центрального правительства. Видный деятель того времени консерватор Альберто Эдвардс писал: «Это новшество закончилось печальным провалом: у муниципалитетов не было достаточных финансовых ресурсов, не было опыта управления, в большинстве мест моральный и культурный уровень руководителей был низок; многие муниципалитеты оказались во власти второсортных политиканов и махинаторов, специализирующихся на подтасовках на выборах»².

В 1918 г. помещики составляли 50 % всех депутатов Конгресса. Землевладельцы-латифундисты делили власть с крупной буржуазией и предпринимательским классом крупных городов. Общество промышленного развития Чили (СОФОФА), представлявшее буржуазию Сантьяго, контролировало важнейшие государственные посты. С 1883 по 1930 г. 36 % членов исполкома этого общества были депутатами, сенаторами, министрами³.

Все возрастающую роль в чилийском обществе играли политические партии. Правая часть политического спектра была представлена Консервативной партией, правившей в Чили на

¹ Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961. С. 67—68.

² Edwards Vives A. La fronda aristocrática en Chile. Santiago de Chile, 2005. P. 204.

³ См.: Lovemen B. The Legacy of Hispanic Capitalism. P. 220—222.

протяжении практически всего XIX в. Консерваторы стояли на клерикально-охранительных позициях: защищали государственный статус католической церкви, сопротивлялись введению светского образования, отказывались признать свободу вероисповедания. Им противостояли либералы, программными лозунгами которых были антиклерикализм, парламентаризм, свобода прессы и политических партий. Бальмаседистская¹, или Либерально-демократическая партия, хотя и заявляла о своей приверженности принципам экономического национализма и сильной президентской власти, в действительности мало отличалась от либералов и чаще всего выступала в союзе с ними. Традиционные политические партии придерживались либерально-позитивистских взглядов на развитие общества, суть которых выразил президент страны Рамон Баррос Луко в своей речи в 1915 г.: «Есть только два типа проблем: те, что невозможно решить, и те, которые решаются сами собой».

Одной из старейших и влиятельных партий Чили была Радикальная, основанная в 1888 г. Она опиралась на городские средние слои, интеллигенцию, рабочий класс, часть помещиков юга страны. Радикалы были принципиальными сторонниками парламентского режима, проводили бескомпромиссную антиклерикальную политику, и тем самым представляли собой главных оппонентов консерваторов. Внутри радикальной партии выделились два течения: либеральное, возглавляемое лидером партии Э. Мак-Ивером, и реформистское, во главе с В. Летельером, признававшее классовую борьбу и социалистическую перспективу эволюции общества. В своей политической программе радикалы требовали запретить покупку голосов, ввести прямые выборы президента, отделить Церковь от государства.

С 1912 г. в Радикальной партии начал происходить поворот влево. На смену господствующим либеральным воззрениям на роль государства в экономической жизни и проповеди индивидуализма пришли идеи социальной справедливости, возникли концепции так называемого «государственного социализма», под которым понималась ведущая роль государства в хозяйственной жизни и в области социальных гарантий. Особенно активно эти обновленческие воззрения высказывались в партийных организациях в Атакаме и Консепсьоне, где было сильным рабочее движение.

¹ Партия сторонников президента Х.М. Бальмаседы.

Союзником радикалов была возникшая в 1887 г. Демократическая партия Чили. Демократы провозглашали лозунги социальных реформ, и в тот исторический период их деятельность носила революционный характер. Демократическая партия фактически являлась левым продолжением Радикальной. Демократы часто избирались в Конгресс, пользовались большой популярностью и поддержкой в среде мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих, городских низов в целом. Радикалы и консерваторы были представлены во всех провинциях, в этих партиях были сильны молодежные секции, которые задавали динамику в политической борьбе. Либералы же господствовали в Сантьяго, где зачастую предпочитали союзы с левыми и рабочими организациями.

После гражданской войны 1891 г. и установления парламентского режима первые два президента Х. Монтт и Ф. Эррасурис Эчаурен были избраны при поддержке и консерваторов, и либералов. Первым же президентом в XX в. стал либерал Херман Риеско, получивший 2/3 голосов выборщиков. Президентство Х. Риеско было идеальным образцом парламентской республики. Президента в шутку называли «Никакой угрозы». Он действительно никому не мешал осуществлять бесконечные комбинации между партиями в Конгрессе, лишь освящал своей властью формировавшиеся и распадавшиеся союзы и коалиции в стенах парламента. В 1906 г. желавшие более «сильной» президентской руки радикалы, часть либералов и диссиденты консервативной партии образовали «Национальный союз», выдвинувший кандидатом в президенты Педро Монтта. П. Монтт выиграл выборы под лозунгами укрепления президентской власти и реорганизации государства. Однако все его инициативы в этом направлении были блокированы Конгрессом.

Несмотря на общую атмосферу экономического подъема и политической стабильности, сложнейшей проблемой страны было финансовое положение: обесценивалась национальная валюта, рос государственный долг. В 1900 г. внутренний долг составлял 175,8 млн песо, а внешний — 689,4 млн. Через 10 лет первый увеличился до 497,7 млн, а второй вырос до 1010,3 млн песо¹. С 1900 по 1914 г. чилийский песо обесценился вдвое. Значительную роль в этом играла политика бесконтрольной эмиссии бумажных денег, не обеспеченных золотовалютными активами. Чилийское правительство часто декретировало неконвер-

¹ Очерки истории Чили. М., 1967. С. 210.

тируемость бумажного песо и объявляло принудительный, нерыночный курс его обмена на иностранную валюту и золото, что порождало постоянный рост цен. Банки спекулировали на разнице курсов, что создавало обстановку финансовой нестабильности, приводило к обнищанию широких слоев населения в крупных городах, где было много наемных рабочих и служащих, получавших фиксированное жалование бумажными деньгами. Крупные эмиссии были произведены в 1904, 1906 и 1907 гг.

В 1909 г. Х. Риеско предложил оздоровить финансовое положение, обменяв старые обесцененные деньги на новые. Конгресс отказал в реформе, отложив ее до 1915 г. Против президентской реформы высказались две трети депутатов. Потерпев поражение, Х. Риеско в 1910 г. уехал лечиться в Европу, где скоропостижно скончался в августе того же года. Это произошло накануне празднования в сентябре 1910 г. столетия провозглашения независимости Чили. По конституции на пост главы государства взошел вице-президент Элиас Фернандес Альбано, который недолго оставался на этом посту и умер в сентябре 1910 г. Следующим временным президентом стал Эмилиано Фигероа, которому и выпала честь возглавить как траурные мероприятия по умершим президентам, так и празднование юбилея. В предвыборной кампании 1910 г. все политические партии согласились с выдвижением единого кандидата, консерватора Рамона Барроса Луко. Он был избран президентом 23 декабря 1910 г.

Интерес к должности президента в условиях парламентского режима резко падал, а провал попыток реформ при П. Монтте свидетельствовал о политическом тупике, в котором оказалась чилийская элита. В 1912 г. недовольные коррупцией и беспринципностью партийного руководства представители различных политических течений образовали «Лигу гражданского действия», потребовавшую провести реформы государственного устройства и начать борьбу со злоупотреблениями депутатов и чиновников. Под антикоррупционными, антиолигархическими лозунгами на фоне глубокого морального кризиса государства возникло независимое движение возрождения, требовавшее решения насущных проблем страны.

На повестке дня стояли острые социальные и политические проблемы, прежде всего рабочий вопрос. Чилийские законы не регулировали процедуру найма и разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями. Юридически действовал либеральный принцип индивидуального контракта с рабочим. Эта система не предусматривала ни права на коллективный протест,

ни социальных гарантий. Предприниматели жестко сопротивлялись признанию права рабочих на объединение и забастовку. Потребность законодательного урегулирования отношений труда и капитала, решения рабочего вопроса поставила перед обществом принципиальные проблемы определения прерогатив собственности и ее ограничений, роли государства и его права вмешательства в трудовые конфликты.

Положение рабочего класса и в целом городских низов в Чили было поистине удручающим, контрастируя с внешним фасадом процветания и триумфалистскими настроениями правящих групп. В городах остро не хватало жилья. Большинство семей трудящихся проживало в бараках, где в одной комнате без всяких удобств, без окон, с одной лишь дверью во внутренний двор, без вентиляции проживало по 5 и более человек. Похожая ситуация была в районах добычи селитры. В контролируемых хозяевами рудников поселках рабочие получали часть зарплаты продуктами по завышенным ценам в лавках, принадлежавших тем же шахтовладельцам. Смертность среди рабочих была одной из самых высоких в мире. Частым явлением были эпидемические вспышки заразных и опасных заболеваний среди бедных слоев населения, прежде всего холеры, оспы, тифа, дифтерии. В Чили отмечался один из самых высоких в мире уровень детской смертности: 31 человек на 1000. Известный чилийский публицист Т. Пиночет Ле-Брун после поездки по стране в 1917 г. писал: «Чили является одной большой детской бойней»¹.

Зарплата рабочих оставалась мизерной: от 5—6 песо в день на селитряных коях севера, до 2—3 песо на промышленных предприятиях в городах² (при тогдашней покупательной способности зарплата на селитряных коях была достаточно привлекательной — отсюда массовая миграция, но условия труда были крайне тяжелыми). Рост цен и девальвация песо усиливали материальные лишения беднейших слоев населения. XX в. ознаменовался возникновением в Чили мощного протестного рабочего движения, требовавшего повышения зарплат, восьмичасового рабочего дня, бесплатного обучения детей в школах и т.д. Первые забастовки прошли на селитряных коях в Икике в 1890 г. Традиции забастовочного движения на севере страны укрепились в первые годы XX в. В середине 1903 г. забастовали моряки

¹ Correa S. Historia del siglo XX chileno. P. 55.

² История Латинской Америки. 90-е годы XIX века — 1918 год. М., 1993. С. 80.

Вальпараисо с требованием восьмичасового рабочего дня. Октябрь 1905 г. ознаменовался «красной неделей» в Сантьяго. 22 октября в столице прошел многолюдный митинг против дороговизны. На следующий день началась всеобщая забастовка, парализовавшая жизнь города. Правительство ответило репрессиями и ввело войска. В ходе столкновений рабочих с армией на улицах Сантьяго было убито 70, ранено 300, арестовано 520 человек. В 1906 г. забастовка железнодорожников в Антофагасте вызвала широкое движение солидарности, и всеобщая стачка парализовала жизнь этого города.

Пик забастовочного движения пришелся на 1907 г. В декабре 1907 г. забастовали рабочие селитряных копей в Икике, на севере страны. 21 декабря собравшихся в школе Санта-Мария в Икике рабочих из разных районов этой части страны безжалостно расстреляли армейские подразделения, посланные на подавление стачки. Общее число убитых составило более двух тысяч человек. Бойня в Икике стала самым кровавым эпизодом антинародных репрессий за всю почти 100-летнюю историю существования независимого чилийского государства.

В начале XX в. чилийские рабочие стали создавать общества взаимопомощи, цеховые «братства», которые основывались на принципах солидарности и взаимной поддержки. Они организовывали общие дешевые обеды для нуждавшихся, создавали кассы взаимопомощи и фонды вспомоществования вдовам и сиротам. Мютюалистские общества (Общества взаимопомощи) и «союзы сопротивления» стали основой возникновения профсоюзного движения, в котором главную роль играли анархисты и анархо-синдикалисты. Сила анархистского крыла в рабочем движении особенно проявилась в ходе «красной недели» в 1905 г. в Сантьяго. Анархисты были достаточно организованы. Одна из анархистских групп с 1913 по 1925 г. издавала газету «Ла Баталья» (Битва). Помимо анархистов большим влиянием среди рабочих пользовались социалисты разных мастей и даже клубы поклонников учения Льва Толстого.

Важнейшим этапом в развитии рабочего движения было образование Рабочей федерации Чили (ФОЧ). Инициатором ее создания был выдающийся социалист и деятель рабочего движения Луис Эмилио Рекабаррен (1876—1924). Он был рабочим-типографом, активистом профсоюзного движения, членом Демократической партии, в которой к этому времени сформировалось социалистическое крыло во главе с Л. Пенья-и-Лара. Л.Э. Рекабаррен был самоучкой, в центре его внимания были

идеи общественного переустройства, огромное влияние на него оказали взгляды Руссо и социалистов-утопистов. На первом этапе своей публичной деятельности он, как и его предшественники, левые либералы, увлекся устройством школ и курсов взаимного обучения рабочих и ремесленников. Постепенно его взгляды радикализировались, а программа действий становилась все более последовательной. Главным пунктом его пропаганды была отмена частной собственности и ее замена на коллективную или общинную. В частной жизни он был строгим, несгибаемым, аскетическим человеком, чем завоевал огромную популярность среди народа.

Демократы поддержали стачки в 1903 г. в Вальпараисо, приветствовали создание профсоюзов. Самые радикальные демократические парторганизации были в Сантьяго и Консепсьоне. Л.Э. Рекабаррен при поддержке демократов создал ряд газет для рабочих: «Эль демократа» (Демократ), «Эль трабахо» (Труд), «Эль деспертар де лос трабахадорес» (Пробуждение трудящихся). Под влиянием марксистских, социалистических идей, распространявшихся иммигрантами из Европы, Л.Э. Рекабаррен решился порвать с погрязшей в парламентских интригах Демократической партией и создать независимую рабочую политическую организацию. В 1906 г. он основал Социал-демократическую партию, которая в 1908 г. была принята во Второй Интернационал. После разрыва с умеренными реформистами из Демпартии в 1912 г. Л.Э. Рекабаррен преобразовал ее в Социалистическую рабочую партию, провозгласившую себя марксистской и пролетарской.

Активность и рост рабочего и социалистического движения беспокоили традиционные партии, которые провозгласили своей важнейшей задачей решение так называемого «социального вопроса». После обнародования папской энциклики «*Recurvum Novagum*» консерваторы стали создавать благотворительные общества, такие, как «Общество рабочих Св. Иосифа». Молодой консерватор Х.Э. Конча Суберкасо выступил с инициативой построения достойного жилья для бедняков. Так, в Сантьяго возник район «Лев XIII», а в центральном районе города «Бельявисга» построили несколько кварталов образцового жилья для рабочих. Под влиянием этого движения консервативной молодежи в 1906 г. при президенте Х. Рисско министр-консерватор М. Кручага Токорналь провел закон о жилище для рабочих. Изменилась и позиция чилийской католической церкви: от враждебности ко всем проявлениям рабочего движения под флагом социа-

лизма или анархизма она эволюционировала к активному участию в этом движении. Глава церкви архиепископ Гонсалес Эйсагирре призывал обратить внимание на бедствия городских низов, на необходимость сохранения социального мира в стране, находящегося под угрозой из-за роста рабочего и социалистического движения.

В начавшейся в августе 1914 г. Первой мировой войне Чили заняла позицию нейтралитета. Корабли противоборствующих сторон курсировали у берегов Чили, заходили в ее порты. В первые месяцы войны германская эскадра под командованием адмирала Шпее вела бои против английского флота в южной части Тихого океана. 1 ноября у берегов Чили произошло первое крупное сражение английских и немецких кораблей, победа в котором досталась Германии. Военные действия на море дезорганизовывали и без того переживавшую кризис чилийскую торговлю. Вскоре немецкая эскадра отправилась в Германию, но по пути была разбита противником. Спасшийся во время сражения крейсер «Дрезден» был блокирован англичанами у островов Хуан Фернандес. Больше военных действий на море близ Чили не было, что позволило возобновить безопасную торговлю.

Мировая война привела к резкому изменению экономической конъюнктуры. В первые месяцы войны закрылся европейский рынок селитры. Разразился бюджетный кризис, что впервые, несмотря на сопротивление в Конгрессе, позволило начать реформу налоговой системы. Однако после временных трудностей со сбытом в начальный период войны изменение экономической конъюнктуры вновь привело к повышенному спросу на чилийские товары, что вызвало подъем экономики. Ее бурный рост притупил на некоторое время острые социальные противоречия в стране. Открытие эксплуатации Панамского канала значительно облегчило доставку чилийских товаров в США. Обратной стороной этого события была утрата Вальпараисо своего почти монопольного положения транзитного порта для европейских товаров на всем тихоокеанском побережье Южной Америки. Хотя война закрыла для Чили немецкий рынок, увеличение спроса в США на селитру, главный компонент в производстве взрывчатки, благоприятно отразилось на экономическом положении страны. Медь, селитра, йод превратились в продукты стратегического экспорта в США, которые постепенно превращались в главного торгового партнера Чили. С завершением войны в 1918 г. чилийская экономика вступила в полосу спада, предвещавшего начало серьезного социального кризиса.

НАЧАЛО СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ. «ЛЕВ ИЗ ТАРАПАКА»

После экономического бума, связанного с крайне выгодной для Чили ситуацией на рынке селитры во время войны, с 1919 г. в селитряной промышленности наступил спад. Чилийская экономика отличалась сильной зависимостью от внешней торговли и конъюнктуры мирового рынка. Добыча селитры была жизненным нервом всей экономики страны. Экспортные пошлины на селитру и медь давали 61,5 % всех поступлений в государственную казну. Производство же селитры в послевоенные годы снизилось более чем на 60 %. Добыча меди в период с 1918 по 1920 г. сократилась вдвое¹.

Массовым явлением стала безработица. Более половины рабочих селитряной промышленности потеряли работу: из 56 981 человека, занятого на добыче селитры в 1918 г., только 23 542 сохранили свои рабочие места к 1920 г. Постоянная девальвация чилийского песо вызывала рост цен, что в сочетании с безработицей приводило к массовому обнищанию народа.

В период послевоенной депрессии резко увеличилось число забастовок. Если в 1917 г. бастовало 11 408 человек, то в 1918 г. бастующих стало уже вдвое больше, а в 1920 г. был достигнут рекордный уровень — 50 439 человек². В ответ правительство прибегло к репрессиям. Так, в феврале 1919 г. забастовка рабочих шерстопрядильных предприятий в Пуэрто-Наталес была жестоко подавлена с помощью армии, 15 человек было убито и 28 ранено. Правительство объявляло восное положение то в одной, то в другой провинции.

Рабочие создавали так называемые «общества сопротивления» и профсоюзы. Преобладающее влияние среди рабочих организаций Сантьяго, Вальпараисо, в угольном районе Консепсь-

¹ См.: *Sinopsis estadística de la Republica de Chile*. Santiago de Chile, 1925. P. 96.

² См.: *Loveman B*, Chile: The Legacy of Hispanic Capitalism: P. 227.

она завоевали анархисты и мютюалистские общества. В 1919 г. был создан чилийский филиал «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ) — анархо-синдикалистская федерация, пользовавшаяся большим влиянием в среде рабочих в портах Вальпараисо, Икике, Антофагасте. ИРМ поддерживала тесные связи с Федерацией студентов и Национальной ассоциацией учителей.

Важное место среди рабочих организаций занимала Рабочая федерация Чили (ФОЧ). На своем 2-м съезде в 1917 г. ФОЧ, первоначально объединявшая селитряных рабочих, решила принимать в свои ряды всех трудящихся без различия квалификации или профессии, превратившись в открытый профсоюзный центр. Наряду с ФОЧ, среди левых организаций выделялась малочисленная, но активная, возглавляемая Л.Э. Рекабарреном, Социалистическая рабочая партия (ПОС), которая провозгласила себя революционной марксистской партией, борющейся с капиталистической системой эксплуатации. Влияние ФОЧ резко возросло в годы послевосенной депрессии, особенно на севере и юге страны. В 1917 г. Федерация железнодорожников Чили под руководством социалиста Р. Сепульведы Леаля вступила в ФОЧ, а большинство в ее совете стало принадлежать представителям Социалистической рабочей партии.

В ноябре 1918 г. ФОЧ создала «Ассамблею национального обеспечения продовольствием», превратившуюся в массовую организацию, которая объединила в своих рядах широкие слои населения, выступавшие против роста цен на продукты питания. Программа Ассамблеи содержала требования установить твердый курс национальной валюты, снизить тарифы на импорт мяса, сахара, риса и других продуктов питания, запретить экспорт пшеницы, создать крестьянские рынки. Наряду с ФОЧ в Ассамблее участвовали ПОС, Федерация студентов Чили, Демократическая и Радикальная партии. Ассамблея стала мощной политической силой, демонстрируя возможности объединения всех левоцентристских сил. Такие объединения станут укоренившейся в чилийской политической практике традицией. 29 августа 1919 г. Ассамблея провела под своими лозунгами грандиозную 100-тысячную демонстрацию в Сантьяго, что привело к падению правительства и очередной перетасовке министерских портфелей¹.

¹ *Donoso R. Alessandri. Agitador y demoledor. Cincuenta años de historia política de Chile. México, 1952. P. 216.*

Действия Ассамблеи по мобилизации народных масс в Сантьяго свидетельствовали о создании фактического союза рабочих и части средних слоев, одинаково страдавших от кризиса и экономической политики правительства. Их совместные действия в рамках протестов, организованных Ассамблеями, готовили почву для объединения по политическим вопросам. Хотя большинство забастовок в этот период было организовано ИРМ, возглавляемой популярным лидером рабочих порта Вальпараисо Хуаном О. Чаморро, анархисты не смогли создать единый общенациональный профсоюзный центр.

Эту задачу выполнили социалисты из ФОЧ. В 1918 г. Л.Э. Рекабаррен создал Рабочую федерацию Антофагасты, действуя через которую он добился изменения политической линии общенациональной федерации. На съезде ФОЧ в Консепсьоне в 1919 г. под влиянием Л.Э. Рекабаррена был осуществлен радикальный поворот влево. В основу организационного строения ФОЧ был положен региональный принцип, что позволило объединить многочисленные профсоюзы разных отраслей на местах. Тогда же ФОЧ приняла «Декларацию принципов», в которой определялась цель борьбы рабочего класса — ликвидация капиталистического строя и замена его «синдикалистским» государством¹. В сентябре 1919 г. ФОЧ провела успешную всеобщую забастовку.

Во время кризиса рабочие и их семьи, занятые в северных районах на добыче селитры, перебирались в города и порты центра страны, в основном в Вальпараисо и Сантьяго, образуя взрывоопасную массу безработных и бездомных людей. Поистине трагическое положение многих тысяч людей в городах вызывало протест не только рабочего класса, но и средних слоев, которые видели в нараставшем социальном кризисе угрозу собственному благополучию.

В марте 1918 г. на парламентских выборах Либеральный альянс, в который входили Либеральная и Радикальная партии, завоевал большинство мест в Палате депутатов. Это позволило Альянсу сформировать правительство, во главе которого встал известный своим радикализмом сторонник кардинальных реформ Артуро Алессандри Пальма, член Либеральной партии. Его кабинет поставил на повестку дня принятие трудового и социального законодательства, отделение Церкви от государства,

¹ См.: Рамирес Некоча Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. М., 1984. С. 67.

введение гражданского брака и т.д. Конгресс отказался рассматривать проекты законов о регулировании трудовых отношений и проводить другие реформы. Кабинет А. Алессандри просуществовал всего 4 месяца — с апреля по сентябрь 1918 г.

Необходимость принятия социального законодательства и решения рабочего вопроса создала почву для объединения реформистских кругов буржуазии, средних слоев и рабочего класса. Осознание насущности перемен охватило широкие слои населения. Этого не могли не учитывать лидеры традиционных политических партий. В мае 1919 г. правительство либералов и радикалов заявило, что будет «рассматривать социальные вопросы с тем, чтобы власть в соответствии с требованиями времени, приняла социальное законодательство, основанное на солидарности и справедливости, что должно принести благополучие рабочему классу, приведет к гармонии труда и капитала»¹. Будучи сделано правыми политиками, это заявление отражало понимание ими неизбежности уступок в рабочем вопросе. Система принятия политических решений в Чили требовала консенсуса большей части господствующего класса, но все инициативы наталкивались на упорное сопротивление реакционеров в Конгрессе. В обстановке политического и социального кризиса страна подошла к президентским выборам 1920 г.

23 марта 1920 г. съезд Либерального альянса, основу которого составляли Радикальная, Либеральная и Демократическая партии, выдвинул кандидатом в президенты Артуро Алессандри Пальма. А. Алессандри (1868—1950) происходил из мелкопомещичьей семьи, более близкой по своему социальному положению средним слоям, чем традиционной олигархии. А. Алессандри был членом Либеральной партии и посвятил свою жизнь политике. С 1897 по 1915 г. он являлся депутатом Конгресса от провинции Тарапака, за что впоследствии получил прозвище «лев из Тарапака». В 1908 г. А. Алессандри стал министром промышленности, а в 1913 г. — министром финансов. В 1915 г. радикалы предложили ему баллотироваться на пост президента от их партии, хотя он был либералом. Его зажигательные речи с критикой парламентской олигархии, равнодушия к нищете народных масс завоевали симпатии простых людей. Он действовал вопреки правилам парламентской субординации и наперекор авторитету партийных вождей. А. Алессандри взорвал всю поли-

¹ *Donoso R. Alessandri. Agitador y demoledor. Cincuenta años de historia política de Chile.* P. 220.

тическую систему, в том числе разрушил уже отлаженную избирательную партийную машину мобилизации и контроля над избирателем. Его деятельность разбудила страну, особенно крупные города. Антиолигархические лозунги сделали А. Алессандри подлинно народным вождем. 17 мая 1915 г. после избрания в Сенат огромные массы народа встретили его в Сантьяго как безусловного общенационального лидера.

С 1918 г. А. Алессандри — одна из центральных фигур чилийской политики. Став кандидатом на пост президента от такого мощного объединения как Либеральный альянс, А. Алессандри впервые предложил радикальную программу социальных и политических реформ. В своей первой предвыборной речи А. Алессандри обрушился с резкой критикой «анархического и дезорганизующего чилийского парламентаризма», тормозящего проведение назревших реформ. Он обещал отделить Церковь от государства, принять социальное законодательство, создать Министерство труда. В экономической области А. Алессандри предлагал провести реформу налоговой системы. Эта реформа была призвана изменить порядок, при котором львиная доля бюджета формировалась за счет экспортно-импортных пошлин, что превращало государство в заложника внешней торговли и конъюнктуры мирового рынка. А. Алессандри предлагал ввести прогрессивный подоходный налог, чему решительно воспротивились имущие классы. Другим важным пунктом программы А. Алессандри была финансовая стабилизация. Особенностью Чили в те годы был отказ от золотого стандарта, что отличало страну от господствующих тогда представлений о нормальном функционировании финансовой системы. Бумажный песо постоянно девальвировался, что вызывало рост цен. Страдали от этой системы городские низы, а также не связанная с экспортом мелкая и средняя буржуазия.

А. Алессандри противостояла коалиция правых партий Национальный союз, ядро которого составляли консерваторы, решительно настроенные дать отпор реформистскому наступлению Либерального альянса. 2 мая 1920 г. кандидатом в президенты от Национального союза был выдвинут Луис Баррос Боргоньо, представлявший традиционную элиту Сантьяго. Часть умеренных радикалов во главе со своим лидером Э. Мак-Ивером, а также стоявшая за ним партийная организация Сантьяго, напуганные напором и решительностью А. Алессандри, поддержанного народными массами, высказались в поддержку Л. Барроса Боргоньо. Однако под давлением реформистского крыла

партии, возглавляемого П. Агирре Серда и Э. Ойярсунотом, «старое» умеренное руководство радикалов перед угрозой раскола было вынуждено поддержать А. Алессандри.

Несмотря на популярность А. Алессандри, социалисты во главе с Л.Э. Рекабарреном, исходя из принципа классовой независимости отказались поддержать Либеральный альянс. Прошедшая 1—2 июня 1920 г. в Антофагасте конференция ПОС выдвинула кандидатом в президенты Л.Э. Рекабаррена. При этом ФОЧ, по сути являвшаяся филиалом социалистов, высказалась в поддержку А. Алессандри¹.

Предвыборная кампания 1920 г. сильно отличалась от предыдущих лет не только накалом страстей, но и новым стилем агитации. А. Алессандри явил собой новый тип политика. Он напрямую обращался к рабочему классу, городским низам. В то время как Л. Баррос Боргоньо вел агитацию через столичные газеты, А. Алессандри ездил по стране, выступал перед избирателями на собраниях и митингах. Он заявлял: «Я хочу быть угрозой реакционному духу, угрозой тем, кто сопротивляется всем справедливым и необходимым реформам»². В то время как его противник держался в парламентских рамках, в умеренном тоне говорил о своей программе, также включавшей тезисы о гармонии труда и капитала, организации профсоюзов и праве на забастовку, А. Алессандри прямо называл положение в стране «тлеющим пожаром общественного конфликта», открыто призывая уничтожить «всю золоченую сволочь». А. Алессандри выступал повсюду: на железнодорожных станциях, на площадях. Перед его домом в Сантьяго ежедневно собирались люди на многочисленные митинги. Активная наступательная кампания привлекла на сторону А. Алессандри подавляющую часть народа. Даже сторонники Л.Э. Рекабаррена, выдвинувшие своего кандидата, все же голосовали за А. Алессандри, понимая, что предстоит сделать выбор между реформами и реакцией³.

25 июня 1920 г. в обстановке насилия и беспорядков состоялись выборы. По избирательной системе, существовавшей тогда в Чили, выборы президента не были прямыми. А. Алессандри получил 179 голосов выборщиков, а Л. Баррос Боргоньо — 175. Стороны выступили с взаимными обвинениями в подлоге и

¹ См.: *Angell F. Politics and the Labour Movement in Chile*. London, 1972. P. 16.

² *Loveman B. Chile: The Legacy of Hispanic Capitalism*. P. 241.

³ См.: *Рамирес Некочае Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили*. С. 96.

фальсификациях. Пытаясь помешать А. Алессандри стать президентом, правые предприняли широкомасштабную провокацию. Воспользовавшись приходом к власти в Боливии реваншистского правительства Б. Сааведры, военное министерство распространило сообщение о якобы готовящемся нападении этой страны на Чили. Хотя никакой реальной опасности от небольшой боливийской армии исходить не могло, военный министр ультраконсерватор Ладислао Эррасурис объявил мобилизацию 10 тыс. человек. Военские части были приведены в боевую готовность и отправлены из столицы и центральных районов страны на север. Генералитет стремился удалить из Сантьяго войска, так как среди младшего и среднего командного состава было немало сторонников А. Алессандри.

Однако провокация правых не удалась. Для выхода из кризисной ситуации, вызванной враждебными демаршами сторон, было решено создать «Трибунал чести». Он должен был проверить результаты голосования и принять окончательное решение. 30 сентября этот трибунал объявил о победе А. Алессандри с перевесом в один голос. 6 октября 1920 г. победитель был утвержден Конгрессом, а 23 декабря 1920 г. А. Алессандри вступил в должность президента Чили.

Первый кабинет министров, в состав которого вошли радикалы, либералы, демократы и бальмаседисты, возглавил популярный политик, радикал Педро Агирре Серда. Впервые в истории страны министром стал рабочий, член Демократической партии Зенон Торреальба. Этими назначениями А. Алессандри хотел подчеркнуть свое непреклонное желание осуществить «социальную программу». Однако правительство продержалось недолго. Либеральный альянс обладал большинством мест только в нижней палате Конгресса, Сенат же контролировала оппозиция. Все проекты реформ и, прежде всего, важнейшие социальные законопроекты блокировались оппозицией в Сенате.

Тяжелое положение в экономике осложняло деятельность правительства. Изобретение искусственной селитры, резко снизившее спрос на чилийскую натуральную селитру, вызвало падение спроса и доходов от этой отрасли. Эти обстоятельства, плюс падение цен на медь привели к дефициту бюджета. За четыре года деятельности администрации А. Алессандри чилийский песо девальвировался на 50 %. В бюджете не было денег на содержание государственных служащих, армии не платили по 6 месяцев. В условиях обструкции парламента А. Алессандри не мог начать реформы налоговой и финансовой системы. Главной

задачей стало получение внешних займов на покрытие дефицита бюджета. Государственный долг Чили достиг 53 500 000 фунтов стерлингов, половину которого составляли внешние займы¹. Привлекаемые ресурсы тратились на содержание госаппарата, а также на финансирование общественных работ, в первую очередь, на железнодорожное строительство.

Правительство А. Алессандри нанесло сильный удар по монополии олигархического клана Эдвардса на каботажные перевозки, отменив запрет на их осуществление иностранными кораблями. Эти меры улучшили внутреннюю транспортную инфраструктуру, в том числе морскую, что при вытянутости территории Чили вдоль Тихоокеанского побережья было жизненно важно для народного хозяйства.

А. Алессандри рассчитывал сдвинуть реформы с мертвой точки, получив большинство в Сенате на выборах в Конгресс в марте 1921 г. Однако постоянные расколы и интриги внутри Альянса привели к разочарованию избирателей. Политическое положение правительства осложнялось также и тем, что спустя 2 месяца после вступления в должность «народного» президента на севере в Сан-Грегорио против забастовщиков была использована армия, которая расстреляла протестовавших рабочих. И хотя А. Алессандри и П. Агирре Серда не были причастны к этой акции местных военных и полицейских властей,² по авторитету правительства был нанесен серьезный удар.

Накануне парламентских выборов А. Алессандри предпринял попытку консолидации реформистских сил. Либеральному альянсу удалось заручиться поддержкой левых, марксистов, ФОЧ и социалистов. Рабочие лидеры Л.Э. Рекабаррен и Л. Виктор Крус приняли предложения А. Алессандри и вошли в предвыборные списки Либерального альянса. Оба были избраны в Конгресс. Учитывая, что спустя несколько месяцев социалисты приняли решение о вступлении в Третий Интернационал и всегда декларировали приверженность идеям и целям большевистской революции в России, их участие в правительственной коалиции с либералами было уникальным случаем в мировой политике тех лет.

¹ См.: Boix E. Situación económica de Chile. Estudio económico-comercial del país. Madrid, 1927. P. 9.

² Даже коммунист Э. Лаферте признавал непричастность А. Алессандри и П. Агирре Серда к резне в Сан-Грегорио.

На протяжении всего XX в. чилийские буржуазно-демократические партии не однажды шли на союз с марксистскими партиями и движениями, в том числе и с коммунистической партией. Такая готовность к компромиссу с рабочим движением усиливала позиции реформистского крыла господствующего класса. В то же время чилийские левые партии, включая коммунистов, также проявляли интерес и готовность к участию в широких политических коалициях и успешно действовали в рамках демократической институционности. Это способствовало усилению их политического влияния и, по крайней мере, до 1973 г. давало им широкие возможности защиты интересов представляемых ими социальных слоев (главным образом, организованных рабочих). Все это в совокупности укрепляло политические институты Чили и способствовало созданию особой, нетипичной для Латинской Америки в целом политической культуры.

Несмотря на привлечение в Альянс социалистов и рабочих профсоюзов, коалиция была ослаблена противоречиями между либералами и радикалами. Демократы и радикалы пошли на выборы с самостоятельными списками. В результате главной цели — завоевания большинства в обеих палатах — достичь не удалось. Если в Палате депутатов Альянс и его союзники сохранили большинство, то Сенат по-прежнему оставался под контролем оппозиции. После выборов 1921 г., как и до них, страна жила в состоянии постоянных министерских кризисов.

А. Алессандри не смирился с поражением. Он активно разрушал порядки, сложившиеся за два десятилетия существования парламентской республики: вмешивался в дебаты в Конгрессе, призывал массы оказывать давление на депутатов. А. Алессандри устраивал регулярные многочисленные манифестации своих сторонников у президентского дворца Ла-Монедра, в своих речах обвиняя парламент во всех бедах и требуя себе дополнительных полномочий. Президент публиковал в прессе свои манифесты, в которых высказывался за установление президентского режима, чего раньше не делал ни один из его предшественников. Правое крыло радикалов, выступавшее против реформы парламентской системы, о которой все чаще говорил А. Алессандри, окончательно порвало с Альянсом и примкнуло к оппозиции. Демократическая партия была недовольна авторитарными методами президента, который зачастую игнорировал интересы своих политических союзников. В результате демократы также отказали в доверии правительству, и в ноябре 1921 г. А. Алессандри был

вынужден поручить формирование правительства оппозиции, представителю Национального союза.

Важной внешнеполитической задачей правительства А. Алессандри в этот период было решение спора с Перу по поводу провинций Такна и Арика, где согласно Анконскому договору, завершившему победоносную для Чили Тихоокеанскую войну, следовало провести референдум о принадлежности этих провинций. Сроки референдума, установленные договором, были нарушены чилийцами, и Перу, ссылаясь на прецедент Версальского договора, вернувшего Франции Эльзас и Лотарингию, требовала безоговорочного возвращения не только Такны и Арики, но и Тарапака — провинций, захваченных Чили во время Тихоокеанской войны. А. Алессандри, желая вывести дело из дипломатического тупика, решил обратиться в международный арбитраж, предложив поручить его США. Перу была вынуждена принять «добрые услуги» Вашингтона. В 1923 г. стороны подписали протокол об арбитраже, а в 1925 г. американский президент Д. Кулидж постановил провести референдум, что было выгодно Чили, сохранявшей суверенитет над провинциями до результатов голосования. Перуанцы, понимая преимущества Чили, организовали бойкот предвыборной регистрации перуанцев, проживавших в провинциях и имевших право голоса. Ситуация вновь оказалась патовой.

В 1926 г. чилийское правительство предложило передать Такну Перу, оставив Арику Чили, и даже выделить коридор к океану для Боливии. Этот принцип раздела был принят Перу. В 1928 г. страны восстановили дипломатические отношения, а в 1929 г. Такна была возвращена Перу, Арика осталась чилийской, а Боливия не получила ничего. Столь несправедливое применительно к Боливии решение сделало вопрос о выходе этой страны к морю постоянным раздражителем в отношениях двух соседних стран на протяжении всего XX в. вплоть до наших дней. В течение всего этого времени, за исключением коротких периодов улучшения, между Боливией и Чили не было дипломатических отношений.

Если во внешней политике А. Алессандри добился серьезных успехов и подвижек в решении территориального вопроса, то во внутренней можно было констатировать провал практически всех реформаторских инициатив президента. В течение четырех лет его правления сменилось 16 кабинетов министров, а реформы так и не начались. В своем послании к Конгрессу 1 июня 1922 г. президент упрекал законодателей в том, что они игнорировали главные проблемы страны, саботировали принятие зако-

нов, которые позволили бы решить острые социальные вопросы. «Будет ошибкой, — говорилось в послании, — объяснять причины размаха рабочего движения, которое действительно ведет к беспорядку в экономической жизни страны, исключительно деятельностью агитаторов и подрывной пропагандой. Это происходит по более глубоким причинам. Нам нужны законы, которые смогут защитить пролетариат... Я настаиваю, чтобы Вы занялись социальными проблемами»¹. Однако парламент остался глух к призывам президента и поддерживавших его партий.

Размах рабочего движения беспокоил традиционные политические партии. Его развитие и организационное становление проходили в условиях демократических свобод и легальности. Рабочее движение в Чили постепенно возглавили марксисты. Вхождение рабочих лидеров в Либеральный альянс на выборах 1921 г. открыло новую страницу в отношениях реформистских буржуазных партий и рабочего движения. Социалистическая рабочая партия (Коммунистическая с 1922 г.) пошла на сотрудничество с буржуазно-реформистским Либеральным альянсом, преследуя свои партийно-классовые цели. В свою очередь, чилийская реформистская буржуазия не отвергла, как в других странах континента, союз с коммунистами, заложив тем самым основы постепенной интеграции рабочего движения, включая коммунистов, в гражданское общество, демонстрируя готовность идти на уступки во имя демократической эволюции политической системы. Стремящиеся к власти и конфликтующие с традиционной олигархией средние слои, от имени которых с реформистской программой выступал А. Алессандри (а чуть позднее радикалы и молодые военные), конфликту с рабочим движением предпочли достижение компромисса с правящей элитой во имя своих политических целей. Так складывались те особенности рабочего движения, которые наложили отпечаток на всю чилийскую историю XX в. В Чили рабочее, профсоюзное движение и левые партии стали важной составляющей частью гражданского общества и политической системы.

Единственной крупной общенациональной федерацией профсоюзов оставалась ФОЧ. В этот период в ФОЧ насчитывалось около 150 тыс. членов, из которых 90 тыс. представляли рабочих добывающих отраслей². В 1920—1922 гг. в ФОЧ обсуждалась проблема создания рабочей партии. Дискуссия разверну-

¹ *Alessandri Palma A. Recuerdos de gobierno*. T. I. P. 216.

² См.: Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1998. С. 41.

лась вокруг объединения Социалистической рабочей партии, ФОЧ и Демократической партии в единую мощную открытую для всех слоев населения Лабористскую партию. Эта партия должна была быть по примеру британских лейбористов союзом групп, фракций и профсоюзов без определенной идеологии, но с широко понимаемыми целями социального освобождения. Часть социалистов выступила против этой идеи, предлагая преобразование ПОС в компартию и присоединение к Коминтерну. Было принято решение о проведении общенационального рабочего съезда, но в декабре 1921 г. демократы отвергли предложения об объединении, так как состояли в союзе с реформистскими партиями в Либеральном Альянсе.

Состоявшийся 25—29 декабря 1921 г. съезд ФОЧ в Ранкагуа принял решение порвать с демократами. В результате съезд покинули 33 делегата из 100, большая часть из них состояла в Демократической партии. Если до этого съезда Л.Э. Рекабаррен был против использования ФОЧ в качестве основы политической партии, то после Ранкагуа он изменил свою точку зрения. ФОЧ приняла решение о вхождении в Профинтерн. Вслед за съездом ФОЧ, здесь же в Ранкагуа, 1 января 1922 г. почти в том же составе состоялся съезд Социалистической рабочей партии, официально преобразованной в Коммунистическую партию Чили (КПЧ). В качестве массовой опоры КПЧ Л.Э. Рекабаррен использовал ФОЧ, которая все более увлекалась чисто политической борьбой, все меньше уделяя внимания экономическим требованиям, что привело к потере ее влияния в среде рабочих. В то время как ряды мютюалистских организаций росли, достигнув 90 тыс. человек в 1924 г., численность ФОЧ из-за ее идеологических увлечений снизилась наполовину, упав до 30 тыс. человек¹. К тому же ФОЧ действовала там же, где и компартия — в угольной и селитряной промышленности. Крупные города, особенно Сантьяго (где ФОЧ насчитывала всего около тысячи членов), оставались слабым местом коммунистов. Несмотря на все трудности, ФОЧ и Компартия завоевывали серьезные позиции на политической сцене страны.

В мае 1923 г. радикалы предложили свой программный закон об отделении Церкви от государства, что вызвало яростную оппозицию правых партий и привело к очередному министерскому кризису. А. Алессандри, бросая вызов Сенату, вновь поручил создание кабинета Радикальной партии. Радикалы категориче-

¹ См.: *Angell A. Politics and the Labour Movement in Chile*. P. 34—35.

ски требовали принятия Трудового кодекса и налоговой реформы. Ни оппозиция, ни реформаторы не уступали. Политическая ситуация продолжала накаляться.

За несколько месяцев до выборов 1924 г. умер брат А. Алессандри, один из депутатов Конгресса. Согласно конституции, было необходимо провести довыборы в округе Ньюбле, который представлял умерший депутат. Не имея практического значения, дополнительные выборы могли оказать огромный морально-психологический эффект в случае провала проправительственного кандидата, что было вполне реальным. Президент Чили в нарушение конституции отказался созвать выборы, так как по всем опросам было ясно, что на них победит консервативная оппозиция. Действия А. Алессандри разрушали конституционную традицию регулярных выборов. В ответ оппозиционный Сенат, опасаясь использования войск президентом в его возможном конфликте с парламентом, запретил вооруженным силам находиться в столице и пригородах. Армия была вынуждена покинуть столичный округ.

Единственным выходом из политического тупика А. Алессандри считал внесение изменений в конституцию. В своем послании к Конгрессу 1923 г. он ультимативно потребовал принятия социального законодательства, создания Центрального банка, что стало бы серьезным шагом к финансовой стабилизации, а также выдвинул тезис о необходимости конституционной реформы, которая положила бы конец «хаотическому и безграничному» парламентаризму¹. Свой взгляд на реформирование государственного устройства он изложил, выступая перед военными в кавалерийской школе, что было расценено как демонстрация союза реформаторов и армии. Кризис достиг своей кульминации, когда А. Алессандри в январе 1924 г. вновь поручил сформировать правительство самому последовательному реформатору и популярному деятелю Радикальной партии П. Агирре Серда, а на пост военного министра был назначен глава карабинеров полковник А. Эвиг.

Оппозиция расценила создание этого кабинета как угрозу конституционному строю. Оказавшись в безвыходной политической ситуации, А. Алессандри выразил готовность уйти в отставку. Радикалы соглашались на компромисс с правыми партиями на основе принятия конституционных реформ. После долгих переговоров в феврале 1924 г. был сформирован кабинет

¹ См.: *Alessandri Palma A. Recuerdos de gobierno. T. I. P. 216.*

примирения, состоявший из представителей Альянса и оппозиции. Противостоящие стороны достигли джентльменского соглашения: А. Алессандри обещал не вмешиваться в ход парламентских выборов в марте 1924 г., а оппозиция соглашалась изменить некоторые парламентские процедуры для ускорения прохождения законопроектов, принять закон о запрете покупки голосов, также была достигнута договоренность о разработке нового избирательного закона. Одним из пунктов соглашения было введение зарплаты парламентариям. Это было требование среднего класса, так как позволяло лицам свободных профессий заниматься парламентской деятельностью вне зависимости от уровня своих доходов. Из-за взаимного недоверия эти договоренности президента и оппозиции не соблюдались. Кабинет примирения ушел в отставку, что сопровождалось громкими заявлениями даже проправительственных министров, возмущенных коварством президента, сразу же ставшего нарушать только что подписанный пакт с оппозицией. А. Алессандри активно вмешался в ход выборов 2 марта 1924 г., результатом которых стала столь ожидаемая победа Либерального альянса в обеих палатах Конгресса.

Однако успех на выборах не оправдал надежд А. Алессандри на быстрое проведение реформ. Интриги и расколы внутри победившего блока партий вновь создали патовую ситуацию в Конгрессе. Законопроекты застряли в бесконечных обсуждениях и согласованиях. Между тем финансовое положение страны было катастрофическим: не выплачивались зарплаты государственным чиновникам, армии, флоту, карабинерам.

В обстановке нараставшей нестабильности и недовольства правлением А. Алессандри возник заговор консервативных кругов армии, выступавших против «социальных экспериментов» правительства. Ими было образовано тайное общество ТЕА (по начальным буквам испанских слов: стойкость, энтузиазм, самоотверженность). В состав заговорщиков входили высшие офицеры армии, среди них генерал Луис Альтамирано. Правые депутаты Конгресса, потерпев поражение на парламентской арене, установили контакт с высшим командованием вооруженных сил, поддерживая заговорщиков из ТЕА.

Позиции высших военных иерархов не отражали настроений офицерского корпуса. Чилийские военные в своем большинстве были выходцами из средних городских слоев. Им были близки требования демократизации общества. В вооруженных силах Чили «прусская» школа создала аполитичное и высокопрофес-

сиональное офицерство, что, в свою очередь, привело к появлению «нового типа» патриотизма, идеалами которого были восстановление морали, наведение порядка и ликвидация парламентского хаоса и, в конечном итоге, национальное возрождение¹.

Для восстановления дисциплины в рядах проправительственных парламентариев правительство решило ввести зарплату для депутатов. Это решение правительства и Конгресса принять закон о зарплате депутатам, к тому же противоречащее конституции, вызвало возмущение в среде офицерства, так как военные страдали от многомесячных задержек жалования. 2 сентября 1924 г. закон был принят нижней палатой парламента. На вечернем заседании Сената, где должны были голосовать по этому законопроекту, на галерее для публики² места заняла многочисленная группа офицеров. Во время голосования порядок был нарушен протестами, свистом и «грохотом сабель» необычных посетителей. Присутствовавший на заседании министр обороны попытался навести порядок среди своих подчиненных, но был освистан и подвергся оскорблениям вышедших из повиновения военных, что было беспрецедентно для Чили.

4 сентября, несмотря на запрет президента, офицеры вновь явились в Сенат, где устроили шумную манифестацию. Это был открытый акт неповиновения и давления на правительство со стороны военных. А. Алессандри провел срочные консультации с высшими военачальниками Л. Альтамирано и П. Дартнеллом, которые фактически солидаризировались с протестами офицеров из Военного клуба и заявили, что не гарантируют лояльность вооруженных сил в случае открытого конфликта с парламентом и правительством. В тот же день генерал Л. Альтамирано посетил Военный клуб, где провел переговоры с группой офицеров, участвовавших в акциях 2 и 3 сентября. Л. Альтамирано согласился принять на себя руководство движением офицеров, таким образом во главе реформистки настроенных военных оказался один из лидеров правого крыла армии и член ТЕА.

¹ Военные были недовольны отсутствием позитивных результатов правления А. Алессандри. За 4 года его президентства сменилось 13 министров обороны, а материальные проблемы военных так и не были решены.

² В чилийском Конгрессе до сих пор существует свободный доступ граждан на заседания, достаточно предъявить удостоверение личности.

Тем временем попытки военного министра Ф. Мора разрешить кризис путем соглашения с офицерами Военного клуба закончились полным провалом. Кризис нарастал, на горизонте маячил призрак военного переворота. Министр внутренних дел П. Агирре Серда в тот же день получил важные новости из Вальпараисо от адмирала Ф. Неффа, заверявшего в своей лояльности президенту и законной власти, но исключавшего возможность использования флота против другой части вооруженных сил в случае открытой конфронтации.

В ночь с 4 на 5 сентября 1924 г. А. Алессандри встретился с представителями протестовавших в Военном клубе офицеров. В ходе беседы стало ясно, что они придерживались сходных взглядов на политическую ситуацию в стране. Президент сам порекомендовал им создать Военный комитет и выработать четкие требования¹. Такой комитет был создан из представителей различных родов войск. Хотя в него входили высшие военачальники армии и флота, ведущую роль в нем играли молодые офицеры.

Движение лейтенантов и капитанов испугало чилийские правые партии. Национальный союз объявил о создании Гражданского фронта против милитаристской угрозы, под которой понималось объединение А. Алессандри и военных. Тем временем высшие офицеры убеждали президента во враждебности армии и ее готовности к свержению реформистского правительства.

5 сентября делегация военных представила президенту петицию, написанную неформальным лидером офицеров Карлосом Ибаньесом дель Кампо и А. Ласо, со следующими требованиями: президентское вето на закон о зарплате депутатам, отставка министров, позволивших оскорбительные для армии заявления, немедленное принятие социальных законов, прежде всего Трудового кодекса, налоговая реформа с введением прогрессивного подоходного налога². Требования военных носили ультимативный характер. Так как почти все указанные пункты петиции совпадали с его собственной программой реформ, А. Алессандри, рассчитывая сделать военных своими неожиданными сильными союзниками, сам предложил создать военно-гражданское правительство.

¹ См.: *Charlin O. C. Del avión rojo a la Republica Socialista*. Santiago de Chile, 1972. P. 32—35.

² См.: *Donoso R. Alessandri. Agitador y demoleedor. Cincuenta anos de historia política de Chile*. P. 382.

6 сентября Л. Альтамирано возглавил кабинет министров. Таким образом, А. Алессандри сам передал власть и руководство движением молодых офицеров правоконсервативному генералитету, составлявшему ядро заговорщиков ТЕА.

Реакция общества на события начала сентября была в целом благоприятной. Сторонники А. Алессандри поддерживали по существу требования военных. Правые также высказались в пользу действий армии. Даже демократы и коммунисты поддерживали движение офицеров. Л.Э. Рекабаррен назвал движение молодых офицеров «большим шагом вперед в отношении интересов рабочего класса»¹.

8 сентября в один день Конгресс принял все законы, на чем уже три года настаивал А. Алессандри. Все требования военных были выполнены. Теперь А. Алессандри выступил за роспуск Военного комитета как антиконституционного органа, но получил отказ, столкнувшись с новыми требованиями военных. Вернувшийся из Вальпараисо, где он вел переговоры с моряками, член Военного комитета Мармадуке Грове представил требования флота: роспуск Конгресса и отставка самого А. Алессандри. 9 сентября президент неожиданно сам ушел в отставку. Это поставило Л. Альтамирано в сложное положение. С одной стороны, часть армии, прежде всего флот, требовали роспуска Конгресса, что мог сделать по закону только президент. Все это создавало сложную ситуацию в связи с нелегитимностью новой власти, что с учетом парламентских традиций в Чили было отнюдь не второстепенным вопросом.

После длительных переговоров и отказа Конгресса принять отставку президента, парламент постановил разрешить А. Алессандри отъезд из Чили с временной, на шесть месяцев, передачей полномочий главе кабинета министров Л. Альтамирано, ставшему вице-президентом. Предполагалось сохранить все атрибуты законной передачи власти. Военные собирались оказать А. Алессандри президентские почести при отъезде. Однако А. Алессандри снова спугал им все карты: в условиях насильственного смещения с поста президента он не стал участвовать в спектакле с временным отъездом, попросил политическое убежище в американском посольстве, а затем 10 сентября выехал в Аргентину². К

¹ NAHR, No. 1, February, 1967, P. 9—14.

² См.: *Correa Prieto L.* El presidente Ibanez. La política y los políticos. Apuntes para la historia. Santiago de Chile, 1962. P. 82—90.

власти в Чили пришла военная хунта, а 11 сентября был распущен Конгресс.

Наряду с хунтой, возглавляемой Л. Альтамирано, действовал Военный комитет, в котором ключевые позиции занимали молодые офицеры-реформисты Б. Бланш, К. Ибаньес, М. Грове. В то время как хунта заявила о возвращении конституционной законности и скором созыве Учредительного собрания, офицеры потребовали предварительного одобрения новой конституции Военным комитетом. Кроме того, комитет направил хунте свой список требований, свидетельствовавших о реформистском настрое офицерства. Комитет настаивал на проведении налоговой реформы, роспуске муниципалитетов и их замене временными советами жителей, создании Центрального банка и Министерства труда, принятии закона о защите национальной промышленности и снижении цен.

Правительство Л. Альтамирано опиралось на консервативную часть вооруженных сил, главным образом, флот, и на партии Национального союза, приветствовавшие охранительную тенденцию в политике хунты. Между тем военные все более вовлекались в политическую борьбу: молодые офицеры появлялись на рабочих собраниях и митингах левых партий, в том числе КПЧ и ФОЧ. В своих выступлениях они резко критиковали олигархию и политиков из парламента, призывая к созыву Учредительного собрания. Их требования совпадали с позицией Радикальной и Демократической партий, а также алессандристов, которые попытались выступить единым фронтом против хунты. И все же левым силам не удалось добиться единства. Коммунисты отвергли предложения радикалов и демократов о сотрудничестве и создании Национального рабочего комитета как органа совместных действий¹. Большой потерей для левых сил и рабочего движения было самоубийство Л.Э. Рекабаррена.

Правительство не могло мириться с двоевластием хунты и Военного комитета. 13 декабря 1924 г. на заседании Комитета вопрос: либо самораспуститься, либо настоять на отставке правительства, что спровоцировало бы внутриармейский конфликт, чреватый гражданской войной, — был решен в пользу хунты. С этим не согласились две недущие фигуры военного движения К. Ибаньес и М. Грове, продолжившие свою «конспиративную» деятельность в армии. Хунта, добившись самороспуска комите-

¹ См.: Рамирес Некочей Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. С. 204.

та, отказалась от обещанных реформ и выступила с программой возвращения к гражданскому правлению. Более того, на предстоявших президентских выборах она поддержала выдвинутую в январе 1925 г. правыми партиями кандидатуру молодого ультраконсерватора Ладислао Эррасуриса. Речь шла фактически о реставрации уже мертвого режима, чего не хотел никто, даже правые. Для радикалов, демократов и Либерального альянса такая политика была неприемлема. Внутри армии усилились позиции группы офицеров, возглавляемых К. Ибаньесом и М. Грове.

Бывшие лидеры Военного комитета располагали мощными силами в армии. Их слабым местом были флот и подразделения войск в Вальпараисо и Винья-дель-Мар, однако политика делалась в столице. Заговор военных, главной опорой которых был гарнизон Сантьяго, карабинеры и ВВС, возглавил К. Ибаньес. 23 января 1925 г. в Ла-Монеде появилась небольшая группа офицеров, которые арестовали правительство Л. Альтамирано. Как писал очевидец событий А. Эдвардс: «Правительство было свергнуто малым числом военных, но еще меньше было тех, кто встал бы на его защиту, ...во всем гарнизоне Сантьяго не было никакого движения, чтобы оказать сопротивление путчистам»¹. Была создана новая хунта во главе с Э. Бельо Кодесио, в составе генералов П.П. Дартнелла и Э. Ортиса Веса. Хунта выпустила манифест к народу, в котором главной целью переворота объявлялись проведение социальных реформ и принятие новой конституции. Идеологом и душой предстоящих преобразований был министр здравоохранения, близкий тогда к К. Ибаньесу, военный врач Хосе Сантос Салас. Был восстановлен Военный комитет, в котором преобладали офицеры-реформисты. Комитет играл роль надправительственного контрольного органа, обладавшего реальной властью в стране. Однако переворот не решил всех проблем, так как чилийское общество не желало мириться с установлением военного режима. С целью объединения и легитимации нового правительства Военный комитет решил вернуть власть А. Алессандри. Лидеры комитета К. Ибаньес и М. Грове послали телеграмму А. Алессандри, находившемуся тогда в Италии, с предложением вернуться и возглавить кабинет.

Сторонники свергнутой хунты оставались лишь среди командования флота, где традиционно были сильны проолигархически настроенные офицеры, которые не хотели уступать без со-

¹ *Edwards Vives A. Del avión rojo a la Republica Socialista. Santiago de Chile, 1972. P. 249.*

противления. К тому же флот был «оскорблен» арестом в Сантьяго двух адмиралов, членов свергнутого правительства. Флот, отдельные армейские части на севере Чили и в Винья-дель-Мар отказались признать новое правительство. В качестве компромисса они соглашались на созыв Учредительного собрания при условии невозвращения А. Алессандри. Но главное, переворот был с одобрением встречен народом. Левые и рабочие организации, в том числе и КПЧ, высказались в поддержку новой хунты. В Сантьяго толпы народа и радикально настроенные военные разгромили редакцию крайне правой газеты «Диарио Иллюстрадо», а также символ олигархии — «Клуб Союза». Страна оказалась на грани гражданской войны. Перед лицом конфронтации и хаоса флот вынужден был отступить, согласившись с возвращением к власти А. Алессандри. Было создано переходное правительство во главе со сторонником А. Алессандри Армандо Харамильо. Ключевой фигурой в новом правительстве стал военный министр К. Ибаньес.

Перед своим возвращением А. Алессандри был вынужден принять определенные условия: не менять кабинет министров, назначенный хунтой, согласовывать все свои действия с Военным комитетом до принятия новой конституции. 20 марта 1925 г. в обстановке народного ликования, встреченный 100-тысячной толпой, А. Алессандри прибыл в Сантьяго. Однако реальная власть оставалась в руках К. Ибаньеса.

Оказавшись в новой политической ситуации, А. Алессандри форсировал процесс конституционной реформы. Главной его задачей было добиться эффективной работы республиканских институтов власти, что могло стать единственным препятствием на пути сползания к военной диктатуре. Угроза демократии просматривалась в действиях военного министра, который сохранил большую самостоятельность в отношениях с президентом, нередко ставя последнего в сложное положение. Так, вскоре по возвращении А. Алессандри К. Ибаньес санкционировал жестокую расправу над рабочими в Ла-Корунье, где было убито около 600 человек. Став военным министром, К. Ибаньес также начал чистку в армии. В отставку было отправлено около 400 офицеров, среди них больше десяти генералов.

В апреле 1925 г. А. Алессандри назначил комиссию, разработавшую процедуру выборов в Учредительное собрание. Большинство членов комиссии, представлявших различные политические партии, было склонно к сохранению парламентского ре-

жима с некоторыми ограничениями. Для выработки текста новой конституции была создана специальная подкомиссия. В соответствии с пожеланиями военных и А. Алессандри комиссии был предложен проект конституции, предусматривавший президентскую форму правления. Одним из нововведений проекта была формула, по которой права собственности гарантировались лишь в той мере, в какой собственность выполняла свои социальные функции. Автор этих положений Хосе Гильермо Герра заявлял: «Речь идет о подчинении собственности общественным интересам». Такие новшества серьезно обеспокоили землевладельцев. Особую их тревогу вызвали те положения проекта, в соответствии с которыми государство обязывалось «способствовать разделу земельной собственности и созданию семейных хозяйств»¹. Влиятельные политические партии, в том числе радикалы и коммунисты, на заседаниях Консультативной комиссии отказались одобрить отредактированный министром правительства Хосе Масой проект конституции, настаивая на сохранении парламентской республики². А. Алессандри был категорически не согласен идти на компромисс и решил принять новую конституцию путем референдума.

В обществе активно обсуждались основы будущего устройства страны. Учредительное собрание рабочих и служащих, созванное в марте 1925 г. по инициативе ФОЧ и КПЧ, призвало к установлению «функциональной» демократии, при которой будет действовать парламент, сформированный из представителей профсоюзов, а не политических партий. Такие антилиберальные корпоративистские взгляды были близки военным-реформистам М. Грове и К. Ибаньесу.

В апреле 1927 г. радикалы провели 8-й съезд партии. Они предложили свой проект конституционной реформы, который, сохраняя парламентский режим, предусматривал, с одной стороны, прямые президентские выборы, а с другой — предоставлял Конгрессу право смещать президента. Съезд радикалов выступил с инициативой создать единый левоцентристский Гражданский фронт, противостоящий авторитарным устремлениям военных³. Эта инициатива натолкнулась на противодействие

¹ Lovemen B. Struggle in the countryside politics and rural labor in Chile. 1919—1973. London, 1976. P. 26.

² См.: *Alessandri Palma A.* Recuerdos de gobierno. Т. 2. P. 206—240.

³ См.: *Palma Zuniga L.* Historia del partido radical. Santiago de Chile. 1967. P. 157.

компартии. КПЧ вела переговоры с демократами о выдвижении единого кандидата на предстоявших президентских выборах. Коммунисты вошли в союз левых сил, объединивший многочисленные левые организации, такие, как ФОЧ, Федерацию железнодорожников, Всеобщую ассоциацию учителей в широкое демократическое движение. 25 сентября 1925 г. этими организациями был создан Социально-республиканский союз наемных рабочих, выдвинувший на президентских выборах кандидатуру военного врача Хосе Сантоса Саласа. В этот союз входило до 100 тыс. человек.

Новую конституцию, предложенную правительством, предстояло принять на референдуме. Радикалы, коммунисты и консерваторы призывали к его бойкоту. Радикалы и коммунисты выступали за сохранение парламентского режима; консерваторы протестовали против статьи об отделении Церкви от государства, внесенной в новую конституцию. 30 августа 1925 г. референдум состоялся, за конституцию высказалось 128 381 человек, против — 6040. Около 60 % имевших право голоса граждан не пришли на свои избирательные участки¹. Принятая в 1925 г. конституция действовала до военного переворота 1973 г.

Конституция 1925 г. вновь установила в Чили президентскую республику. Президент страны получал право «лично осуществлять командование военными и военно-морскими вооруженными силами, организовывать их и размещать по своему усмотрению». Президент назначал и увольнял министров, дипломатов, руководителей местной власти, интендантов и губернаторов, мог ввести осадное положение в одной провинции или во всей стране². Срок президентских полномочий устанавливался в 6 лет без права немедленного переизбрания. Кабинет министров назначался президентом и был подотчетен только ему. Конгресс утверждал бюджет, а также получал право накладывать вето на президентские декреты. Центральной фигурой в новой системе власти в стране становился президент, который был призван стать ключевой «уравновешивающей силой компромиссного союза» различных политических сил общества³.

¹ См.: Рамирес Некочеа Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. С. 147.

² См.: Constitución política de la Republica de Chile. Santiago de Chile, 1971.

³ См.: Политическая система общества в Латинской Америке. М., 1982. С. 387.

В сентябре 1925 г. Чили готовилась к президентским выборам по новой конституции. Свою кандидатуру на пост президента выдвинул К. Ибаньес, хотя он и отказался уйти с поста военного министра, как того требовал закон. На этом основании А. Алессандри настаивал на его отставке. 1 октября 1925 г. К. Ибаньес опубликовал открытое письмо А. Алессандри, в котором объяснял мотивы своего отказа уйти с поста министра. Он заявлял, что, являясь лидером «революции» января 1925 г., он остается гарантом реформ. После открытого неповиновения министра А. Алессандри ушел в отставку, передав власть Л. Барросу Боргоньо, своему сопернику на выборах в 1920 г.

ДИКТАТУРА КАРЛОСА ИБАНЬЕСА

В обстоятельствах столь неожиданной отставки президента и очевидного кризиса легитимности К. Ибаньес отказался от участия в президентских выборах при условии выдвижения единого кандидата от всех ведущих политических партий. Уступая диктату К. Ибаньеса, традиционные политические партии, в том числе радикалы, поддержали малоизвестного либерала Эмилиано Фигероа Ларраина. Лишь левые партии и Союз наемных рабочих отказались войти в коалицию с буржуазными партиями и подтвердили кандидатуру Хосе Сантоса Саласа. На состоявшихся 22 октября 1925 г. выборах Э. Фигероа получил 186 187 голосов, а Х. Сантос Салас — 79 091 голос¹. Это было большим успехом для левых сил. Однако левым казалось, что результаты были сфальсифицированы, а их победу украли. 25—26 октября 1925 г. по всей стране прокатились забастовки и митинги протеста, что дало правительству повод ввести осадное положение на 18 дней.

В декабре 1925 г. демократы и коммунисты шли по общим спискам на выборах в Конгресс, куда им удалось провести четырех сенаторов и 18 депутатов, в том числе двух сенаторов и 8 депутатов КПЧ (один из наиболее высоких уровней парламентского представительства коммунистов в мире в то время). Успехов добился также Союз наемных рабочих, ставший самостоятельной политической силой. В мае 1926 г. демократы, левые радикалы и Союз наемных рабочих предложили коммунистам создать единый левый блок в парламенте. Однако КПЧ поставила слишком жесткие доктринерские условия, и объединения не получилось, хотя эти партии все равно голосовали вместе по большинству вопросов.

В сентябре 1926 г. состоялся съезд Союза наемных рабочих, разработавший политические принципы организации, в соответствии с которыми борьба с капиталистической системой увя-

¹ См.: *Jobet J.C. El partido socialista de Chile. V. I. Santiago, 1971. P. 29.*

зывалась с отказом от либеральной демократии и созданием «функциональной» политической системы, основанной на синдикализме, корпоративизме и классовом сотрудничестве. Подобные взгляды были близки К. Ибаньесе¹. В 1926—1927 гг. демократы и Союз наемных рабочих стали политической опорой К. Ибаньеса в парламенте.

Слабый президент, не сложившаяся политическая система, и, главное, новая схема управления страной создавали условия для установления той или иной формы авторитарного правления, которой стала диктатура К. Ибаньеса. Как отмечал публицист-консерватор А. Эдвардс: «Глубинная проблема, с которой столкнулся президент Фигероа, состояла в налаживании функционирования новой конституционной системы, не имевшей прецедента в истории Чили, где власть всегда опиралась на традицию медленной и поэтапной эволюции противостоящих общественных сил»². Традиционно вся политическая жизнь страны строилась на механизмах поиска компромисса и согласия в рамках соотношения сил партий в представительных учреждениях на всех уровнях, от муниципалитета до Конгресса. В новых условиях эта функция в большей степени переходила к президенту, а сами механизмы нахождения согласия еще не были отлажены, что автоматически вело к усилению авторитаризма и вступало в противоречие со всей предыдущей традицией, а традиция являлась ключевым понятием в чилийской политической системе.

В условиях усиления функций исполнительной власти в правительстве тон задавала сильная личность военного министра. До февраля 1927 г. К. Ибаньес был только военным министром. Глава кабинета, министр внутренних дел, который по конституции мог замещать президента, либерал М. Ривас Вилунья под давлением военных был вынужден уйти в отставку. Его место занял К. Ибаньес, который фактически сконцентрировал всю власть в стране в своих руках. Он ввел цензуру в прессе, выслал из страны видных оппозиционных политиков А. Эдвардса, Э. Яньеса. Когда К. Ибаньес захотел сместить председателя Верховного суда, брата президента республики, сам президент Э. Фигероа запросил разрешения Конгресса покинуть страну на

¹ См.: Рамирес Некочеа Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. С. 156.

² Edwards Vives A. La fronda aristocrática en Chile. Santiago de Chile. 2005. P. 262.

шесть месяцев. Передав власть К. Ибаньесу как главе кабинета, он уехал из Чили. К. Ибаньес тут же арестовал и выслал из страны председателя Верховного суда и многих других представителей политической элиты. 4 мая 1927 г. Э. Фигероа официально ушел в отставку с поста президента. Затем были проведены полностью контролируемые правительством выборы, на которых К. Ибаньес получил 220 тыс. из 230 тыс. голосов избирателей и стал президентом.

Политический проект Ибаньеса — это экономическая и политическая модернизация Чили через корпоративное государство с националистической идеологией, предполагавшая активное государственное вмешательство в экономику для осуществления стабилизационных мер, отстранение от власти олигархии в пользу «меритократии», т. е. среднего класса. Во внешнеэкономических связях началась более активная переориентация с Англии на США при попытке поддержания селитряно-экспортной модели.

Либеральная демократия, не сумевшая предотвратить мировой бойни 1914—1918 гг., подверглась дискредитации во всем западном мире. В Латинской Америке к этому следует добавить кризис олигархических режимов кастовой, «элитарной демократии» конца XIX — начала XX в. Средние слои и представлявшие их реформистские и модернизаторские политические силы не могли прийти к власти в рамках существовавшей политической системы. Их основным орудием стало происходящее из средних слоев модернизаторски настроенное офицерство. Чили при К. Ибаньесе первой из латиноамериканских стран предприняла реформы в направлении этого «социального эксперимента».

Первые годы президентства К. Ибаньеса Чили переживала экономический бум. Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась стабильным ростом чилийской экономики. На мировом рынке отмечался устойчивый спрос на селитру и медь, основные продукты чилийского экспорта. Добычей селитры было занято рекордное количество рабочих — 60 тыс. человек. Иностранные капиталовложения возросли с 723 млн долл. в 1925 г. до 1 млрд в 1930 г., превысив национальные инвестиции. Чилийский экспорт вырос с 22 млн фунтов стерлингов в 1926 г. до 34 млн в 1929 г., а импорт с 18 млн до 24 млн¹. Экономическая политика К. Ибаньеса, несмотря на ряд протекционистских мер, защищавших местных предпринимателей, в главной отрас-

¹ См.: *Historia de America Latina*. Т. 10. Р. 200

ли народного хозяйства — горнодобыче — оставалась либеральной. Правительству удалось создать климат доверия и повысить привлекательность страны для иностранного капитала. Министр финансов кабинета К. Ибаньеса Пабло Рамирес нацелил свою политику, в итоге приведшую к экономическому подъему, на привлечение иностранного капитала и кредитов для финансирования общественных работ (строительство портов, доков, дорог, общественных зданий)¹. Расходы правительства в значительной мере покрывались за счет внешнего финансирования. Только американские займы выросли со 170 млн долл. в 1927 г. до 275 млн в 1930 г. Государственный долг достиг опасных объемов, непропорционально больших по сравнению с величиной ВВП. Отражением растущего влияния американских банков на экономику Чили стало решение К. Ибаньеса в 1927 г. наделить Национальный Сити банк исключительными полномочиями представлять чилийское правительство.

Правительство стало создавать новые институты для развития национального производства, что было явным отступлением от декларирувавшейся либеральной политики невмешательства государства в экономическую жизнь. Государство поддерживало национальную промышленность. Был создан Институт промышленного кредита, ставший прочной опорой местного предпринимательства. Также были созданы Касса горного кредита, Касса аграрного кредита, Экспортный аграрный совет.

Впервые в истории Чили при К. Ибаньесе чилийские власти обратились к аграрной проблеме. В 1928 г. правительство приняло закон о колонизации, положивший начало аграрной реформе. Была образована Касса сельскохозяйственной колонизации, в задачу которой входило приобретение и перераспределение необрабатываемых земель. Земля должна была покупаться по рыночной цене, а затем перепродаваться крестьянам². Закон с успехом применялся на юге Чили, где было много ничейных или с неясной собственностью земель. Для координации этой деятельности, положившей начало аграрным преобразованиям в Чили, было создано Министерство сельского хозяйства.

¹ Расходы бюджета особенно выросли в период президентства К. Ибаньеса. Если в 1915 г. они составляли 63,8 млн долл., а в 1920 г. — 120 млн, в 1925 г. — 127,8 млн, то в 1930 г. они достигли рекордной цифры — 163,8 млн долл. — *Sutter C.C., Sunkel O. Un siglo de la historia economica de Chile. 1830—1930. P. 142.*

² См.: *Loveman D. Struggle in the countryside. P. 28.*

В социальной сфере удалось добиться значительных успехов в борьбе с почти хронической безработицей. Уже в 1926 г. более 70 тыс. человек получили работу. Достижения в социально-экономическом развитии страны позволили правительству К. Ибаньеса править диктаторскими методами, формально сохраняя действующую конституцию и республиканские представительные органы власти. Правительство К. Ибаньеса под лозунгами «очищения» от коррупции и политиканства, «возрождения» нации установило первое в истории Чили «полицейское государство». Укреплялись полицейские и военные части: их число достигло 50 тыс. человек, т. е. 1,5 % от всего населения страны. В 1927 г. полиция и карабинеры были объединены в мощный корпус, не уступавший по своей силе даже некоторым родам войск, что вызывало беспокойство у военных¹.

К. Ибаньес отвергал либеральную демократию, рассматривал «государство Порталеса»², адаптированное к условиям XX в., как идеальную модель политического устройства. Он заявлял о своем стремлении к «возрождению нации» через преодоление чуждого национальным традициям «импортированного» из Европы либерализма, за возврат к «бальмаседизму», понимаемому как установление националистического авторитарного модернизаторского режима. К. Ибаньес говорил о желательности введения «корпоративной организации производительных сил нации»³. Симпатии президента были на стороне муссолиниевской Италии, сумевшей преодолеть политические распри и сплотиться вокруг общенациональных целей. Его министр внутренних дел Гильермо Эдвардс Матте заявлял, что будущее устройство страны — это «корпоративное представительство», которое приведет к «национальной гармонии и концу эры политиканства и политики в целом».

¹ См.: *Correa Prieto L.* El presidente Ibanez. La política y los políticos. Apuntes para la historia. P. 147.

² Д. Порталес — видный государственный деятель Чили первой половины XIX в. Основатель «аристократической республики», демократии авторитарного типа, которая способствовала достижению Чили политической стабильности и экономического прогресса на протяжении всего столетия, что контрастировало с господством анархии и каудильизма в соседних странах региона.

³ *Рамирес Некоча Э.* Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. С. 167.

При К. Ибаньесе была проведена реформа системы образования, число школ в стране увеличилось вдвое. Правительство провозгласило беспощадную борьбу с коррупцией, выступив за восстановление моральных принципов власти. Оно прилагало большие усилия, чтобы положить конец беспринципному господству в стране «клики политических семей», чилийской олигархии. Политические репрессии затронули не только демократические, но и традиционные партии.

Перед тем как предпринять последний штурм власти, К. Ибаньес провел конфиденциальные консультации со всеми политическими силами, включая коммунистов (это также является особенностью чилийской политической культуры: широкие союзы и стремление к консенсусу), пригласив их к участию в своем модернизаторском проекте. Те, кто согласился, были вовлечены в него, на тех, кто отказался, вскоре обрушились репрессии. Компартия раскололась: значительная часть ее руководства (7 из 8 депутатов) поддержала К. Ибаньеса, а оставшиеся легальными профсоюзы постепенно привлекли на свою сторону большинство членов ФОЧ.

В марте 1927 г. компартия была объявлена вне закона, выступившая против Ибаньеса ее часть подверглась жестоким репрессиям. Репрессии обрушились также на анархистов, организации которых практически перестали существовать. Воплощением «зла» демократии и либерализма для К. Ибаньеса были отстаивавшие принципы парламентской республики радикалы, с которыми он вел постоянную и последовательную борьбу, стремясь свести к минимуму их влияние в чилийском обществе. Радикалы были главными конкурентами режима Ибаньеса по степени влияния на средние слои. Аресты и высылки известных политиков, репрессии стали в Чили обыденным явлением. Правительство вмешивалось в выборы, открыто подтасовывая их результаты.

В 1930 г. подошел срок проведения выборов в Конгресс. К. Ибаньес решил провести виртуозную операцию, чтобы избежать неожиданностей выборов и при этом сохранить видимую законность создания фактически карманного парламента. Согласно конституции, если число кандидатов равнялось количеству мест в парламенте, выборы проводить не следовало, а все кандидаты автоматически получали соответствующие мандаты. К. Ибаньес созвал лидеров политических партий на совещание на термальном курорте, знаменитый своими минеральными источниками и расположенный высоко в горах напротив города

Чильян, где они были полностью изолированы от страны. Он определил число мест каждой партии и потребовал от партийных лидеров предоставить списки, из которых он сам выбрал имена будущих депутатов. По сравнению с предыдущими парламентскими выборами, например, радикалы потеряли треть мест, уступив их Демократической партии, верной союзнице режима. Вместе с тем депутатами стали видные деятели всех партий, как например, лидеры радикалов Хуан Антонио Риос, Габриэль Гонсалес Видела (оба будущие президенты республики) и лидер компартии Мигель Идальго¹. Согласие ведущих политиков и партий с данной операцией придавало формальную легитимность и новому парламенту, и самой диктатуре.

Впоследствии К. Ибаньес вспоминал: «Сами традиционные партии предложили мне такую законную комбинацию, а потом обвинили во всем меня одного. В этом политическом сговоре участвовали такие крупные деятели, как Артуро Леон от Консервативной партии, Хуан Антонио Риос и Энрике Ойярсун от Радикальной, Педро Опасо от Либеральной. То есть все самые крупные партии... Я им только сказал: «Хорошо, придите к согласию. Попытайтесь подписать предвыборный пакт и представьте все электоральные силы единым списком». Они утверждали, что закон разрешает такой пакт. Единственное, на чем я настоял, было увеличение мест для Демократической и других левых партий»².

В отношении рабочего класса К. Ибаньесом проводилась патерналистская политика. При поддержке государства была создана система легальных проправительственных профсоюзов. Кроме того, был разработан Трудовой кодекс (принят в 1931 г.)³,

¹ Мануэль Идальго Пласа — (1878—1967) — видный деятель рабочего и коммунистического движения Чили. Один из основателей Социалистической рабочей партии в 1912 г., видный коммунист, один из первых сенаторов-коммунистов, избран в 1925 г. При диктатуре К. Ибаньеса был выслан из страны. Выступал за союз с другими немарксистскими партиями во имя свержения диктатуры, а также отстаивал необходимость создания легальной партии помимо подпольной для работы в парламенте, за что был подвергнут жесткой критике со стороны Москвы. Был обвинен в троцкизме и изгнан из партии в 1931 г. Его группа «левых коммунистов» стала частью возникшей тогда же Социалистической партии Чили.

² Correa Prieto L. El presidente Ibanez. La política y los políticos. Apuntes para la historia. P. 169.

³ Трудовой Кодекс Ибаньеса просуществовал более 40 лет.

дополнивший «социальные законы» А. Алессандри. По этому кодексу вводились трудовые суды, с помощью которых правительство получило право выступать арбитром в трудовых конфликтах и нередко решало их в пользу трудящихся. Департамент труда должен был регулировать все аспекты отношений труда и капитала. При этом было признано право трудящихся на забастовку и на объединение в профсоюзы. Патерналистскую политику в отношении трудящихся проводил специально созданный правительством Институт содействия рабочим, цель которого состояла в вытеснении коммунистов и анархистов из рабочего движения, что и было достигнуто на практике.

Режим К. Ибаньеса пользовался поддержкой Демократической партии, Союза наемных рабочих, а также созданной в 1928 г. при содействии правительства Республиканской конфедерации гражданского действия (КРАК), и даже части КПЧ. Эти организации выступали за корпоративное устройство общества. Союз наемных рабочих вскоре впал в немилость у диктатора, так как пытался сохранить свою политическую независимость и приверженность левым взглядам. К. Ибаньес рассчитывал превратить КРАК в основу будущей политической системы, которая была бы призвана заменить собой политические партии и профсоюзы. Несмотря на мощную правительственную поддержку, КРАК не стала ни массовой, ни влиятельной организацией.

Политической стабильности и процветанию диктатуры К. Ибаньеса наступил конец вслед за крахом на нью-йоркской бирже в октябре 1929 г.

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СВЕРЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ К. ИБАНЬЕСА

Мировой экономический кризис нанес мощнейший удар по чилийской экономике, пострадавшей от него сильнее других стран Латинской Америки. Если в 1929 г. чилийский экспорт составил 2293 млн золотых песо, а импорт 1617 млн, то в 1932 г. экспорт снизился до 292 млн золотых песо, а импорт до 214 млн, т.е. почти в 10 раз¹. Это самый низкий показатель падения торговли во всем мире в эти годы.

В самой важной отрасли, добыче селитры, последствия кризиса были катастрофичными. Экспорт этого сырья сократился на 95%. Надеясь спасти рынок селитры от коллапса, правительство совместно с добывающими компаниями решило провести реорганизацию отрасли, создав совместно с группой Гуггенхайм (США) «Селитрянную компанию Чили» (КОСАЧ), где чилийскому государству принадлежал 51 % акций. В обмен на свою долю акций правительство передало КОСАЧ огромные территории с залежами селитры и отказалось от взимания экспортных пошлин, что должно было привести к снижению стоимости чилийской селитры². Надежды на прибыль и оживление отрасли с последующим увеличением занятости разбились о суровую действительность кризиса. Более того, создание КОСАЧ вызвало шквал критики националистически и англофильски настроенной буржуазии, недовольной монополизацией рынка селитры под контролем США.

Кризис катастрофически отразился и на чилийских финансах. Займы в США, за счет которых в значительной мере финансировались общественные работы, сократились с 443 млн песо в 1929 г. до 22,4 млн песо в 1932 г., а в 1933 г. полностью прекратились. Чили оказалась на краю финансовой пропасти:

¹ См.: Historia de América Latina. Т. 10. Р. 201.

² Очерки истории Чили. М., 1967. С. 288—290.

бюджет страны в основном формировался за счет налогов от внешней торговли, а в условиях ее краха произошел бюджетный коллапс. В марте 1931 г. были увеличены таможенные импортные пошлины на 70 %, но это не помогло сбалансировать бюджет. В июне 1931 г. был объявлен мораторий на выплату внешнего долга, что вызвало паралич финансовой системы.

Промышленное производство к 1931 г. упало на 25 %. Падение производства меди и селитры привело к небывалой безработице. За два года, с 1929 по 1931 г., число рабочих в этих отраслях уменьшилось втрое: из 91 тыс. осталась лишь 31 тыс. Чтобы как-то решить проблему безработицы на севере в районах добычи селитры, власти предприняли крайне опасную, как показало будущее, акцию. Предполагалось использовать безработных для сельскохозяйственной колонизации районов к югу от Центральной долины. В города, в основном в Сантьяго, были перевезены тысячи семей безработных с севера. В итоге улицы чилийских городов были переполнены несчастными людьми без жилья и работы, эти апокалипсические сцены усугубляли общую картину кризиса и отчаяния. Рабочих селили в бараках в ужасающих условиях. Правительство своими руками создало взрывоопасный очаг в столице и других крупных городах.

Правительство принимало антикризисные меры, состоявшие лишь в сокращении расходов и проведении политики жесткой экономии. В феврале 1931 г. Конгресс предоставил К. Ибаньесу чрезвычайные полномочия для преодоления кризиса. В мае 1931 г. было объявлено о сокращении зарплаты чиновникам и армии, были повышены косвенные налоги, прекращены общественные работы, что увеличило безработицу. Трагическое экономическое положение страны усугублялось перенаселением городов безработными с севера, что усиливало ощущение безвыходности и углубляло кризис.

Неспособность власти изменить ситуацию к лучшему привела к возрождению оппозиции. Репрессии против нее лишь усилили непопулярность правительства. В 1931 г. постоянно менялись составы кабинетов министров. 13 июля 1931 г. К. Ибаньес был вынужден пойти на уступки. Он поручил создание кабинета популярному радикалу Хуану Эстебану Монтеро. Была восстановлена свобода печати, объявлена амнистия высланным из страны оппозиционным деятелям. Однако уже 22 июля из-за разногласий с К. Ибаньесом Х.Э. Монтеро ушел в отставку. К власти вернулся кабинет сторонника диктатуры Ф. Гарсеса Гану. Эти перемены вызвали массовые протесты в стране. Уже

23 июля К. Ибаньес был вынужден вновь сменить главу кабинета, им стал бывший морской министр капитан Карлос Фродден, который пригрозил применить оружие против манифестантов. На следующий день была расстреляна студенческая демонстрация, а 25 июля началась забастовка врачей. К ним присоединились адвокаты, учителя, служащие. Всеобщая забастовка была назначена на 27 июля. В своих мемуарах Эдуардо Фрей (президент страны в 1964—1970 гг., основатель Христианско-демократической партии) писал о том времени: «Восстание уже охватило улицы Сантьяго. По утрам на Аламеде и других главных улицах центра города сыпали песок, чтобы кавалерия могла с ходу галопом атаковать демонстрантов»¹.

Пытаясь маневрировать, К. Ибаньес созвал 26 июня совещание лидеров политических партий, однако на него никто не явился. В Сантьяго царил хаос, правительство уже не контролировало положение. 26 июля К. Ибаньес решил уйти в отставку, передав власть своему стороннику либералу Педро Опасо. Однако восставший Сантьяго отверг власть нового вице-президента, который вслед за диктатором также был вынужден покинуть Ла-Монеду. Временное правительство возглавил Х.Э. Монтеро.

Новое правительство объявило о проведении президентских выборов в октябре 1931 г. Консерваторы, либералы и радикалы выдвинули кандидатом на пост президента Х.Э. Монтеро. Но консолидация сил традиционных политических партий вокруг Х.Э. Монтеро не достигла своей главной цели — стабилизации положения в стране.

Лишения, вызванные экономическим кризисом, обнищание широких народных масс, в том числе и среднего класса, стали катализатором роста революционных настроений в обществе. Радикализация средних слоев и рабочего класса дестабилизировала обстановку в стране. Правительство было бессильно что-либо изменить в экономическом положении широких масс населения. Был установлен режим жесткой экономии. Число безработных достигло 200 тыс. человек. В конце августа 1931 г. накануне грозных событий на флоте Мануэль Трукко сменил на посту вице-президента Х.Э. Монтеро, занявшегося своей предвыборной кампанией.

31 августа 1931 г. на крейсере «Адмирал Латорре» начались митинги матросов, требовавших от правительства восстановить в полном объеме денежное довольствие, урезанное еще в 1930 г.

¹ *Correa S. Historia del siglo XX chileno. P. 106.*

На следующий день на «Латорре» вспыхнуло восстание, охватившее затем все корабли военно-морской базы в Кокимбо. Восставшие сместили командование и создали Штаб экипажей во главе с унтер-офицерами Эрнесто Гонсалесом, Мануэлем Астика, Лаутаро Сильва. Вслед за Кокимбо движение перекинулось на другие подразделения армии и флота в Вальпараисо, на базу флота в Талькауано и на Южную эскадру.

В те годы широкой популярностью пользовался фильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», представлявший эпизод восстания на Черноморском флоте центральным событием русской революции. Восстание на чилийском флоте воспринималось общественным мнением как подобное русской революции событие. Тогдашний активист компартии Маркос Чамудес вспоминал: «В воображении многих старый крейсер «Адмирал Латорре», являвшийся реликвией нашего военно-морского флота, на котором был создан комитет руководства восстанием, казался воплощением эпопеи с русским «Броненосцем Потемкиным»¹.

Военно-морской флот Чили насчитывал 18 военных кораблей, 6 подводных лодок и 11 вспомогательных судов, общей численностью 13 320 человек. Это была грозная сила. Помимо флотских экипажей к восстанию примкнули военнослужащие береговой артиллерии, в Талькауано движение моряков поддерживали докеры. Волнения охватили также авиабазу в Кинтеро и часть армейского полка «Майпу» в Вальпараисо.

Моряки выдвинули не только экономические, профессиональные, но и политические требования. Штаб экипажей сформулировал целую антикризисную программу: прекращение выплат по внешнему долгу, снижение процентной ставки по кредитам для промышленности, проведение аграрной реформы с разделом латифундий, принятие мер по стимулированию производства².

Масштабы восстания, его политическая направленность вызвали панику в столице. Уже 1 сентября в президентском дворце Ла-Монеда состоялось совещание правительства и политических лидеров всех партий, в том числе А. Алессандри, Л. Эррасуриса, М. Идальго и других. Лишь коммунист Э. Лаферте, хотя он и был приглашен на встречу, отказался участвовать в этом

¹ Bicentenario. Revista de historia de Chile y de América. Vol. 3. No. 1. 2004. Santiago de Chile, 2004. P. 63—102.

² См.: HANR. No. 2. May, 1980. P. 243.

совещании «нотаблей»¹. Все политические партии, кроме КПЧ, выразили свою поддержку правительству М. Трукко. А. Алесандри призвал народ сплотиться вокруг М. Трукко во избежание гражданской войны и диктатуры.

Хотя правительство покинул министр финансов П. Бланкиер, автор решения о сокращении жалования военным, переговоры, которые вел адмирал Шредер, не дали позитивных результатов. Восставшие рассчитывали, что их действия будут поддержаны шахтерами юга страны и рабочими городов. Однако призывы восставших, поддержанные КПЧ, не дали желаемого результата. Коммунистам и ФОЧ удалось лишь организовать 3 сентября всеобщую стачку городского транспорта в Сантьяго, в ней участвовал в основном профсоюз трамвайщиков, находившийся под влиянием КПЧ. Хотя забастовка не достигла серьезных масштабов и не смогла повлиять на расстановку сил, экономические требования ее участников были удовлетворены.

После относительной неудачи забастовки КПЧ вновь попыталась радикализировать рабочее движение, впервые в соответствии с установками Коминтерна выдвинув лозунг немедленной «антиимпериалистической и аграрной революции», призвав создавать в рабочих кварталах «советы» и отряды самообороны как прототип «красной гвардии». КПЧ всерьез полагала, что в стране созрела революционная ситуация, и страна находится в преддверии пролетарской революции. В некоторых местах удалось создать «советы», как например, в районе Ла-Легуа в Сантьяго, но это были единичные случаи, и правительству без труда удалось справиться с этим движением².

Ответом на призывы создания советов стало формирование так называемой Гражданской гвардии, в которую вступала молодежь из буржуазных слоев населения. Страна неумолимо приближалась к рубежу всеобщей братоубийственной войны. Это ощущение близости катастрофы полностью поменяло политическую ориентацию средних слоев, испугавшихся «красной» угрозы. Большинство населения страны резко сменило свои левые симпатии на консервативно-охранительные взгляды. В этой атмосфере поворота вправо в обществе правительство могло предпринять решительные меры против топтавшегося на месте и отчасти выдыхавшегося восстания на флоте.

¹ Manns P. La revolución de la escuadra. Santiago de Chile, 1972. P. 63—64.

² См.: Bicentenario. Revista de historia de Chile y de America. Vol. 3. No. 1. 2004. Santiago de Chile, 2004. P. 63—102.

5 сентября в Чили было объявлено осадное положение. Правительственные войска открыли военные действия против восставших на суше и подвергли бомбардировке с воздуха корабли в порту Кокимбо. 7 сентября восставшие капитулировали, и порядок в стране был восстановлен. Участники мятежа были преданы военно-полевому суду, приговорившему лидеров восстания к смертной казни. 16 октября М. Трукко заменил им смертный приговор на пожизненное заключение, а затем и на ссылку. Компартия попыталась использовать ситуацию с осуждением моряков в свою пользу и на выборах в октябре того же года выдвинула лидеров восстания Эрнесто Гонсалеса и Элисео Сепульведу своими кандидатами в Конгресс. Хотя оба не прошли на выборах, сам факт их выдвижения свидетельствовал, какое значение придавали коммунисты этому движению военных.

Восстание на флоте и его поражение оказали огромное влияние на ход президентской компании, проходившей в условиях осадного положения и наступления реакции. Вернувшийся в страну А. Алессандри объявил о создании левоцентристской коалиции. Старый опытный политик, он учитывал изменения настроений в обществе и общий поворот чилийцев влево, поэтому А. Алессандри теперь апеллировал к левым группам и партиям. Традиционные партии, в прошлом его союзники, либералы и радикалы отказали ему в поддержке. 6 сентября представители демократов, радикальных социалистов, профсоюзов лиц свободных профессий провели съезд, на котором кандидатом на пост президента «от всех левых сил» был выдвинут А. Алессандри. Его политическими лозунгами были восстановление демократии, роспуск КОСАЧ и восстановление золотого стандарта песо. Последнее положение было экономическим принципом вчерашнего дня, сданным в архив в годы кризиса. Свои кандидатуры на пост президента страны выдвинули также двое рабочих: профсоюзный лидер Э. Лаферте, представлявший официальную КПЧ, и сенатор Мануэль Идальго из числа диссидентов, исключенных Коминтерном из партии.

4 октября 1931 г. состоялись выборы президента. Х.Э. Монтеро получил 180 тыс. голосов, А. Алессандри — 100 тыс., а Э. Лаферте и М. Идальго — 3 тыс. и 2,4 тыс. голосов соответственно. Выборы создали легитимную исполнительную власть, но не сняли политическую напряженность в обществе.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

4 декабря 1931 г. радикал Х.Э. Монтеро вступил в должность президента республики. Поворот влево в настроениях чилийцев отразился на решениях съезда Радикальной партии в Винья-дель-Мар. Полевевшие радикалы призвали партию встать на сторону трудящихся в борьбе с переживавшей глубокий кризис капиталистической системой. Однако поворот влево Радикальной партии не отразился на политике президента радикала Х.Э. Монтеро. Полицейские силы усиливали репрессии против левых сил и коммунистов. В знак протеста против полицейского произвола и солидарности с левыми партиями 11 января 1932 г. ФОЧ организовала всеобщую забастовку, продлившуюся два дня. Для подавления стачки правительство использовало армейские подразделения. В апреле 1932 г. забастовали работники транспорта, протестуя против стремительной девальвации национальной валюты. Одним из требований забастовщиков был роспуск КОСАЧ.

Рост забастовочного движения, политическая нестабильность в стране привели к расколу внутри традиционных партий, ранее поддерживавших Х.Э. Монтеро. Против правительства выступили сторонники А. Алессандри и даже К. Ибаньеса, левые радикалы, офицерство, студенчество. Фактически Х.Э. Монтеро оказался в политической изоляции, демонстрируя свое бессилие найти выход из кризиса.

В Рождественскую ночь 1931 г. коммунисты и профсоюзные руководители ФОЧ, подстрекаемые алессандристами и полицейскими агентами, предприняли попытку вооруженного восстания в городах Копиапо и Вальенаре. Они стали раздавать оружие рабочим, к которым присоединились некоторые военные и карабинеры. В план заговорщиков входил штурм полка Эсмеральда в Вальенаре. Однако их там уже ожидали и встретили подготовленным огнем. На попытку восстания армия ответила репрессиями. Арестованных рабочих расстреливали без суда. 50 человек было убито на улицах Вальенара, 17 расстреляно в казармах. Правительство пыталось связать эти события с име-

нем популярного военного Мармадуке Грове, который был абсолютно непричастен к восстанию. Но М. Грове удалось отстоять свою правоту, и в апреле 1932 г. он был назначен командующим военно-воздушными силами. Правительство пошло на этот шаг, рассчитывая заполучить его в союзники, так как М. Грове являлся непримиримым противником К. Ибаньеса¹, возвращения которого к власти больше всего боялся Х.Э. Монтеро.

В это время бывший посол Чили в Вашингтоне, приверженец К. Ибаньеса, Карлос Давила вернулся в страну и активно занялся политической деятельностью. К. Давила выступал с пропагандой идей «государственного социализма», идеологической смеси социализма, корпоративизма, национализма и фашизма. Главный его тезис состоял в укреплении государства, его освобождении от гнета олигархии и империализма. Мировой экономический кризис и последовавшие за ним политические потрясения демонстрировали казавшуюся тогда очевидной неспособность старого либерального государства, да и всей капиталистической системы гарантировать стабильность и прогрессивное развитие. Крайне модными стали всевозможные концепции социализма, «государственного», национального, тотального. Усиление роли государства в экономической жизни, в производстве и распределении, должно было, по мнению идеологов «государственного социализма», преодолеть односторонность и ущербность «либерального капитализма», продемонстрировавшего свою неспособность справиться с экономическим и социально-политическим кризисом.

Эти идеи были крайне популярны не только в Чили, но и в других странах Латинской Америки, например, в Боливии, где военный режим в период с 1936 по 1939 г. именовал себя «государственным социализмом». Подобные идеи высказывали и новые «социалистические», как они себя называли, партии и группы. Поддерживавшая А. Алессандри на выборах 1931 г. Радикально-социалистическая партия провозгласила своей целью построение «передового государственного социализма»².

В ноябре 1931 г. под руководством Эдуардо Матте³, интеллектуала, блестящего журналиста, политика левых, социалисти-

¹ Хотя М. Грове был соратником К. Ибаньеса в 1925 г., когда они вместе поддерживали реформы А. Алессандри.

² См.: *Dinamarca M. La Republica socialista Chilena. Origenes legitimos del Partido socialista. Santiago, 1987. P. 165.*

³ Э. Матте был магистром влиятельной масонской ложи.

ческих взглядов стала выходить газета «Кларидад». Вокруг нее консолидировалась социалистическая группа «Новое общественное действие» (НАП), созданная 15 августа 1931 г. Среди основателей этой быстро набиравшей влияние группы были старые социалисты: соратник Л.Э. Рекабаррена, бывший секретарь Рабочей социалистической партии (ПОС) Карлос Альберто Мартинес, журналист Л. Меса Белл, историк и писатель Эдуардо Хюбнер. Эта группировка пользовалась большой популярностью среди студентов, офицеров, интеллигенции.

Основатель и председатель анархистской ИРМ Оскар Шнаке создал организацию Социалистическое революционное действие (АРС). Также появились группы «Социалистический порядок», «Марксистская социалистическая партия», «Объединенная социалистическая партия». Все эти группы критически относились к коммунистам и советскому социализму, который, по их мнению, не соответствовал национальным чилийским реалиям. Хотя одни группы (АРС) выступали за социальную революцию, а другие («Социалистический порядок») предпочитали эволюционный путь к социализму, и те, и другие говорили о преобладании в будущем государственной и общественной собственности, о плановом развитии и ликвидации мирным путем эксплуатации человека человеком. Они отрицали претензии коммунистов на монопольное представительство интересов рабочего класса, более того, считали, что пролетариат должен подчинить свои интересы нуждам и целям борьбы всех трудящихся. Социалисты стали активно работать в профсоюзах, что позволило оживить деятельность ФОЧ, которая вследствие сектантской позиции КПЧ все более теряла связь с массами, превращаясь в секцию компартии. Особую популярность социалисты имели среди молодежи и студентов.

Социалисты установили контакты с К. Давилой, который считался главным представителем К. Ибаньеса, а также с А. Алессандри и поддерживавшей его Радикально-социалистической партией. По инициативе группы Э. Матте совместно с другими социалистическими организациями был образован Революционный социалистический комитет, в который вошли Оскар Шнаке, К.А. Мартинес, Аугусто Пинто и другие. Комитет видел свою главную задачу в подготовке захвата социалистами власти в стране.

В воздухе витал дух заговоров и переворотов. Сторонники К. Ибаньеса пошли на сотрудничество с социалистами ради свержения правительства. 2 июня 1932 г. в доме директора Пе-

хотной школы Педро Лагоса состоялось совещание, в котором участвовали военные, алессандристы и демократы. Демократы требовали роспуска «Курортного» Конгресса и создания нового правительства. На собрание был приглашен М. Грове, там же присутствовал брат К. Давилы, сторонник К. Ибаньеса, но в тот момент им не удалось прийти к единому мнению о характере действий. Вскоре М. Грове узнал, что военное ведомство имеет намерение уволить его с должности командующего ВВС. М. Грове, являвшийся близким другом Э. Матте, заручился поддержкой Революционного социалистического комитета. Он созвал совещание со своими друзьями социалистами на летной военной базе «Эль Боске» в пригороде Сантьяго. Социалисты, опасаясь нападения сторонников К. Ибаньеса из Пехотной школы, искали убежища на военной базе. Вечером 3 июня М. Грове прибыл на базу, где уже полным ходом шло восстание. «Эль Боске» превратился в штаб революции. По городу были разбросаны листовки с требованием создания «социалистического правительства».

Получив сведения о восстании военных, президент обратился к А. Алессандри с просьбой урегулировать ситуацию, предложив М. Грове сформировать «прогрессивное правительство». А. Алессандри встретился с М. Грове, но не стал уговаривать его сложить оружие, а наоборот, подбадривал и подстрекал к решительным действиям.

Между тем на базе «Эль-Боске» социалисты и военные начали формировать будущее правительство. Большинство министерских портфелей получили социалисты и демократы. М. Грове должен был стать военным министром. 4 июня 1932 г. Революционный комитет принял решение о штурме президентского дворца Ла-Монеды. Под лозунгами: «Да здравствует социалистическая Чили! Да здравствует Чилийская социалистическая республика!» — социалисты и солдаты направились к центру города. В 19.30 члены будущей правящей хунты Э. Матте, К. Давила, а также будущие министры О. Сифуэнтес и О. Шнаке прибыли к президентскому дворцу. Вскоре к ним присоединились М. Грове и К. Чарлин. Никто из них не был вооружен, но никто и не защищал законную власть.

Революционеры прошли в кабинет президента. Х.Э. Монтеро уже ждал их и лишь сказал: «Я вас слушаю». М. Грове заявил: «От имени командования трех родов войск я принял решение сместить Ваше правительство и установить в Чили Социалистическую республику, от имени которой для народа и во имя на-

рода принимаю управление страной». Власть в Чили перешла к «социалистическому правительству» — революционной хунте в составе Э. Матте, К. Давилы и отставного генерала А. Пуга.

В первом воззвании нового правительства революционеры оправдывали свои действия тем, что правительство Х.Э. Монтеро служило олигархии, его политика противоречила интересам большинства чилийцев. Хунта распустила «Курортный» Конгресс и заявила о предстоящих выборах Учредительного собрания, которое должно было заняться разработкой новой конституции. Революционная хунта имела программу-минимум революционных преобразований, состоявшую из 40 пунктов, принятых накануне Революционным социалистическим комитетом. Программа критиковала засилье иностранного капитала и ограбление страны монополиями, призывала отказаться от дискредитировавших себя принципов экономического либерализма, что позволило бы освободить чилийский народ от жестокой эксплуатации со стороны международного капитализма. Социалисты заявляли, что их цель — накормить, одеть и дать жилье народу, поэтому хунта предложила организовать контроль над распределением продуктов первой необходимости для преодоления голода среди беднейших слоев населения. В области экономики одной из первых планировавшихся мер был роспуск КОСАЧ, а также создание государственной нефтяной, табачной и сахарной монополии. Хунта заявила о срочной необходимости проведения аграрной реформы, в ходе которой предусматривалась конфискация пустующих земельных владений, их распределение среди нуждающихся, колонизацию и освоение целинных земель на юге Чили¹.

От нового правительства исходили самые противоречивые декларации, ибо радикализму социалистов противостояли успокаивающие заявления К. Давилы. 6 июня он провозгласил, что Хунта не собирается экспроприировать иностранные капиталы и не планирует серьезных изменений в государственной политике².

В первые же часы работы революционной хунты произошел конфликт между К. Давилой и социалистами, когда Э. Матте настоял на назначении О. Шнаке генеральным секретарем правительства. Новый серьезный конфликт разгорелся между социалистами и сторонниками К. Ибаньеса, представленными

¹ См.: *Jobet J. C.* El partido socialista de Chile. V. I. P. 74.

² См.: *Гаранин Ф. А.* Народный фронт в Чили. 1936—1941. М., 1973. С. 54.

К. Давилой, по поводу кандидатуры на пост министра внутренних дел, он же глава кабинета. К. Давила настаивал на назначении радикала Хуана Антонио Риоса, причастного к репрессиям в период правления К. Ибаньеса. К. Давила не разделял многих взглядов своих сподвижников по перевороту. Самой «социалистической» его идеей было создание государственных предприятий с участием иностранного капитала.

С первого дня существования нового правительства генерал Пуга сказался больным, К. Давила самоустранился, а затем был смещен со своего поста. Министром и членом Хунты вместо К. Давилы стал социалист Р. Мерино. С 11 июня К. Давила нашел убежище в Пехотной школе, находившейся под контролем сторонников К. Ибаньеса, где стал готовить переворот против М. Грове и Э. Матте.

Социалистическое правительство объявило политическую амнистию, прежде всего морякам, осужденным за восстание 1931 г. Социалисты постановили особым декретом вернуть все орудия труда, арестованные кредиторами за долги. Речь шла об имуществе ремесленников и мелких кустарей, неспособных расплатиться по своим долгам. 8 июля Центральный банк Чили был преобразован в государственный, уполномоченный регулировать условия кредита и эмиссии. Правительство создало Кассу народного кредита, целью которой было облегчить доступ мелких и средних предпринимателей к финансовым ресурсам. Одной из иллюзорных мер, направленных на подъем благосостояния трудящихся, были широкомасштабные планы по развитию золотодобычи.

12 июня декретом Хунты была ликвидирована КОСАЧ, предписывалось открыть все простаивавшие селитряные заводы и рудники. Был установлен прогрессивный налог на крупные доходы. Для контроля за поставками продовольствия Хунта создала Государственное предприятие торговли, признанное обеспечить города товарами первой необходимости.

Социалистическая республика встретила ожесточенное сопротивление со стороны правых сил, особенно после издания декрета о Центральном банке. Не только правые, но и левые партии, в первую очередь, КПЧ и ФОЧ крайне неприязненно встретили «социалистический» переворот и заявили о своей оппозиции Хунте. Воззвание ЦК КПЧ в июне 1932 г. осудило «демагогический» режим М. Грове, который именовался не иначе как чилийским фашизмом.

Воспользовавшись подъемом и энтузиазмом народных масс, 5 июня коммунисты создали в столичном Университете «Комитет рабочих, крестьян, шахтеров, солдат, матросов и индейцев», куда помимо коммунистов вошло несколько небольших левых групп. КПЧ рассматривало этот «комитет» как прообраз «совета» и возможного двоевластия в соответствии со «священным писанием» большевистской революции. Через несколько дней существования этот Совет раскололся: поддерживавшие Социалистическую республику сторонники М. Идальго, анархисты, коммунисты образовали Революционно-социалистический союз трудящихся и вышли из Совета. Их тут же окрестили троцкистами. Молодежная организация КПЧ стала создавать отряды Красной гвардии, что не могло не обеспокоить правительство. Оставшиеся в Совете коммунисты еще яростнее нападали на хунту, которая, потеряв терпение, распорядилась запретить этот совет и выселила их из Университета. КПЧ заклеймила социалистическое правительство как контрреволюционное, целью которого было спасение КОСАЧ от роспуска и подчинение страны американскому империализму. Такая позиция не только наносила удар по правительству с левого фланга, но и отталкивала от партии народные массы, с симпатией относившиеся к М. Грове и Социалистической хунте.

После ухода К. Давилы опасность контрпереворота со стороны правых стала реальной. К. Давила опирался на группу правых военных во главе с генералом А. Морено и директором Пехотной школы П. Лагосом. Они заявляли, что поддерживают «социалистические» идеи К. Давилы о строительстве «государственного социализма», но против установления коммунистической диктатуры в Чили. Перед лицом правой опасности 14 июня в Госсовете обсуждалось предложение Э. Матте создать народное ополчение, передав оружие и боеприпасы рабочим профсоюзам. Его поддержали все министры, кроме М. Грове, который считал, что такая акция оскорбит армию и спровоцирует гражданскую войну. Таким образом, вопрос о самозащите правительства был снят с повестки дня.

16 июня Революционный союз трудящихся, объединивший в своих рядах социалистов и часть коммунистов-диссидентов, призвал народ Сантьяго выйти на демонстрацию в поддержку правительства. Перед Ла-Монедой собралось 100 тыс. человек. Это была самая многочисленная демонстрация, доселе невиданная в Чили. Однако энтузиазм народных масс не мог остановить фатального хода событий.

Вечером того же дня ряд воинских подразделений столичного гарнизона окружил президентский дворец и министерство обороны. Летчики ВВС сохранили верность М. Грове и были готовы атаковать путчистов. В этих условиях генерал Пуга предложил посредническую миссию с тем, чтобы не допустить кровопролития. Вскоре выяснилось, что все вооруженные силы, за исключением летчиков, поддерживали переворот. М. Грове, Э. Матте и другие деятели правительства были арестованы.

17 июня 1932 г. было обнародовано заявление новой Хунты во главе с К. Давилой, объявившей осадное положение с комендантским часом в Сантьяго и военное положение на территории всей страны. Отдельным декретом вводилась цензура. М. Грове, Э. Матте и их товарищи были высланы на остров Пасхи и в другие отдаленные уголки Чили. К. Давила по-прежнему говорил от имени Социалистической республики. Его кабинет министров возглавил правый радикал Хуан Антонио Риос. В июле из Аргентины из эмиграции прибыл К. Ибаньес, что было расценено как прелюдия возвращения диктатора к власти. К. Давила предложил К. Ибаньесу пост военного министра, но тот хотел всей полноты власти и 9 июля попытался осуществить военный переворот. Эта попытка не удалась, и генерал был вынужден вновь бежать из страны.

Правительство К. Давилы попыталось ввести железный контроль над экономикой в соответствии со своими идеями «государственного социализма». Был создан Генеральный секретариат цен и продовольствия, в задачу которого входил контроль над ценами и обеспечением населения товарами первой необходимости. Секретариат получил право устанавливать «справедливые» цены и экспроприировать те предприятия, сельскохозяйственные поместья и фермы, торговые заведения, которые нарушали эти постановления. Правительство заявило о решении создать государственные монополии в различных отраслях экономики. Эти меры были объявлены главным свершением Социалистической хунты. Параллельно проводилась инфляционная политика с целью стимулировать дешевыми деньгами производство промышленности. Реорганизация государственного аппарата добавила беспорядка. К. Давила объединил армию и флот в рамках одного военного министерства, что вызвало недовольство военных. После 100 дней своего правления К. Давила объявил о решении созвать Учредительное собрание для принятия «социалистической» конституции, напомнив, что это являлось целью М. Грове. Правление К. Давилы стало кульминацией

политического развала и нестабильности. Ответом зажиточных классов было создание «Республиканской милиции», чилийской «белой гвардии». Элита не могла более доверять армии, которая слишком радикально полевела.

Недовольные результатами правления К. Давилы и планами созыва Учредительного собрания армия и флот потребовали его отставки. 13 сентября К. Давила передал власть известному стороннику К. Ибаньеса, генералу Б. Бланшу. Однако его власть отказались признать армейские подразделения в Антофагасте, где генерал П. Виньола потребовал вернуться к конституционному правлению. Движение военных Антофагасты поддержали в других гарнизонах. Страна и армия устали от бесконечной «смуты». Все требовали возврата к конституционному режиму. 2 октября 1932 г. генерал Б. Бланш передал власть председателю Верховного суда А. Ойянделю. Новый президент сформировал гражданское правительство, объявил амнистию, в том числе деятелям «социалистического» правительства М. Грове и Э. Матте. На 30 октября 1932 г. были назначены всеобщие выборы.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ. ВТОРОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО А. АЛЕССАНДРИ

На выборах 1932 г. практически все политические партии Чили выдвинули своих кандидатов на пост президента республики. Правые силы были представлены председателем Консервативной партии Э. Родригесом де ла Сотта. Либеральная партия после свержения К. Ибаньеса переживала бурный период расколов, образования новых фракций и партий. Часть либералов вышла на выборы с кандидатурой приверженца К. Ибаньеса Э. Саньярту Присто. Другая часть Либеральной партии, объединившись с демократами и левыми радикалами (партия радикальных социалистов), т.е. с частью левого центра, поддержала А. Алессандри, который был фаворитом предвыборной гонки.

На левом фланге помимо все еще маргинальной компартии появилась альтернативная фигура популярного в народе М. Грове. Он выступал при поддержке небольших социалистических групп, а главное, был символом потерпевшей поражение «Социалистической республики».

На президентских выборах победил А. Алессандри, получив 54,78 % голосов. Э. Саньярту набрал 14 %, а коммунисты, выдвинувшие своего председателя Э. Лаферте, лишь 1,2 %. Самым большим сюрпризом стали 18 % или 60 тыс. голосов, отданные за М. Грове, занявшего второе место в президентской гонке. М. Грове и социалисты заявили о себе как о новой мощной общенациональной силе, претендовавшей на ведущие позиции в общественной жизни Чили. Триумф М. Грове в столице был значителен — 33 %, причем ему отдали свои голоса избиратели не только в бедных рабочих кварталах, но и в привилегированных районах Провиденсии и Ньюньоа, где проживали зажиточные классы¹.

¹ См.: *Drake P.W. The Chilean Socialist Party and Coalition Politics, 1932—1946. HAHIR, 1973. Vol. 53. No 4. P. 623.*

Несмотря на победу А. Алессандри, Либеральная партия понесла наибольшие потери на выборах в Конгресс по сравнению со своими политическими оппонентами. Если в 1924 г. за либералов голосовало 32,4 % чилийцев, то в 1932 г. — только 18,6 %. Радикалы, расколовшиеся на две партии, собственно радикальную, завоевавшую 18,2 % голосов, и левую радикально-социалистическую, получившую 5,6 %, в сумме не достигли 29 %, полученных единой партией на выборах 1924 г. Демократическая партия почти вдвое улучшила свои результаты по сравнению с тем же 1924 г., набрав 14,3 %. Консерваторы сохранили свой электорат: за них, как и ранее, голосовали 16 % избирателей. Левым, коммунистам и социалистам различных мастей на выборах в Конгресс вместе удалось получить 8,7 %¹. По сумме голосов правоцентристские партии полностью контролировали парламент. А. Алессандри мог спокойно рассчитывать на поддержку Конгресса в проведении умеренно-консервативной политики стабилизации.

А. Алессандри пришел к власти под лозунгом восстановления конституционной законности и политической стабилизации. Население, уставшее от «смуги», непрерывных военных и социалистических переворотов и экспериментов, приведших лишь к углублению экономического кризиса и развалу государства, с воодушевлением отдало свои голоса сильному и опытному политику, обещавшему навести в стране порядок. А. Алессандри сформировал кабинет министров исключительно из представителей традиционных партий. Ведущие позиции принадлежали правым деятелям, либералам и консерваторам. Министром финансов стал крайне правый политик Густаво Росс, придерживавшийся ортодоксально-либеральных взглядов на экономическую политику.

Экономическое положение страны оставалось по-прежнему плачевным. Несмотря на некоторое оживление хозяйственной жизни, в стране все еще насчитывалось 100 тыс. безработных при населении в 4,8 млн человек; над бюджетом висел огромный государственный долг; оставалась неурегулированной проблема КОСАЧ; непрерывно росли цены, обесценивалась национальная валюта. Нищета и отчаяние царили в бедных кварталах чилийских городов. Детская смертность в Чили продолжала оставаться самой высокой на континенте. Высокий уровень алко-

¹ См.: *Urzua Valenzuela G. Historia política electoral de Chile. 1931—1973.* Santiago, 1986. P. 22.

голизма, проституции, детской беспризорности и преступности ставили Чили в один ряд с самыми отсталыми странами мира¹.

Правительство, проводя экономическую политику Г. Росса, поставило перед собой приоритетную задачу сбалансировать бюджет и оздоровить финансы, что должно было стать предпосылкой экономического роста. Были введены новые, легко собираемые налоги, тяжесть которых полностью легла на потребителей, т. е. рядовых граждан. С 1935 г. стал взиматься особый 2 %-й налог с оборота. В целом собираемость налогов с населения в период с 1932 по 1937 г. увеличилась втрое. Помимо повышения налогов Г. Росс ввел систему двойного курса обмена валюты, эта мера тогда была весьма популярной и в других странах континента: компании-экспортеры, прежде всего, горнодобывающие, были вынуждены продавать валюту государству по заниженному курсу. Правительство получало доход от перепродажи этой валюты по рыночным ценам, и в результате доходы бюджета от меднорудных компаний выросли в 5 раз².

В 1933 г. президент А. Алессандри издал декрет, по которому была создана «Компания по продаже селитры и йода» (КОВЕНСА), заменившая уже не раз ликвидированную КОСАЧ. Новая структура позволяла государству контролировать экспорт и получать 25 % прибыли от продажи этих минералов. В результате временно возобновились работы на закрывшихся селитряных копях, что произвело огромный психологический эффект — чилийцы продолжали измерять экономическое состояние страны положением в селитряной отрасли, которая уже не играла и не могла играть решающей роли в экономике, но оставалась таковой в массовом сознании. Рост мировых цен на медь благоприятно сказался на экономическом положении: производство чилийской меди с 1932 по 1937 г. выросло в 4 раза. Были введены высокие ввозные пошлины на импортные товары: тариф сначала вырос на 50 %, а затем еще удвоился. Эти меры были направлены на поддержку местной обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Высокие таможенные пошлины позволили сбалансировать бюджет и снизить налоги на местных производителей до 5 %. В результате развитие народного хозяйства получило серьезный импульс: число чилийских предприятий уве-

¹ См.: *Urzuu Valenzuela G. Historia politica electoral de Chile. 1931—1973.* P. 27.

² См.: *Collier S., Sater W.F. A History of Chile, 1808—1994.* Cambridge, 1996. P. 229.

личилось вдвое. Соответственно также в 2 раза выросло число занятых в промышленности, в результате 97 % потребляемых товаров народного спроса стали производить в Чили¹. К 1937 г. чилийская экономика достигла уровня докризисного 1929 г.

Стабилизационная политика А. Алессандри и Г. Росса имела огромные социальные издержки: были введены новые налоги, заморожена заработная плата на «голодном уровне», что давало конкурентные преимущества чилийским предпринимателям. Для подавления социального протеста А. Алессандри регулярно вводил в стране чрезвычайное положение. Внутренняя политика А. Алессандри свидетельствовала о повороте вправо. Полностью контролируемый правительством Конгресс 28 апреля 1933 г. принял закон о чрезвычайных полномочиях президента сроком на 6 месяцев: отменялись конституционные права, разрешались внесудебные решения об арестах, ссылках, цензуре, закрытии газет и т.д.

Эти социальные и политические издержки периодически подталкивали союзников по правительственной коалиции, радикалов, к выходу из правительства. Хотя в социальной сфере А. Алессандри не мог продолжать традицию либерального реформизма своего первого президентства, его политика также не была и однозначно репрессивной. Под давлением радикалов и оппозиции впервые в истории Чили был принят закон о прожиточном минимуме и минимальной заработной плате. Хотя он практически не выполнялся, но все же создал законодательную базу для будущих правительств, что способствовало снижению социальной напряженности в обществе. С целью уменьшения числа безработных возобновились масштабные общественные работы, среди которых выделялось строительство Национального стадиона в Сантьяго. Одной из наиболее острых социальных проблем, критикуемых всеми политическими силами, была жилищная. Под давлением общественного мнения была провозглашена программа возведения дешевого жилья для рабочих. Была проведена избирательная реформа: впервые женщинам Чили было предоставлено право голоса, но пока лишь на местных выборах.

Экономическая стабилизация укрепила позиции правых партий, триумфально выступивших на выборах в Конгресс в 1937 г. Правые получили более половины мест в парламенте, увеличив свой электорат по сравнению с 1932 г. на 9,73 %. В феврале 1936 г. была подавлена попытка государственного военного переворота.

¹ 70 % товаров длительного пользования также производилось в Чили.

А. Алессандри пользовался такого рода инцидентами, которые не представляли реальной угрозы власти, как удобным поводом для усиления репрессивной машины государства. В 1937 г. был принят реакционный закон «о внутренней безопасности государства», а в сентябре 1938 г. президент вновь получил чрезвычайные полномочия и тут же ввел осадное положение. Репрессивная внутренняя политика дополнилась ростом рядов полувоенной «Республиканской милиции». Численность этих антикоммунистических отрядов достигла 40 тыс. человек. Для А. Алессандри «республиканцы» служили дубиной устрашения против любых поползновений военных выйти за рамки закона и вмешаться в политику на стороне его левых оппонентов.

А. Алессандри без колебаний использовал силу для подавления забастовок и любых выступлений оппозиции. В июне 1934 г. были расстреляны руководимые коммунистами крестьяне-колонисты в Ранкиль (в горах на границе с Аргентиной на юге страны), протестовавшие против сгона с земли, обещанной им по реформе, начатой К. Ибаньесом. Более сотни человек было убито. Тогда же за критические выступления была разгромлена редакция социалистической газеты «Ла Опиньон». В феврале 1935 г. армия подавила крупнейшую за всю историю страны забастовку железнодорожников. Признавая справедливость экономических требований забастовщиков, А. Алессандри обвинил в организации забастовки Коминтерн, говоря о планах советских агентов осуществить «советизацию» Чили¹. Президент объявил осадное положение, затем был закрыт Конгресс и объявлено осадное положение сроком на 3 месяца. Фактически А. Алессандри установил репрессивную диктатуру. Население запугивали красной угрозой, гражданской войной и революцией. Ярким примером тому служила победа левых сил в Испании и начавшаяся там гражданская война. Уставшие от смуты 1931—1932 гг. чилийцы поддерживали политику А. Алессандри, что нашло свое отражение в результатах парламентских выборов 1937 г.

Впервые на выборах 1937 г. громко заявили о себе бравшие пример с Германии и Италии чилийские национал-социалисты, получившие 3,53 % голосов, что позволило им провести в Конгресс четырех депутатов. Национал-социалистическое движение Чили было создано в апреле 1932 г. по образу и подобию германской нацистской партии. Креольский «фюрер» движения, немец по происхождению Хорхе Гонсалес фон Мареес призвал

¹ См.: *Alessandri Palma A. Recuerdos de gobierno*. Т. 3. 1967. Р. 62.

покончить с лживой либеральной демократией, свергнуть гнет космополитической олигархии и империализма. «Креольские нацисты» считали себя левым социалистическим движением, противопоставляя себя традиционным политическим партиям. Нацисты организовывали штурмовые отряды, которые провоцировали социалистов и коммунистов, а также левые профсоюзы на уличные стычки. Улицы чилийских городов превратились в арену ожесточенных столкновений вооруженных отрядов различных партий и полиции.

После поражения Социалистической республики многочисленные организации и группы, поддерживавшие этот эксперимент, объединились в единую партию. 17 апреля 1933 г. НАП (Новое общественное действие) Э. Матте, АРС (Революционное социалистическое действие) О. Шнаке, Марксистская социалистическая партия и Социалистический порядок образовали Социалистическую партию Чили. Ей было суждено политическое долголетие и огромная роль в истории страны в течение всего XX в. Партия объявила себя марксистской, творчески применяющей это учение в соответствии с национальными особенностями и социальными реалиями Чили. Соцпартия критически относилась как ко Второму, так и к Третьему Интернационалу. Ее стратегической целью было образование латиноамериканской конфедерации социалистических республик. Чилийские социалисты настаивали на национальном своеобразии латиноамериканской революции и будущего социалистического общества. Они призывали все левые антиимпериалистические партии континента сформировать Латиноамериканский социалистический интернационал. Соцпартия объединила в своих рядах весьма разнородные элементы: от либеральных реформистов до бывших анархистов и троцкистов. В 1936 г. к соцпартии присоединилась вышедшая из КПЧ троцкистская группа «Левых коммунистов». Генеральным секретарем соцпартии был избран Оскар Шнаке, который в тот момент еще находился в тюрьме, и его обязанности выполнял Э. Матте. Однако общепризнанным харизматическим лидером социалистов был М. Грове.

Консолидация левых сил, образование единой Социалистической партии способствовали возрождению и объединению профсоюзного движения. В феврале 1933 г. состоялся первый после 1925 г. съезд Рабочей федерации Чили (ФОЧ), контролируемой коммунистами. Помимо ФОЧ в стране существовала более умеренная Национальная конфедерация профсоюзов, которая до изменения линии КПЧ относилась к ней крайне враж-

дебно, но после провозглашения политики широкого демократического союза Народного фронта и под давлением нарастающего забастовочного движения стала склоняться к объединению с левыми профсоюзами. В 1935 г. в Чили насчитывалось более 500 профсоюзных организаций, объединявших 78 тыс. трудящихся. Забастовка железнодорожников в 1935 г. и репрессии правительства послужили катализатором объединительных процессов в профсоюзном движении. Важную роль в этом процессе имел поворот в политике КПЧ, провозгласившей лозунг Народного фронта и широких политических и классовых союзов. Был создан Фронт профсоюзного единства в составе Национальной конфедерации профсоюзов, ФОЧ, Единого фронта железнодорожников, Союза учителей, Конфедерации шоферов, Национального фронта служащих, большинства отраслевых федераций. 6 сентября 1936 г. Фронт организовал в Сантьяго грандиозный митинг трудящихся, поддержавших объединительные тенденции в рабочем движении.

24—27 декабря 1936 г. в Сантьяго состоялся Объединительный съезд профсоюзов Чили. Съезд провозгласил образование Конфедерации трудящихся Чили (КТЧ). Декларация Конфедерации провозглашала социалистические цели борьбы профсоюзов против капиталистической системы. На выборах генерального секретаря КТЧ конкурировали коммунист Сальвадор Окампо и социалист Хуан Диас Мартинес. Первый получил 170, а второй 169 голосов. Чтобы не сорвать объединения, КПЧ убедила С. Окампо отказаться от поста в пользу социалиста, который и был избран генеральным секретарем КТЧ. На политической арене появилось мощное объединение профсоюзов, ставшее оплотом левых партий, прежде всего, коммунистов и социалистов.

Социалисты в Конгрессе в 1934 г. по предложению М. Грове создали «Левый блок», в который помимо СПЧ вошли так называемые народные, небольшие левые партии, часть демократов, радикальные социалисты и «левые коммунисты» (группа Мануэля Идальго). «Левый блок» характеризовал себя как классовый союз пролетарских партий. В 1935 г. в знак протеста против репрессий правительства во время забастовки железнодорожников депутаты «Левого блока» демонстративно покинули парламент. В августе 1935 г. в связи с дополнительными выборами в сенат «Левый блок», коммунисты и радикалы договорились о выдвижении единого кандидата. Это был первый опыт образования широкой народной коалиции и репетиция новой стратегии на предстоящих президентских выборах 1938 г.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ

Во второй половине 1930-х гг. внутриполитическое положение в Чили и международная обстановка способствовали объединению прогрессивных, демократических, антиолигархических сил. Усиление и закрепление авторитарных методов правления, политика репрессий со стороны правительства А. Алессандри стимулировали взаимопонимание всех демократических и левых сил.

Особенностью политической культуры Чили XX в. была неизменная интерпретация собственных политических и социальных проблем через призму европейских (а позднее и североамериканских) идеологем. Наступление фашизма и реакции в Европе вызвало к жизни объединение левых и демократического центра в качестве необходимой предпосылки сохранения демократии. Под влиянием победы Народных фронтов в Испании и во Франции, чилийские левые и центристские партии пришли к пониманию общих целей и задач в противостоянии реакции.

Переход власти от традиционной олигархии к модернизаторским буржуазным и средним слоям, начавшийся в период первого президентства А. Алессандри в 1920 г., в Чили еще не был завершен. Корпоративистско-популистский вариант перехода провалился и дискредитировал себя с падением К. Ибаньеса, подкошенного Великой Депрессией. Либеральный вариант, представленный А. Алессандри во время его второго президентского срока, основанный на попытке компромисса с той же олигархией, трещал по всем швам. Идея Народного Фронта в чилийских условиях реанимировала и придавала европейскую легитимность давней местной политической традиции включения левых в политические процессы, формирования союза левых и реформистских сил.

Постепенно в оппозиции к правительству А. Алессандри наряду с левыми партиями оказались и радикалы, которые изначально были представлены в кабинете несколькими министрами. Сильный человек в правительстве министр экономики Г. Росс придерживался крайне правых взглядов на политическое

будущее Чили. Он был принципиальным противником участия радикалов в правительстве. Поворот влево в среде самих радикалов и их конфронтация с Г. Россом создавали предпосылки присоединения этой крупнейшей партии Чили к широкой народной коалиции.

Важнейшим этапом на пути консолидации демократических сил и создания союза левоцентристских партий стали коренные изменения в политике Коминтерна после исторического VII Конгресса в Москве в 1935 г. В его работе участвовал представитель КПЧ, ее генеральный секретарь К. Контрерас Лабарка. После VII Конгресса Коминтерна международное коммунистическое движение, в том числе и КПЧ, отказались от сектантской тактики борьбы за установление власти советов и выработали новый стратегический курс на создание единого фронта всех демократических антифашистских сил. Главной задачей исторического момента было признано противостояние силам реакции и фашизма, укрепление демократии и защита непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса. Коммунисты должны были временно забыть о задачах социалистического, классового переворота и пойти на союз с силами широкого демократического спектра, включая прогрессивные группы национальной буржуазии.

КПЧ с энтузиазмом восприняла новые лозунги, полностью соответствовавшие национальным политическим традициям, поиску согласия и компромиссов. В августе 1935 г. Компартия, ФОЧ, ряд политиков от Соцпартии и радикалов обратились ко всем оппозиционным партиям, профсоюзам, общественным организациям с призывом создать широкую политическую коалицию Народный фронт (НФ). КПЧ назвала своих противников, против которых был направлен союз партий: «50 семей олигархии», союзников империализма, мешавших прогрессивному развитию страны, продающих ее независимость и суверенитет. Однако это воззвание КПЧ осталось без ответа.

Один из лидеров КПЧ Э. Лаферте писал: «В нашей стране уже существовало нечто вроде остова Народного фронта — это блок левых сил, в который входили социалистическая, радикально-социалистическая и демократическая партии, а также группа исключенных из нашей партии, напыщенно именовавших себя «левыми коммунистами». Наша идея состояла в том, чтобы преобразовать этот блок в широкий Народный фронт»¹.

¹ См.: *Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии.* С. 264.

Коммунисты попытались вступить в «Левый блок», но им было отказано. После забастовки железнодорожников, в условиях обострения политической обстановки и противостояния с правительством процесс создания Народного фронта сдвинулся с мертвой точки.

Встретив сопротивление со стороны социалистов, КПЧ сделала ставку на радикалов. Э. Лаферте рассказывал, что стал часто встречаться с лидерами радикалов, особенно с Хустиниано Сотомайором и председателем партии Хуаном Антонио Риосом: «Риос во многом помог нам во время предварительных переговоров о создании Народного фронта. Были моменты, когда Генеральному секретарю коммунистической партии приходилось встречаться с другими политическими деятелями втайне от полиции, и многие из этих встреч проходили в автомобиле Хуана Антонио Риоса, за рулем которого был он сам»¹. В феврале 1936 г. состоялся III съезд СПЧ, который призвал коммунистов и радикалов присоединиться к «Левому блоку». Ситуация на съезде изменилась после выступления 22 февраля лидера левого крыла Радикальной партии Х. Сотомайора, который предложил создать левоцентристскую коалицию, Народный фронт.

19 марта 1936 г. радикалы приняли решение о вступлении в Народный Фронт. Социалисты приняли декларацию с предложением всем левым партиям образовать Народный фронт, хотя при этом сделали оговорку, что победа такой коалиции не приведет к завоеванию реальной власти. Вслед за радикалами и социалистами к НФ присоединились часть демократов, Фронт профсоюзного единства, коммунисты, а вскоре и радикальные социалисты. Председателем Народного фронта стал вице-президент Радикальной партии А. Гильермо Браво. Так накануне выборов в Конгресс в 1937 г. образовалась широкая антиолигархическая и антиимпериалистическая народная коалиция, что было особенно важно для участия в президентской кампании следующего года.

7 марта 1937 г. состоялись выборы в Конгресс, результаты которых принесли существенное преимущество правым. Партии Народного фронта смогли провести 65 депутатов, в то время как у проправительственных, правых сил было 82. Правые пребывали в эйфории победы. Им казалось, что исход президентских выборов уже предreshен в их пользу. Сразу же после парламентских выборов министр Густаво Росс ушел в отставку, чтобы в

¹ См.: *Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии.* С. 265.

соответствии с законом иметь возможность участвовать в кампании по выборам президента. Он был единственным бесспорным лидером всех правых партий. Уходя с поста министра, Г. Росс заявил, что избиратели уже поддержали успех его политики финансового оздоровления, и что он уверен в своей победе на выборах. Формально его кандидатуру должны были утвердить все партии правой коалиции, либералы, консерваторы и аграрии на своем общем съезде 23 апреля 1938 г.

Г. Росс победил на съезде правых почти единогласно. Не все либералы и консерваторы разделяли реакционно-элитистские взгляды Г. Росса. В его стратегии выхода из кризиса, несмотря на общий ортодоксально-либеральный антураж, намечались новые тенденции, прежде всего, поворот к импортозамещающей индустриализации, более активному государственному регулированию экономики. При этом предполагалось, что развитие горно-экспортных отраслей необходимо для обеспечения политики замещения импорта. Главное отличие от программы Народного фронта состояло в иной социальной ориентации. Г. Росс всю тяжесть социальных издержек возлагал на народные массы, трудящихся, мелкую буржуазию, средние слои, освобождая от них финансовую, помещичью и предпринимательскую элиту. Народный фронт предполагал более равномерное распределение издержек этой политики и социальные гарантии низшим классам.

Недовольство социально негибкой, ретроградной политикой Г. Росса и А. Алессандри породило движение католической молодежи в рядах консервативной партии в духе социальной доктрины католической церкви. В 1935 г. эта группа, в которую входили Эдуардо Фрей, Радомиро Томич, Бернардо Лейтон, образовала Национальную фалангу, которая хотя и не порвала связей с Консервативной партией, эволюционировала в сторону христианского социализма и корпоративизма. Фаланга проповедовала социал-христианские идеи, призывала к проведению глубоких социальных реформ, построению общества, основанного на евангельских принципах коммунитаризма и социальной солидарности. Оставаясь союзницей консерваторов, Фаланга симпатизировала Народному фронту и все более склонялась к его поддержке. На выборах 1938 г. Фаланга была вынуждена поддержать консерваторов, но брешь между ними расширялась, и многие фалангисты открыто сотрудничали с левыми.

Г. Росс отвергал всякую возможность сотрудничества с радикалами. А. Алессандри считал эту позицию серьезной ошибкой

и предпринял ряд демаршей, чтобы привлечь радикалов к формированию правой коалиции, и самое главное, оторвать их от союза с левыми. Однако Г. Росс занимал жесткую и непреклонную позицию по этому вопросу. Этот «антирадикализм» Г. Росса ускорил эволюцию радикалов влево, а внутри их партии подорвал позиции тех, кто видел своих естественных союзников в либералах и аграриях, а не в социалистах и коммунистах.

В мае 1937 г. состоялся съезд радикалов. Треть делегатов была настроена против Народного фронта с участием коммунистов, однако после бурной дискуссии решением большинства съезд поддержал создание Народного фронта. На тот момент три министра в правительстве представляли радикальную партию. Радикалы вышли из кабинета министров и перешли в оппозицию к правительству. В апреле 1938 г. должен был состояться съезд всех партий Народного фронта, который определил бы имя единого кандидата на президентских выборах.

Помимо противостояния Народного фронта и блока правых сил на президентских выборах появился третий важный игрок. В марте 1937 г. находившийся в эмиграции К. Ибаньес выдвинул свою кандидатуру, а 10 мая он был встречен в аэропорту Сантьяго многотысячной толпой своих сторонников. Бывшего диктатора поддержала нацистская партия, либеральные демократы, радикальные социалисты, сразу же покинувшие Народный фронт, а также часть социалистов и демократов. К. Ибаньес позиционировал себя как кандидата левых сил. При этом он не считал НФ левой коалицией из-за преобладающего влияния в нем радикалов. В своих выступлениях перед народом К. Ибаньес критиковал нищету, засилье олигархии и политиканов. Он заявил, что его программа является антифашистской и народной, выразил поддержку испанским республиканцам, декларируя свою приверженность идеям Народного фронта. Однако при этом критиковал участие радикалов в левой коалиции, так как считал, что стране нужна не центристская, а левая альтернатива. Левая демагогия генерала смутила часть социалистов. Они создали Социалистический союз, куда также вошли радикальные социалисты. Эта партия стала основой Народно-освободительного альянса, созданного сторонниками К. Ибаньеса. Антиолигархическая и антиимпериалистическая риторика К. Ибаньеса, образ «генерала надежды», как его называли его сторонники, превращали бывшего диктатора и опытного демагога в серьезного конкурента Народного фронта в борьбе за голоса левых избирателей.

К. Ибаньес спровоцировал раскол в Социалистической партии, из которой вышли его сторонники, а НФ покинули уже упоминавшиеся социал-радикалы. Таким образом, К. Ибаньесу удалось ослабить позиции левых сил. Одновременно правые способствовали росту популярности К. Ибаньеса в рабочих кварталах, рисуя его своим главным противником. В январе 1938 г. А. Алессандри при посещении военной базы «Эль-Боске» заявил, что будет «всеми доступными средствами препятствовать Ибаньесу» в его борьбе за власть¹. Бывшего диктатора поддержало Национал-социалистическое движение, нацисты Х. Гонсалеса фон Марееса, которые также считали себя левой, антиолигархической и антилиберальной партией. Они требовали провести национализацию промышленности, большинство пунктов их экономической программы совпадали с требованиями Народного Фронта. Однако у нацистов преобладала антикоммунистическая, антисоциалистическая и антидемократическая риторика, апелляция к «чилийской расе», культ силы, путчистские настроения, они делали ставку на насилие и на свои штурмовые отряды, которые ежедневно сталкивались на улицах с отрядами самообороны социалистов и коммунистов. Национал-социалистическое движение Чили было маргинальным в политическом плане, его антиолигархическая направленность и идеологическая эклектика в условиях Латинской Америки 1930-х гг. не позволяют поставить его в один ряд с европейским фашизмом, но само название движения, символика и атрибутика делали его в глазах левых местным выражением всемирного врага. Чилийские национал-социалисты для многих были символом фашистской угрозы в стране.

С появлением кандидатуры К. Ибаньеса проблема единого левого кандидата стала крайне острой ввиду явного стремления социалистов выдвинуть М. Грове, самого популярного лидера левых, от всего Народного Фронта. Социалисты начали свою предвыборную кампанию еще в мае 1937 г., агитируя за М. Грове. Однако его кандидатура была неприемлема как для радикалов, так и для тех избирателей, которые с ужасом вспоминали «смутные» годы «Социалистической республики».

В Радикальной партии победила кандидатура умеренного деятеля Педро Агирре Серда, которого в январе 1938 г. выдвинул партийный съезд. Другие партии НФ также имели своих

¹ См.: *Moulian T., Torres Dujisin I. Las candidaturas presidenciales de la derecha: Ross e Ibanez. Santiago, 1986. P. 89.*

кандидатов: коммунисты — Элиаса Лаферте, демократы — Х. Пруденсио Муньоса. Для выбора единого кандидата НФ 14 апреля 1938 г. собрался Левый конвент, на котором присутствовало 400 радикалов, 340 социалистов, 120 демократов, 120 коммунистов и 60 делегатов от Конфедерации трудящихся Чили (по 30 человек от социалистов и коммунистов). Этот день был символичен и остро политически окрашен, ибо это была годовщина провозглашения Испанской республики. Все это создавало определенный настрой и давало сильный антифашистский импульс делу формирования коалиции. Съезд проходил в обстановке противостояния социалистов и радикалов, что ставило под угрозу единство НФ. Лишь решительная поддержка кандидата радикалов коммунистами, а также очевидная слабость соцпартии в случае ее самостоятельного участия в выборах, стали серьезными причинами, склонившими чашу весов на Конвенте в пользу кандидатуры П. Агирре Серда.

Радикал Педро Агирре Серда был опытным политиком. Ему было 59 лет; он происходил из скромной семьи, но благодаря женитьбе на дочери крупного землевладельца, стал видным помещиком, возглавлял Национальную ассоциацию виноделов, за что в народе его прозвали «Дон Тинто»¹. П. Агирре Серда пользовался среди радикалов большим авторитетом благодаря своей принципиальности и честности. С 1915 г. он неоднократно избирался депутатом Конгресса. В 1920 г. возглавлял кабинет министров при первом президентстве А. Алессандри. В 1921 г. был избран сенатором. В 1924 г. вместе с А. Алессандри эмигрировал в Европу. Важнейшим пунктом всех политических программ П. Агирре Серды и его глубоким убеждением была необходимость развития просвещения, образования народных масс. Он провозгласил формулу своего президентства: «Править — значит просвещать!» Его политические взгляды отличались умеренностью. Он принадлежал к той части радикалов, которые не одобряли вираж партии влево после X съезда в Винья-дель-Мар в 1933 г. Изначально выступая против участия радикалов в Народном фронте, после принятия партией решения о вступлении он стал искренне работать над укреплением коалиции. Его кандидатура была оптимальной на данном этапе создания НФ, так как не вызывала отчуждения со стороны либералов и консерваторов. П. Агирре Серда заявил: «Я не хочу ни возбуждать народ-

¹ Tinto по-испански означает «красное вино».

ные страсти, ни поднимать восстания. Я радикал, и наши обязательства должны быть осуществимы и конструктивны»¹.

Между П. Агирре Сердой и К. Ибаньесом развернулась полемика по вопросу о единстве левых сил. В июле 1938 г. К. Ибаньес заявил, что готов снять свою кандидатуру, если его соперник П. Агирре Серда сделает то же самое. Взаимодействие или коалиция между сторонниками К. Ибаньеса и НФ были маловероятны из-за неприятия бывшего диктатора радикалами и коммунистами. Ударной силой фронта К. Ибаньеса являлись нацисты, делавшие ставку на насилие. Скандальное поведение их лидера Х. Гонсалеса фон Марееса свидетельствовало о провоцировании конфронтации и подготовке путча. 21 мая 1938 г. во время чтения ежегодного послания президента в Конгрессе он устроил стрельбу из своего пистолета в воздух, вызвав большой переполох среди депутатов.

4 сентября 1938 г. в Сантьяго состоялся многочисленный митинг нацистов в поддержку К. Ибаньеса. Х. Гонсалес фон Мареес произнес зажигательную речь с призывом расправиться с политиками и олигархией. Напряжение в столице было столь велико, что, как вспоминал А. Алессандри, он решил лично удостовериться в характере манифестации, числе участников и оценить их опасность. На собственном автомобиле президент отправился к месту собрания нацистов в Парке Коузиньо. А. Алессандри писал в своих мемуарах: «Я обратил внимание, что толпа была многочисленна, гораздо больше, нежели я думал, и гораздо больше, чем мне докладывали, скрывая правду»².

На следующий день, 5 сентября нацисты подняли путч. Дата была символична — годовщина выступления военных во главе с К. Ибаньесом в 1924 г., отправивших А. Алессандри в отставку. Группа студентов нацистов (около 30 человек) захватила университет. Другая группа, также в основном молодежь, с оружием в руках заняли здание «Рабочего страхового общества», ныне министерства юстиции, расположенного в непосредственной близости от президентского дворца. С этого высокого здания нацисты открыли огонь по президентскому дворцу Ла-Монета и площади перед ним. А. Алессандри так описывал события того дня: «Было примерно 12.30, когда я разговаривал по телефону с министром юстиции, вдруг раздались один или два выстрела. Я выглянул в окно... и увидел в луже крови карабинера, охранника

¹ Цит. по: *Гаранин Ф.А.* Народный фронт в Чили. 1936—1941. С. 162.

² *Alessandri Palma A.* Recuerdos de gobierno. Т. 3. Р. 185.

дворца. Огонь велся с террасы здания Страховой кассы, стреляли прицельно по Ла-Монеде, взрывались ручные гранаты, сбрасываемые с высоты здания... явно целясь в мои апартаменты»¹. И далее: «Было три часа дня, и мы уже знали, что мятежники взорвали несколько высоковольтных вышек, желая оставить город вечером без света; говорили, что они попытались разрушить водопровод, а главное, к этому добавлялись сообщения, что в бедных кварталах происходят беспорядки в ожидании победы переворота, чтобы приступить к грабежам и разбою в городе. Ввиду этого генерал Новоа попросил у меня разрешения одним ударом уничтожить путчистов, используя артиллерию. Я полностью согласился с Новоа, так как было абсолютно необходимо подавить мятеж до наступления ночи во избежание осложнения ситуации»². Многие нацисты были убеждены, что переворот будет поддержан военными, как им обещали их вожди. Вскоре карабинеры и военные освободили здание университета, откуда захваченных молодых людей с поднятыми вверх руками сопровождали ко все еще обороняющемуся зданию «Рабочего страхового общества». Когда защитники здания увидели своих товарищей арестованными, они убедились в поражении попытки переворота и сдались властям. Карабинеры не стали никого брать в плен, расстреляв всех заговорщиков на месте. Было убито 58 молодых людей, средний возраст которых был 22 года. Только четверем человекам удалось спастись, будучи ранеными, они остались завалены телами своих товарищей.

Правительство обвинило в путче и арестовало К. Ибаньеса и Х. Гонсалеса фон Марееса. Бесцельное кровопролитие и жестокость властей привели в страну в ужас. И К. Ибаньес и Х. Гонсалес фон Мареес призвали своих сторонников отдать свои голоса за Педро Агирре Серда. Несколько лет спустя лидер нацистов оправдывал путч 5 сентября тем, что восстание было единственным способом остановить реакцию. Народный фронт осудил репрессии и насилие со стороны правительства. К. Ибаньес и нацисты, призванные отобрать у НФ часть голосов левых избирателей, своим самопожертвованием 5 сентября подготовили победу П. Агирре Серда. Разгром нацистов стоил Г. Россу кресла президента.

Хотя НФ не поддержал выступление путчистов, он осудил репрессивные действия правительства, через 2 недели после

¹ *Alessandri Palma A. Recuerdos de gobierno. T. 3. P. 189.*

² *Там же. P. 193.*

бойни 5 сентября НФ и сторонники К. Ибаньеса подписали пакт о взаимодействии и поддержке кандидатуры П. Агирре Серда. 25 октября 1938 г. в Чили состоялись президентские выборы. С минимальным перевесом в 4 тыс. голосов победил П. Агирре Серда, за него отдали свои голоса 50,17 % (222 740) чилийцев. Его соперник Г. Росс получил 49,24 % (218 609) голосов. Левые с большим преимуществом победили в крупных городах: Сантьяго (64 297 против 50 998 у правого кандидата), Вальпараисо (22 667 против 19 105), Консепсьоне (17 417 против 9734), а правые оказались сильнее в провинции и в деревне.

Из-за крайне небольшого перевеса в голосах в пользу НФ предвыборный штаб Г. Росса попытался оспорить результаты голосования. П. Агирре Серда получил всего на 721 голос больше 50 %, которые были необходимы для конституционного избрания народным голосованием без утверждения победы Конгрессом, большинство в котором составляли правые. А. Алессандри присоединил свой голос в пользу тех, кто оспаривал результаты, что было неуместным со стороны правительства, учитывая традиции давления властей на избирательный процесс. Как ни парадоксально, А. Алессандри обвинил «Лиги против подкупа», организованные НФ, чтобы воспрепятствовать фальсификациям выборов, в том, что они оказывали давление на противников П. Агирре Серда и не давали голосовать как подкупленным, так и убежденным сторонникам Г. Росса. Правым, тем не менее, не удалось ни оспорить результаты выборов, ни получить поддержку военных в противодействии левым. До сведения президента А. Алессандри и лидеров проигравших партий через военного министра дошла информация о недовольстве армии претензиями Г. Росса к результатам выборов. В чилийских вооруженных силах по-прежнему было немало сторонников левых.

23 декабря 1938 г. главой государства стал представитель широкой коалиции радикалов, социалистов и коммунистов П. Агирре Серда. В правительстве Народного Фронта социалисты получили три портфеля, демократы — два, остальные достались радикалам. Учитывая, что НФ не имел большинства в Конгрессе, правительство могло проводить лишь весьма умеренные реформы. Его первым актом стало объявление амнистии участникам нацистского путча 5 сентября.

В президентском послании к Конгрессу 21 мая 1939 г. П. Агирре Серда обрушился на традиционные партии, представлявшие верхушку чилийского общества, резко критикуя их за

отчаянное сопротивление реформам, направленным на улучшение положения рабочих, служащих, основной массы народа¹. Президент назвал главную причину бедствий трудящихся: ограбление страны иностранными компаниями. Народный фронт, как коалиция «прогрессивных сил чилийского общества», выдвинул программу планомерного развития народного хозяйства, создания более справедливой системы распределения общественного богатства, включавшую законодательную регламентацию деятельности иностранного капитала, финансово-денежную реформу, аграрные преобразования, создание селитряного картеля, а главное, активное участие государства в экономической жизни.

С еще более резких позиций выступил съезд Радикальной партии, собравшийся в июне 1939 г. в г. Ла-Серена. Следуя за решениями съезда 1933 г., радикалы, отвергая капитализм и классовые привилегии, предлагали заменить свободную конкуренцию и индивидуализм на коллективизм, кооперацию через социализацию средств производства². Предлагаемые ими реформы включали обязательное социальное и медицинское страхование рабочих, бесплатное светское образование. В аграрном вопросе радикалы, как и большинство реформаторов в Латинской Америке в те годы, исходили из принципа социальной функции земельной собственности. Непроизводительные латифундии, по их мнению, подлежали социализации и парцелляции в пользу непосредственных производителей, фермеров и крестьян. Особым пунктом решений съезда была выделена необходимость активной борьбы с нацифашизмом и солидарности со всеми демократическими силами на американском континенте, прежде всего, с политикой президента США Рузвельта.

24 января 1939 г. произошло катастрофическое землетрясение, опустошившее густонаселенные районы между Талькой и Био-Био в центре и на юге Чили. Оно стало толчком, ускорившим осуществление планов правительства Народного Фронта в экономической сфере, прежде всего, по усилению роли государства в координации и планировании развития страны. 1 февраля 1939 г. правительство внесло на рассмотрение Конгресса закон о поддержке пострадавшего населения и реконструкции. Закон предусматривал создание особых органов экономического регу-

¹ См.: *Lastra Norambuena A.* El pensamiento radical social demócrata en Chile (De sociabilidad chilena al Frente Popular). Santiago, 1995. P. 303.

² См. там же. P. 281.

лирования. Парламентская комиссия, в которой преобладали правые, отвергла закон, даже не вынося его на обсуждение палаты депутатов. Общественное мнение страны постепенно разворачивалось в пользу новой политики экономического дирижизма.

20 февраля была предложена новая версия закона, но Конгресс вновь отказался рассматривать ее. В конце концов, правительству удалось провести закон через Конгресс 71 голосом «за» при 68 «против», причем «за» проголосовало два депутата от Либеральной партии. Этот закон создал легальную основу не столько для ликвидации последствий землетрясения, сколько для создания новых институтов экономического развития. За кулисами переговоров различных политических партий по поводу законов о создании новых государственных органов экономического регулирования было достижение компромисса с левыми, которые соглашались воздержаться от своей агитационной работы по синдикализации в деревне в ответ на уступки правых в вопросе госконтроля в промышленности и торговле.

29 апреля 1939 г. в Чили впервые в истории континента была создана государственная Корпорация промышленного развития (КОРФО). Ее основной задачей являлось долгосрочное планирование со следующими приоритетами: развитие энергетики и топливной промышленности, импортозамещающих отраслей, горнорудной промышленности, механизация сельского хозяйства и рыболовства, диверсификация торговли и транспорта. Безусловно, осуществление подобного планирования предполагало прямое участие государства в экономике. В состав КОРФО входили министры финансов, экономики, представители парламента, частных предпринимательских союзов, банков, профсоюзов. Фактически это было сверхправительство, взявшее на себя хозяйственное управление страной.

До 1938 г. в Чили не было собственной крупной промышленности. В 1937 г. из 19 432 предприятий 9700 фактически являлись кустарными мастерскими семейного типа. В 7694 из них работало по три наемных работника, и только 251 можно было отнести к крупным фабрикам, на которых было занято в среднем по 386 рабочих¹. Создание КОРФО означало ускоренное развитие в чилийской промышленности крупных государственных корпораций.

¹ См.: *Urzuа Valenzuela G. Historia política electoral de Chile. 1931—1973.* P. 47.

Вслед за КОРФО в 1943 г. была создана Национальная электрическая компания — ЭНДЕСА, которая в последующие 10 лет построила 8 гидроэлектростанций, до сих пор являющихся основой энергетической системы Чили. Открытие месторождения нефти в Манантиалес на Огненной земле в 1945 г. положило начало развитию государственной нефтяной индустрии в Чили, в 1949 г. была создана Национальная нефтяная компания (ЭНАП). Хотя добываемой на чилийской территории нефти не хватало для удовлетворения нужд страны, ее добыча имела большое значение для развития национальной экономики, за 1953—1965 гг. нефтедобыча выросла в 10 раз. В 1944 г. в Чили был принят Закон о государственной собственности на нефтяные месторождения.

В 1943 г. в Чили была создана государственная Тихоокеанская стальная компания (КАП), в 1947 г. началось строительство металлургического комплекса в Уачипато, ставшего крупнейшим индустриальным проектом десятилетия. В сельском хозяйстве государство уделяло наибольшее внимание переработке сахарной свеклы, в 1952 г. возникла Национальная сахарная компания — ИАНСА. В 1948 г. состоялось открытие чилийского военного форпоста в Антарктиде — базы О'Хиггинса, что вошло в школьные учебники истории страны как первый акт осуществления суверенитета Чили в Антарктиде. Чили и сегодня считает принадлежащими ей «в силу географических и исторических причин» 1 250 000 кв. км территории Антарктиды, что не признается международным сообществом. Все созданные в этот период государственные компании были приватизированы в 1980-х гг. при военном режиме (кроме ЭНАП) и до сегодняшнего дня продолжают оставаться крупнейшими предприятиями чилийской индустрии.

Начало Второй мировой войны привело к серьезным экономическим проблемам в Чили: частично были утрачены рынки, традиционные для чилийских товаров, в страну перестали поставляться многие важнейшие продукты и сырье. Перед правительством встала задача перестройки всей хозяйственной структуры, ее приспособления к новым внешним условиям. Эта задача была возложена на КОРФО, сформулировавшую планы развития уже существовавших отраслей народного хозяйства и создания новых. КОРФО получала льготные кредиты под гарантии Центрального банка. Корпорация развития смогла сконцентрировать большие финансовые ресурсы и направить серьезные капиталовложения в новые перспективные отрасли чилийской экономики, осуществить важнейший этап импортозамещающей индустриализации. Результаты не заставили себя долго ждать:

занятость на крупных и средних предприятиях с 1939 по 1943 г. выросла с 110 тыс. до 150 тыс. человек. Экономика страны переживала подъем, рост производства в среднем составил 3 % в год.

Правительство Народного фронта прилагало большие усилия для выполнения своих обещаний по улучшению положения трудящихся. Была увеличена зарплата во многих отраслях. Велось широкое строительство жилья для рабочих, больниц, особенное внимание уделялось школам. С 1938 по 1941 г. число школьников в стране увеличилось на 110 тыс., достигнув 615 988 человек, что составляло почти 15 % населения Чили (5 млн человек в 1940 г.). Вместе с тем рост расходов правительства на социальные нужды привел к разбалансированию бюджета, росту цен и обесцениванию песо. Самой серьезной проблемой была инфляция.

Экономические трудности вызвали волну протеста трудящихся. Правительство пыталось решить проблемы путем поиска компромисса с КТЧ. Приход в Ла-Монеду Народного фронта способствовал быстрому росту профсоюзов: в 1941 г. в Чили насчитывалось уже 200 тыс. организованных рабочих. Эта была мощная политическая сила. Однако профсоюзы, левые партии предпочитали прямому давлению поиск компромисса. Особенностью политического развития Чили по сравнению с другими странами континента стала интеграция профсоюзов в гражданское общество и политическую систему, что на протяжении многих десятилетий укрепляло ее устойчивость и жизнеспособность. Гибкая социальная политика правительства Народного фронта, а в дальнейшем правление президентов-радикалов интегрировало в политическую и социальную структуру широкие слои среднего класса и верхушку рабочих через участие их партий в осуществлении политической власти и принятии решений по национально значимым проблемам.

Народный фронт был нестабильной коалицией из-за разногласий внутри входивших в него политических партий. С одной стороны, правое крыло радикалов во главе с Хуаном Антонио Риосом выступало против дальнейшего углубления сотрудничества с другими партиями НФ. С другой, левые радикалы, возглавляемые Э. Гусманом и Г. Гонсалесом Виделой, ратовали за сближение с социалистами и коммунистами. Однако главная опасность раскола НФ изнутри исходила не от радикалов, а от их союзников слева.

Социалисты тяготились союзом с КПЧ. Внутри Соцпартии в 1940 г. произошел раскол. Часть ее депутатов и множество рядовых членов создали группу «нонконформистов», протестовав-

ших против бюрократизации партии и дрейфа в сторону правого реформизма. После поражения на съезде эта группа вышла из СПЧ, образовав Социалистическую партию трудящихся (ПСТ) во главе с лидером ультралевых Сесаром Годоем Уррутия. ПСТ заняла крайние, ультрареволюционные позиции по отношению к НФ, характеризуя его как буржуазно-реформистский союз соглашательских партий, предавших интересы рабочего класса. Вслед за кризисом в СПЧ Конфедерация профсоюзов также дистанцировалась от НФ. Впервые Чили столкнулась с проблемой, которая не раз еще будет возникать в ее политической истории. Левые силы, привыкшие быть оппозицией и традиционно ориентированные на организацию социального протеста снизу, придя к власти, оказываются не в состоянии установить равновесие между логикой государственного правления и своей традицией и функцией, которые в свою очередь подкрепляются взрывом социальных ожиданий масс.

Самой последовательной защитницей НФ была компартия. Однако ее объединительная политика натолкнулась на внешнеполитические трудности. После пакта Риббентропа—Молотова и активно насаждавшегося в коммунистическом движении тезиса об империалистическом характере начавшейся мировой войны, когда ставился знак равенства между фашистским блоком и западными демократиями, общественное мнение и, прежде всего, социалисты обвинили КПЧ в предательстве антифашистских принципов и в защите дьявольского союза СССР с Гитлером.

Внутри СПЧ усилились позиции антикоммунистически настроенных деятелей. В конце 1940 г. лидер социалистов и министр О. Шнаке по возвращении из США выступил с требованием исключить КПЧ из Народного фронта. В противном случае соцпартия угрожала покинуть НФ. Так как коммунисты всегда поддерживали главенство радикалов в НФ, социалисты порвали с коалицией. В марте 1941 г. министры-социалисты О. Шнаке, Р. Мерино и С. Альенде представили президенту прошения об отставке. В ответном письме П. Агирре Серда писал: «Печальный разрыв между Социалистической и Радикальной партиями, который произошел из-за противоречий между социалистами и коммунистами, не должен затронуть реализацию той программы, которую я обещал на выборах. Ни сближение, ни конфликт между партиями не должны повлиять на деятельность министров, которых я назначаю»¹. Президент не принял отставку. Правительство сохранилось в прежнем составе,

¹ Epistolario de Pedro Aguirre Cerda (1938—1941). Santiago, 2001. P. 134.

т. е. с социалистами, хотя НФ уже перестал существовать как предвыборная коалиция.

Развал Народного фронта произошел в канун парламентских выборов 1941 г. Коммунисты остались привержены широкой демократической коалиции, выступив на выборах вместе с радикалами. СПЧ участвовала в выборах самостоятельно. Правые рассчитывали сохранить большинство в Конгрессе, что позволяло им тормозить любые серьезные преобразования, предлагаемые правительством. Избирательные округа были составлены таким образом, чтобы обеспечить более широкое представительство сельского населения, где помещики располагали голосами своих крестьян, а результаты полностью манипулировались.

Результаты голосования были ошеломляющими: за радикалов, левые партии и их союзников проголосовало 59,25 % избирателей, увеличив их электорат на 20 % по сравнению с предыдущими выборами в Конгресс в 1937 г. Либералы потеряли 14 мандатов, консерваторы — 3, а демократы — 5. Больше всего выиграли оставшиеся верными политике широкого фронта радикалы и коммунисты. КПЧ увеличила свое представительство с 6 до 16 депутатов, а радикалы с 29 до 42. Прибавили и демократы, входившие в НФ. Социалисты же разных группировок получили на один мандат меньше, чем в 1937 г.¹ В любом случае это был беспрецедентный триумф левых сил. Одним из шокирующих для традиционных политиков результатов был тот факт, что марксистские партии, СПЧ, КПЧ и ПСТ в сумме получили 32 % голосов. Такого не было нигде в мире. За Чили закрепилась прочная репутация левой, марксистской страны.

После нападения гитлеровской Германии на СССР в июне 1941 г. КПЧ освободилась от неестественного положения, когда коммунисты были вынуждены оправдывать союз с Гитлером. КПЧ стала сближаться с ПСТ, которая вскоре объединилась с коммунистами. В политике КПЧ сильнее зазвучали антифашистские ноты. Партия активно поддерживала идеи союза с радикалами и социалистами. Однако восстановить Народный фронт в прежней конфигурации так и не удалось. В конце 1941 г. избранный президент П. Агирре Серда тяжело заболел и 10 ноября ушел в отставку, передав власть главе кабинета министров. 25 ноября П. Агирре Серда скончался. Его похороны вылились в яркую демонстрацию народной любви и скорби по первому народному президенту республики. Затем вновь разгорелась острая предвыборная борьба.

¹ См.: *Urzua Valenzuela G. Historia política electoral de Chile. 1931—1973. P. 52.*

ПРАВИТЕЛЬСТВА РАДИКАЛОВ (1941—1952)

Главный вопрос предстоящих внеочередных президентских выборов состоял в том, удастся ли левоцентристским партиям, наследникам Народного фронта, выдвинуть общего кандидата. Ведущей политической силой страны оставались радикалы, а от того, кто будет представлять эту партию в предвыборной гонке зависело будущее демократической коалиции. 14 декабря 1941 г. на съезде радикалов победили сторонники возврата к политике союзов с традиционными партиями и сворачивания сотрудничества с марксистами. Кандидатом Радикальной партии стал Хуан Антонио Риос, известный своей активной деятельностью в правительстве К. Ибаньеса. Чрезвычайный съезд СПЧ решил идти на выборы самостоятельно. После бурных дискуссий самый популярный лидер социалистов М. Грове снял свою кандидатуру. Социалисты назвали своим кандидатом О. Шнаке. Выдвиженец СПЧ был противником компартии, но не был готов и к сотрудничеству с Х.А. Риосом. Учитывая неблестящие для социалистов результаты парламентских выборов, СПЧ решила все-таки поддержать радикалов.

Демократическая партия, часть аграриев¹, а также фалангисты присоединились к кандидатуре Х.А. Риоса. Противником Х.А. Риоса был генерал К. Ибаньес, который создал и возглавил Национальное ибаньистское движение. В отличие от 1938 г., когда генерал представлял себя левым политиком, на этот раз он предстал крайне правым деятелем, почти фашистом. Эти колебания характерны для всех латиноамериканских популистов того времени. С левыми их объединяла антиолигархическая направленность проектов, содействие социальной мобильности среднего класса и трудящихся, организации профсоюзов и со-

¹ Речь идет о недолговечной Аграрно-лабористской партии корпоративистского толка, с сильным влиянием франкизма.

циальное законодательство. С фашизмом их сближал корпоративистский, антидемократический идеал общества, авторитаризм, отрицание представительной демократии, антикоммунизм и антилиберализм — как идеология. Националистические, антикоммунистические и антидемократические заявления К. Ибаньеса создали вокруг него ореол профашистского политика. Его поддерживали консерваторы, часть либералов, нацисты. Сложилась парадоксальная ситуация: К. Ибаньесу противостоял сторонник того же течения Х. А. Риос. Именно он в 1938 г. активно предлагал пригласить Ибаньеса в НФ, на Конвент левых сил и даже рассматривал его кандидатуру в качестве единого лидера от Фронта. Х.А. Риос не был харизматической фигурой, более того, симпатизировал своему сопернику. КПЧ выступила с заявлением, в котором признавала опасность ситуации, считая Риоса проигрышной кандидатурой по сравнению с Ибаньесом. Однако в обществе в тот момент сложилось убеждение, что голосовать за Ибаньеса означало поддержать фашизм.

СПЧ и КПЧ считали, что Х.А. Риос меньшее зло, чем К. Ибаньес. В результате они присоединились к Демократическому альянсу, выдвинувшему Х.А. Риоса своим кандидатом. Таким образом, фактически против воли самого Х.А. Риоса вокруг него вновь сложилась левоцентристская коалиция с участием коммунистов и социалистов. Х.А. Риоса поддерживали также либералы, сторонники А. Алессандри, который никогда не мог простить «предательства» Ибаньеса в 1925 г., когда тот лишил его власти. В итоге левая коалиция, какой был Народный фронт, расширилась за счет центра, и ее эволюция вправо была вполне очевидной. В результате на выборах 1 февраля 1942 г. непопулярный и малопривлекательный Х.А. Риос получил 55,7 % голосов и стал вторым президентом-радикалом в истории Чили, продолжив длительный период правления радикалов (1938—1952).

Х.А. Риос, придя к власти, честно собирался выполнять свою президентскую программу и обязательства перед союзниками по коалиции. В первом кабинете Х.А. Риоса было 5 радикалов, 3 социалиста, 2 либерала и 2 демократа. Своего друга К. Ибаньеса новый президент также не забыл, назначив его послом в Перу. Однако Сенат не утвердил это назначение. После критики политики соглашательства с либералами, прозвучавшей на съезде Радикальной партии, обострились отношения Х.А. Риоса с собственной партией. По прошествии шести месяцев работы первого кабинета министров и препирательств с ру-

ководством партии, президент создал новый кабинет в составе правых радикалов, демократов, социалистов и независимых. Несмотря на свое участие в правительстве, социалисты критиковали Х.А. Риоса за отсутствие реформ и консервативный политический курс. В конечном счете, в результате этого конфликта внутри коалиции социалисты покинули правительство. В июне 1943 г. Х.А. Риос вновь реорганизовал кабинет министров, в котором остались только правые радикалы, либералы и независимые. Фактически Х.А. Риос правил, опираясь на правые партии.

Одной из самых сложных проблем, стоявших перед правительством Х.А. Риоса, была Вторая мировая война. Хотя чилийское правительство постоянно заверяло о своей приверженности континентальной солидарности, о поддержке США и западных демократий в борьбе с фашизмом, правящие круги Чили сильно зависели от многочисленных прогерманских сил внутри экономической элиты страны, в армии и в обществе в целом. Чили пыталась лавировать между антигитлеровской коалицией и странами «оси», сохраняя хорошие отношения как с США, так и с Германией и Японией.

После нападения Германии на СССР компартия развернула мощную кампанию за разрыв отношений с фашистским блоком. Создавались общества солидарности с СССР, антифашистские союзы. Вступление США в войну в конце 1941 г. значительно укрепило позиции антифашистских сил в Чили. Под давлением левых партий в 1942 г. была запрещена деятельность национал-социалистов Х. Гонсалеса фон Марееса. Это был важный шаг к разрыву с державами «оси». После долгих колебаний под сильным нажимом со стороны США и Англии, а также под давлением всех чилийских демократических партий в январе 1943 г. президент подписал закон о разрыве отношений с фашистскими государствами.

Чили являлась важным звеном в системе стратегических поставок сырья в США. Для проведения переговоров, целью которых было включение Чили в систему континентальной солидарности, в Сантьяго в марте 1943 г. приехал вице-президент США Г. Уоллес. Американцам удалось получить гарантии расширения производства стратегического чилийского сырья по льготным ценам. Это укрепило союзнические отношения США и Чили.

В годы Второй мировой войны в народном хозяйстве Чили произошли большие изменения. Ускорило развитие национальной промышленности. В ходе импортозамещающей индустриализации в стране возникали целые новые отрасли. Росли го-

рода, открывались новые фабрики и заводы. В 1940-е гг. в Чили в результате ускоренной урбанизации большинство населения уже проживало в городах. В это десятилетие ВВП вырос на 40 %. Чили смогла воспользоваться благоприятной внешней конъюнктурой, когда поставки сырья, меди, селитры, продуктов сельского хозяйства пользовались особым спросом на мировом рынке. Вместе с тем, сложности с импортом, недоступность мировых финансов создавали массу трудностей для чилийской экономики.

В 1944 г. Социалистическая партия трудящихся окончательно слилась с коммунистами, которые перестали обвинять ее лидеров в троцкизме. КПЧ оставалась союзником радикалов, настаивая на необходимости классового перемирия, взаимопонимания с буржуазией во имя борьбы с фашизмом. В СПЧ же наступил период внутреннего кризиса и развала. М. Грове выступал как против консервативной политики Х.А. Риоса, так и против поддерживавшей правительство во имя антифашистской солидарности компартии. В соцпартии выделились группа Сальвадора Альенде, фракция М. Грове и молодежная организация во главе с Раулем Ампуэро. В 1944 г. на съезде в Ранкагуа сторонники С. Альенде завоевали руководящие позиции, и М. Грове вышел из соцпартии и организовал свою, Подлинную социалистическую партию. Влияние СПЧ стремительно падало, и многие прогнозировали ее скорую политическую смерть.

В то же время под влиянием подъема демократического движения и побед антигитлеровской коалиции Радикальная партия эволюционировала влево. Съезд радикалов в 1944 г. потребовал от Х.А. Риоса разорвать отношения с франкистской Испанией, признать СССР, а главное — изгнать из правительства всех правых деятелей, прежде всего либералов. Президент отказался выполнить требования своей партии, а съезд в ответ постановил исключить из своих рядов всех, кто будет сотрудничать с правительством. В результате Х.А. Риос остался без партийной поддержки, что особенно чувствовалось в Конгрессе, и в ноябре 1944 г. он назначил чисто «административный» кабинет. Пойдя на конфликт с левыми, президент делал ставку на экономические успехи и очевидное общее улучшение положения народа.

Успехи антигитлеровской коалиции на фронтах Второй мировой войны, укрепление международного престижа СССР способствовали росту влияния коммунистов и левых сил в целом. Под их давлением правительство Х.А. Риоса установило дипломатические отношения с Советским Союзом. 11 декабря 1944 г.

послы СССР и Чили в Вашингтоне А.А. Громыко и М. Мора подписали протокол об обмене дипломатическими представительствами.

Выборы в Конгресс 1945 г. продемонстрировали поддержку умеренной политики правительства Х.А. Риоса и сотрудничающей с ним КПЧ. Больше всего потеряли социалисты, им удалось получить лишь 13 % голосов. Из левых партий только КПЧ удалось консолидировать свои позиции, а правые могли гордиться хорошими результатами: за них проголосовало около 41 % избирателей. Правые проводили свою предвыборную кампанию под знаменем критики правления Х.А. Риоса за расцветшую коррупцию, рост госаппарата и потакание коммунистам. Однако результаты парламентских выборов не изменили общей расстановки политических сил в стране. По итогам выборов президент был вынужден вернуться к многопартийному кабинету. В мае 1945 г. было создано правительство в составе радикалов, демократов, фалангистов и «подлинных социалистов» (сторонников М.Грове), что позволило Х.А. Риосу укрепить свои позиции.

Новое правительство объявило войну Японии, правда, уже на исходе Второй мировой войны. Отношения Чили с США укреплялись и развивались. Чили была верной союзницей США на латиноамериканском континенте. В 1945 г. Х.А. Риос посетил Вашингтон с государственным визитом. По возвращении из поездки в январе 1946 г. Х.А. Риос ушел с поста президента. Он был болен раком, и его дни были сочтены. Власть перешла к назначенному Х.А. Риосом вице-президенту, представителю консервативного крыла Радикальной партии Альфредо Дуальде. Обстановка в стране резко обострилась. В январе 1946 г. в Сантьяго прошла многочисленная демонстрация, разогнанная полицией, применившей оружие. Была убита молодая коммунистка Рамона Парра¹. Предвыборная кампания осложнялась атмосферой насилия и беспорядков. Правые партии предприняли широкое наступление, стремясь одержать реванш над левой коалицией.

Учитывая развал соцпартии и умеренность политической позиции КПЧ, радикалы предпочли союз с коммунистами. Их кандидатом стал Габриэль Гонсалес Видела, принадлежавший к так называемой «доктринерской» фракции партии, известной своими протосоциалистическими воззрениями. Стратегическим

¹ Ее имя будет носить бригада молодых художников-агитаторов в годы Народногo Единства (1970 — 1973).

союзником радикалов на этих выборах стала КПЧ, влияние которой в чилийском обществе в те годы резко возросло. Этому способствовал в первую очередь международный фактор: на популярности идей коммунизма в Чили сказался рост престижа СССР после Второй мировой войны. С 1940 по 1946 г. численность КПЧ выросла в 5 раз, достигнув 50 тыс. человек, что делало чилийскую партию одной из самых многочисленных и влиятельных компартий западных стран. Ключевая роль КПЧ на выборах президента подчеркивалась фактом назначения выдающегося поэта, члена компартии Пабло Неруда на пост председателя избирательного штаба Г. Гонсалеса Виделы. П. Неруда даже написал поэму, посвященную Г. Гонсалесу Виделе «Народ зовет его Габриэль», ставшую символом этой избирательной кампании.

На выборах 4 сентября 1946 г. победил Г. Гонсалес Видела, опередивший своего соперника консерватора Эдуардо Крус-Кокке на 50 тыс. голосов. Полное поражение потерпела Соцпартия, с каждым выборами за нее голосовало все меньше и меньше избирателей. Бывшая прежде одной из самых влиятельных партий в стране, она превращалась в маргинальную политическую группировку. Съезд соцпартии в Консепсьоне в октябре 1946 г. проанализировал уроки этого поражения. В СПЧ большое влияние приобрела левая группа молодых социалистов во главе с Р. Ампуэро, начавшая работу по возрождению партии.

Прошедшие в 1947 г. муниципальные выборы подтвердили тенденцию к усилению позиций КПЧ, получившей на них 16,5 % голосов. Компартия вытесняла социалистов из Конфедерации профсоюзов. Сила коммунистов была очевидной для всех. Впервые в истории Чили компартия получила портфели министров общественных работ, сельского хозяйства и колонизации. Постоянным политическим ориентиром для КПЧ была Французская компартия. Так, в 1938 г., по примеру ФКП, чилийские коммунисты не вошли в кабинет министров НФ, оставив за собой право на его критику слева. Но после войны, опять же следуя ФКП, чилийские коммунисты решили войти в правительство.

В 1947 г. международная обстановка резко изменилась. Началась «холодная война», и США стали оказывать сильнейшее давление на чилийского президента, требуя от него прекращения сотрудничества с КПЧ. Помощник госсекретаря США С. Браден предложил прекратить предоставление кредитов Чили из-за сотрудничества правительства с коммунистами, а прези-

дент Г. Гонсалес Видела стремился к нормализации отношений с США¹. Победы коммунистов на муниципальных выборах обеспокоили либералов, которые стали настойчиво требовать разрыва с КПЧ, угрожая перейти в оппозицию к правительству в Конгрессе. Либералы выдвинули президенту ультиматум: либо они, либо коммунисты. Учитывая, что либералы имели большее число мест в Конгрессе, сотрудничество с ними представлялось более перспективным и менее конфликтным. В апреле 1947 г. все министры-коммунисты ушли в отставку в надежде, что после реорганизации кабинета президент вновь пригласит их участвовать в правительстве. Однако их ожидания не оправдались, что вызвало ярость со стороны руководства компартии. В 1948 г. антикоммунистическая истерия привела к возникновению военного заговора во главе с отставным генералом Рамоном Вергара, который хотел заставить президента установить диктатуру и разгромить марксистов.

Одновременно с разрывом с коммунистами президент Г. Гонсалес Видела объявил о присоединении своей страны к антикоммунистическому блоку американских государств во главе с США. В 1947 г. Чили подписала пакт Рио-де-Жанейро, «договор о взаимной помощи». В следующем году Чили вступила в Организацию американских государств, где безусловная гегемония принадлежала США.

В ответ на удаление из правительства КПЧ организовала мощное забастовочное движение по всей стране. Резкое обострение отношений КПЧ и президента произошло в июле 1947 г., когда коммунисты организовали стачку транспортников в Сантьяго, парализовавшую жизнь города. Забастовка быстро переросла в массовые беспорядки, вызвала акты насилия со стороны полиции: 10 человек были убиты. Президент объявил чрезвычайное положение в столице и обрушил всю мощь репрессивной машины на руководителей профсоюзов и коммунистов. В августе и октябре 1947 г. прошли забастовки на юге, в районах добычи угля, что оставило страну без топлива в холодные месяцы чилийской зимы и весны. Профсоюз угольщиков возглавляли коммунисты. Только личная поездка президента в бастовавшие районы в ноябре 1947 г. и поддержка правительства социалистами позволила погасить этот конфликт. Однако, как только успокоились угольщики, началась забастовка на крупнейшем медном руднике страны Чукикамата. Г. Гонсалес Видела объя-

¹ См.: *Collier S., Sater W.F. History of Chile. 1808—1994. P. 248.*

вил осадное положение, повсюду арестовывались профсоюзные активисты и коммунисты и ссылались в удаленные районы страны.

В обстановке нараставшей волны забастовок был создан кабинет «национальной концентрации», в который вошли правые радикалы, социалисты, либералы, консерваторы, демократы и военные. В октябре 1947 г., воспользовавшись инцидентом с обстрелом посольства СССР в Сантьяго, Г. Гонсалес Видела разорвал дипломатические отношения с Москвой. В январе 1948 г. президент внес на рассмотрение парламента закон «о защите демократии», который ставил вне закона деятельность компартии. Конгресс принял его, и с 3 сентября он вступил в силу. Компартия перешла на нелегальное положение. Члены КПЧ лишались гражданских прав, они не могли занимать общественные посты, работать в государственном аппарате. Все коммунисты, а их было более 20 тыс. человек, были лишены права голоса, их вычеркивали из избирательных списков. Многие руководители и активисты партии были арестованы, для них на пустынном севере Чили, в Писагуа, были созданы концлагеря. Видные общественные деятели, входившие в КПЧ, были вынуждены скрываться.

Хотя репрессии не носили массового характера и не были столь систематичны и жестоки, как в период правления Пиночета, после десятилетий относительного парламентского благополучия в стране это стало шоком для чилийского общества. Так, например, всемирно известный поэт и бывший председатель избирательного штаба действующего президента, будущий лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда был исключен из Сената и скрывался от полиции. Г. Гонсалес Видела, как он сам вспоминал годы спустя, дал приказ полицейским: «Ищите его, но не вздумайте поймать!» П. Неруда написал новую поэму про Г. Гонсалеса Виделу «Предатель». Поэтический рассказ П. Неруды о страданиях коммунистов в эти годы был единственным, что осталось в истории и памяти чилийцев от деятельности Г. Гонсалеса Виделы¹. Кстати, под именем «предатель» Г. Гонсалес Видела остался в устном предании, а «закон о защите демократии» сразу был прозван в народе «проклятым законом».

Одновременно с репрессиями против коммунистов правительство жестоко подавляло выступления профсоюзов. Забастовки государственных служащих были запрещены, установлен

¹ См.: *Collier S., Sater W.F. History of Chile. 1808—1994. P. 249.*

полицейский контроль над деятельностью профсоюзов. Однако вслед за очевидным спадом после запрета компартии и разгрома профсоюзов в начале 1950-х гг. рабочее движение начало постепенное восстановление своих позиций. КПЧ не исчезла, а порой даже оказывала вооруженное сопротивление полиции, как это произошло в июне 1949 г. на митинге коммунистов в Театре Кауполикан, закончившемся перестрелкой с карабинерами. Еще более серьезный эпизод произошел два месяца спустя, когда в Сантьяго прошли демонстрации протеста и массовые беспорядки студентов, возмущенных повышением платы за проезд в общественном транспорте. Коммунисты планировали развить эту вспышку протеста, превратив ее во всеобщее городское восстание по примеру «боготасо» 1948 г. (восстания в столице Колумбии Боготе после убийства народного вождя Э. Гаэтано). Однако правительству удалось без труда подавить эти антиправительственные выступления.

Закон «о защите демократии» привел к новому внутреннему кризису в Соцпартии. Левая группа во главе с Раулем Ампуэро вышла из нее и создала Народно-социалистическую партию (ПСП), за которой пошло большинство членов низовых организаций. Старое название партии осталось за ее проправительственным руководством. Однако это был штаб без армии, быстро терявший какое-либо влияние в обществе. Впоследствии на основе ПСП была возрождена соцпартия, выразившая солидарность с КПЧ. Под флагом «народных социалистов» коммунисты получили возможность участвовать в выборах. В 1949 г. социалисты вместе с подпольной компартией получили 9 % голосов на выборах в Конгресс.

Изгнав коммунистов из правительства, Г. Гонсалес Видела сделал ставку на улучшение экономического положения в стране. Главными проблемами Чили в тот момент оставалась финансовая нестабильность и рост цен. Для их решения был назначен министром финансов Хорхе Алессандри, сын бывшего президента Артуро Алессандри. Либерал и технократ, Х. Алессандри пытался действовать ортодоксальными монетарными инструментами: он объявил о проведении политики жесткой экономии. Когда в начале 1950 г. стало ясно, что затягивание ремней не приносит ожидаемых плодов, правительство декретировало замораживание цен и зарплат, что вызвало резкий протест профсоюзов. Зарплаты оставались низкими, возник дефицит товаров и черный рынок. К протестам профсоюзов присоединились даже банковские служащие, находившиеся на высших эта-

жах социальной пирамиды наемных работников. Поддержка правительства радикалов населением испарилась буквально на глазах.

В феврале 1950 г. президент сформировал новый кабинет министров в составе радикалов, демократов, социал-христиан¹ и фаланги. Лозунгом нового правительства была объявлена «социальная чуткость». Единственным крупным демократическим достижением этого последнего правительства радикалов было предоставление в 1949 г. всей полноты избирательных прав женщинам. В грядущих президентских выборах 1952 г. женщины Чили должны были сказать решительное слово.

¹ Социал-христианская партия во главе с Э. Крус Коке откололась от консерваторов, в 1957 г. слилась с Фалангой, образовав вместе с ней Христианско-демократическую партию (ХДП).

«ГЕНЕРАЛ НАДЕЖДЫ» И ТЕХНОКРАТЫ. ЧИЛИ В 50-е гг. XX в.

Социальная структура Чили 1950-х гг. представляла собой подобие пирамиды: около 10 % населения страны принадлежало к высшему классу, 15 % к городским средним слоям, включавшим служащих, специалистов, офицеров, мелких и средних предпринимателей и торговцев. Остальные 75 % населения составляли бедные слои, в том числе практически все сельское население¹. В то же время в Чили в период ускоренной индустриализации наблюдался быстрый рост рабочего класса, чилийские шахтеры и трудящиеся промышленности по уровню участия в профсоюзах были на одном из первых мест в западном мире. Чилийские квалифицированные рабочие имели доступ к образованию, медицине и другим социальным благам, часто предоставляемым предприятиями, таким образом, они не принадлежали к самым незащищенным социальным группам.

Экономические успехи Чили в 1940-х — начале 1950-х гг. привели к росту национального дохода на 40 %. Несмотря на левоцентристский характер правительств, этот экономический рост не привел к сближению уровней дохода различных слоев общества. Напротив, этот разрыв увеличился: доходы высших слоев возросли на 60 %, среднего класса — на 46 %, в то время как доходы трудящихся увеличились всего на 7 %. Несбывшиеся ожидания, а также растущая инфляция привели в начале 50-х гг. к усилению социального недовольства и росту забастовочного движения в стране.

14 лет нахождения у власти радикалов продемонстрировали истощение внутренних ресурсов как чилийского радикализма, так и традиционных партий страны в целом, их политики союзов. Радикалы, консерваторы, фаланга и демократы в 1952 г. выдвинули единого кандидата Педро Энрике Альфонсо. Главным

¹ См.: *Arellano J.P. Políticas públicas y desarrollo 1924—1984. Santiago, 1985. P. 125.*

его соперником был никогда не оставлявший мечту вернуться в президентский дворец бывший диктатор, генерал Карлос Ибаньес дель Кампо. К. Ибаньес вернулся в политическую жизнь страны в 1951 г., когда он выиграл выборы в Сенат от Аграрно-лабористской партии.

В Латинской Америке в эти годы чрезвычайно популярной была перонистская Аргентина, которая стремилась представить себя третьей мировой силой наряду с СССР и США. Перонизм, или хустисиализм¹, в те годы многим представлялся третьим вариантом развития, отличным от капитализма и социализма. В Чили было немало симпатизировавших Перону, и этим решил воспользоваться К. Ибаньес. Особую роль в предвыборной кампании 1952 г. сыграла харизматическая, яркая деятельница Мария де Ла Крус Толедо, повсюду заявлявшая, что доктрина К. Ибаньеса — это чилийский хустисиализм. Через нее, а также и напрямую перонистское правительство Аргентины финансировало избирательную кампанию К. Ибаньеса.

В 1951 г. на съезде в Чильяне Аграрно-лабористская партия официально выдвинула кандидатуру К. Ибаньеса на пост президента. Лозунгами генерала были борьба с олигархией, поддержка рабочих организаций, начало аграрной реформы. Он обещал бороться с коррупцией и политиканством, выбрав своим символом метлу, которой обещал вымести из страны разложившихся и продажных политиков. К. Ибаньес обещал отменить закон «о защите демократии» и легализовать компартию. Первое в истории страны участие женщин в выборах президента сыграло не последнюю роль в успехе Ибаньеса. На его сторонников большое влияние оказывали бесспорная харизма генерала и зажигательные речи Марии де Ла Крус, а также разочарование народа в традиционных политических партиях, что, в конечном счете, принесло победу бывшему чилийскому диктатору.

Помимо Аграрно-лабористской партии К. Ибаньеса поддерживали «народные социалисты» и демократы, опиравшиеся на широкое и аморфное народное движение в поддержку бывшего диктатора. Между тем, немногочисленная соцпартия, из которой накануне было изгнано правое крыло, вместе с коммунистами, все еще находившимися в подполье, создала небольшую

¹ Хустисиализм (от испанского Justicia — справедливость) — национал-реформистская доктрина национального освобождения, предполагавшая интеграцию в государственную структуру рабочих профсоюзов, активное участие государства в экономическом развитии, классовое сотрудничество и фактически однопартийность.

коалицию «Фронт народа». Их кандидатом стал сенатор-социалист Сальвадор Альенде, которому удалось набрать лишь 5,5 % голосов.

Правые Либеральная и Консервативная партии выдвинули кандидатуру алессандриста, бывшего министра в правительстве Х.А. Риоса, Артуро Матте, который со своими 27,8 % голосов занял второе место в выборной гонке. Правительственный кандидат радикал Педро Альфонсо получил лишь 19,9 %, что было крупным поражением Радикальной партии, правившей в Чили в течение 14 лет. Конгресс утвердил победу К. Ибаньеса, который второй раз стал президентом страны.

Придя к власти путем свободного волеизъявления народа, К. Ибаньес должен был искать поддержку в гражданском обществе, среди политических партий и организаций. В свой первый кабинет он пригласил социалистов. В первый год его правления, в 1953 г. более 30 объединений чилийских профсоюзов создали Единый профцентр трудящихся Чили (КУТ). К. Ибаньес пытался проводить популистскую политику, подражая аргентинскому президенту Х.Д. Перону. В феврале 1953 г. аргентинский президент посетил Чили и сразу завоевал симпатии широких народных масс благодаря своему красноречию и ярким личным качествам. Х.Д. Перон вынашивал планы создания блока латиноамериканских стран, где у власти находились националистические правительства, сходные с аргентинским. Национал-реформистские режимы Веласко Ибарра в Эквадоре, В. Пас Эстенсоро в Боливии, Жетулио Варгаса в Бразилии должны были составить основу этого блока. Чили при новом президенте дополняла этот геополитический процесс. К. Ибаньес поддерживал проект Перона. Впервые в истории чилийский президент посетил идеологически близкую Боливию, где в апреле 1952 г. победила Национальная революция, были проведены национализация горнорудной промышленности и аграрная реформа. В подражание Перону в 1955 г. К. Ибаньес создал в президентском дворце особый «рабочий» департамент, целью которого была координация деятельности профсоюзов и правительства¹.

Популистские попытки правительства К. Ибаньеса удовлетворить социальные требования трудящихся привели к всплеску инфляции. Уже в 1954 г. НСП перешла в оппозицию, началась борьба среди националистических и корпоративистских группировок за влияние на президента. С 1955 г. главной силой правительственной коалиции стала Аграрно-лабористская партия.

¹ См.: НАНР. No. 1 Febr. 1967. P. 44.

В годы правления К. Ибаньеса в Чили начали проявляться первые симптомы кризиса экономической модели, основанной на импортозамещающей индустриализации. Постоянные колебания К. Ибаньеса, склонявшегося к поддержке то профсоюзов, то предпринимателей, отсутствие у него собственной социально-экономической программы дискредитировали его правительство. Завершение правления генерала К. Ибаньеса стало окончательным провалом популистской альтернативы в Чили. Непоследовательная политика К. Ибаньеса, поддержавшего создание единого профцентра КУТ и легализацию компартии, а затем применившего силу для подавления забастовок и демонстраций трудящихся, привела к росту народного недовольства и разочарованию народных масс в президенте-популисте, что способствовало усилению влияния левых в Чили в 1950-е гг., сохранивших свой контроль над профсоюзным движением.

Социалистическая партия в 1954 г. отошла от поддержки К. Ибаньеса и в 1956 г. объединилась с недавно вышедшими из подполья коммунистами в новую левую коалицию — Фронт Народного Действия (ФРАП). После XX съезда КПСС чилийская компартия сделала своим основным лозунгом переход к социализму мирным путем, что было зафиксировано в феврале 1956 г. на X съезде КПЧ. Генеральный секретарь КПЧ Гало Гонсалес говорил на съезде: «Наша партия ставит перед собой конкретную задачу объединения большинства нации — от рабочего класса до национальной буржуазии — в целях освобождения страны от империалистических и полуфеодальных пут»¹. Идея мирной революции отвечала давним традициям чилийской политической культуры, таким, как многопартийность, стабильность, толерантность, а также многолетнему опыту борьбы компартии. В новой коалиции социалисты предстали обновленной и вновь набиравшей силу партией. В июле 1957 г. СПЧ провела объединительный съезд, определивший программную задачу партии как мирное завоевание власти, построение социализма в условиях демократии и установление в Чили Демократической республики трудящихся².

Ослабление чилийского радикализма размывало политический центр, но образовавшееся пространство довольно быстро заняла Христианско-демократическая партия Чили (ХДП), созданная в 1957 г. Быстрому росту ее влияния в 60-х гг. способствовал провал популистского эксперимента К. Ибаньеса. В отли-

¹ Цит. по: Очерки истории Чили. М., 1967. С. 421.

² См.: *Jobet J. C. El partido socialista de Chile*. V. 1. P. 57—58.

чие от радикалов, принадлежавших к светскому направлению общественной мысли, ХДП представляла собой католическое течение. Прообразом этой партии стала Национальная фаланга, созданная в 1938 г. отколовшейся от Консервативной партии Чили ее молодежной организацией. Национальная фаланга существовала в Чили до середины 1950-х гг. скорее как течение общественной мысли, нежели партийно-политическая организация, но под ее влиянием видные деятели католического направления включились в дебаты о дальнейших путях развития страны и общества, предлагая свои альтернативные проекты. В рядах фаланги, а позднее ХДП были представлены в основном средние слои, среди них многочисленные иммигранты-католики, а также выходцы из олигархических семейств Чили, что позволило традиционной чилийской политической элите остаться у власти в новом качестве и быть представленной почти во всем политическом спектре страны. Благодаря гибкости чилийской многопартийной политической системы молодые социал-христианские лидеры получили свой первый опыт участия во власти при радикалах, в том числе в постоянно меняющихся кабинетах в последние годы правления Г. Гонсалеса Виделы¹.

В то же время традиционные Консервативная и Либеральная партии продолжали терять свои позиции, что привело чилийских правых к поиску каналов своего представительства в предпринимательских организациях, таких, как Организация содействия промышленному развитию (СОФОФА), Национальная организация сельских производителей (СНА), Конфедерация производства и торговли (СПС), Торговая палата Сантьяго, в профессиональных ассоциациях (коллегия инженеров), а также СМИ — газета «Меркурио», особенно ее экономический отдел, журнал «Эстансия» и другие.

В 1955 г. в Чили прибыла так называемая миссия Клейна-Сакса из частной консультационной американской компании, которую пригласило чилийское правительство для анализа экономического положения в стране. Изучив ситуацию в Чили, американская миссия рекомендовала ограничить роль государства в экономике, укреплять частный сектор, отказаться от поддержания дефицитных предприятий и вернуться к экспортной модели². В 1950-х гг. эти идеи еще казались еретическими даже

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 189.

² См.: *Correa S. Algunos antecedentes históricos del proyecto neoliberal en Chile. // Opciones*. № 6. Santiago, 1985. P. 21.

в самих США, и не удивительно, что они были отвергнуты правительством К. Ибаньеса. Вместе с тем работа миссии не осталась незамеченной, ее идеи были с энтузиазмом восприняты частью чилийских промышленников-технократов, чьим рупором была крупнейшая и влиятельная правая газета страны «Меркурио». Вскоре начался академический обмен студентами и преподавателями экономических факультетов чилийского Католического университета и университета Чикаго, одного из немногих в США, где господствовали идеи Милтона Фридмана. Так было положено начало развитию неолиберальной доктрины в Чили и формированию будущих «чикагских мальчиков», вставших у руля чилийской экономики в период диктатуры Пиночета.

Миссия Клейна-Сакса привела к внутреннему конфликту в правительстве, что усиливало политическую нестабильность и постоянные шараханья президента справа налево. Борьба в кабинете разгорелась между министром экономики Хуаном Россети, предлагавшем политику строгой экономии, и министром внутренних дел Гильермо Педрегалем, который выступил за расширение программы общественных работ, что могло спровоцировать очередной виток инфляции. Рост цен, экономические неурядицы на фоне правительства, погрязшего во внутренних распрях, спровоцировали новые забастовки и беспорядки.

Вспыхнувшая в 1954 г. забастовка на медедобывающих предприятиях распространилась на всю страну. Президент объявил осадное положение сначала на севере Чили, затем в городах Сантьяго и Вальпараисо. Генерал стал действовать, как и в годы своего первого президентства: установил цензуру, арестовывал политических противников. Однако Конгресс не только не утвердил декрет об осадном положении, но и вовсе отменил действие всех других распоряжений президента.

Испытывая сложности на политическом поле, К. Ибаньес обратился к военным, среди которых у него было немало сторонников. В армии его последователи создали тайную организацию «Линеа Ректа» (Прямая линия). В феврале 1955 г. президент пригласил некоторых офицеров (в основном полковников, уже предложенных на генеральское повышение) на частную беседу в Ла-Монеду. Полковники высказали ему свои пожелания: уволить из армии некоторых старых генералов, предоставить президенту диктаторские полномочия, восстановить экономический порядок и избавить Чили от коммунизма. К. Ибаньес не поддержал полностью офицеров, но и не отмежевался от их движения, что привело в ярость армейскую верхушку. Часть генера-

лов в знак протеста заявили о своих отставках, командование вооруженных сил потребовало наказания участников заговора, но К. Ибаньес отказался сделать это. Постепенно «заговор» военных приобрел в освещении чилийской прессы зловещие масштабы, хотя в реальности он не был значительным событием¹. Вскоре К. Ибаньес вынужден был уступить давлению армии, и полковников-заговорщиков привлекли к военному суду. Тайная ложа «Линеа ректа» была распущена, а ее члены подвергнуты дисциплинарным взысканиям.

Левые партии, поддерживавшие К. Ибаньеса на выборах 1952 г., окончательно отвернулись от него. К левому блоку ФРАП присоединилась Народно-социалистическая и Народно-демократическая партии, в то время как Аграрно-лабористская теряла своих членов и популярность. На выборах в Конгресс 1957 г. оппозиция К. Ибаньесу как справа, так и слева укрепила свои позиции. Радикалам удалось удвоить свое представительство в парламенте, также хорошие результаты получили Фаланга и консерваторы. Аграрно-лабористская партия потеряла половину своих депутатских мест. Теперь К. Ибаньесу пришлось править с оппозиционным Конгрессом, и последние месяцы его президентства прошли на фоне беспорядков и насилия.

Особое место заняли события 2 апреля 1957 г., когда на улицы Сантьяго вышли тысячи человек, протестовавших против повышения цен на общественный транспорт и топливо. Правительство, ссылаясь на рекомендации миссии Клейна-Сакса, повысило цены на бензин, который до того субсидировался бюджетом. Рабочие и студенческие организации призывали к протесту, который вылился в насилие, поджоги транспорта, хаос в столице. К. Ибаньес прибегнул к помощи армии в наведении порядка. В результате более 20 человек были убиты, арестовано множество видных оппозиционеров и простых манифестантов. Однако, подавляя народные выступления железной рукой, К. Ибаньес лишь способствовал росту популярности левых партий.

Президентская кампания 1958 г. показала растущую силу союза коммунистов и социалистов, поддержавшего лозунг КПЧ о «чилийском пути к социализму» через завоевание власти на выборах (стратегия, принятая КПЧ после XX съезда КПСС). Кандидатом ФРАП стал популярный в народе сенатор-социалист Сальвадор Альенде. Его программа предусматривала национализацию меди, налоговую и аграрную реформы, дальней-

¹ См.: *Correa Prieto L.* El presidente Ibanez. La política y los políticos. Apuntes para la historia. P. 193—199.

шую индустриализацию страны и искоренение бедности. Радикалы попытались привлечь на свою сторону левых, однако дискредитированная своими предыдущими правительствами партия не смогла создать коалиции ни с левыми, ни с правыми и была вынуждена выступить самостоятельно. Ее кандидатом был не имевший никаких шансов Луис Боссай. Быстро набирающая популярность ХДП также выдвинула собственного кандидата, сенатора, основателя фаланги Эдуардо Фрея.

Правые партии, либералы и консерваторы поддержали Хорхе Алессандри, который попытался предстать перед избирателем технократом и политически независимым кандидатом, далеким от политики и партийных дрызг. Он был министром финансов в 1947—1950 гг., и тогда его главным достижением стала победа над инфляцией, которая и в конце 50-х гг. продолжала оставаться самой актуальной проблемой Чили. Алессандри был образованным, честным, простым в общении человеком. Его популярность была очень высока.

Главная интрига выборов заключалась в том, что при противостоянии левых и правых центр не примкнул ни к одной из группировок. Политический центр Чили был представлен ХДП, еще не имевшей достаточной силы для самостоятельной победы, и радикалами, окончательно потерявшими всякий шанс на успех. Ситуация для левых осложнялась тем, что с крайне популистской, националистической и левацкой программой выступил самовыдвиженец, бывший священник Антонио Саморано, которого прозвали «поп из Катапулько». Ему удалось привлечь на свою сторону часть левых избирателей, что позволило Х. Алессандри выйти на первое место, получив 31,6 % голосов. За С. Альенде проголосовало 28,9 %. Разница между кандидатами составила всего 2,7 %, или 33 тыс. голосов. Таким образом, А. Саморано фактически отнял у С. Альенде голоса 41 тыс. потенциальных левых избирателей и тем самым помог Х. Алессандри стать президентом республики. Радикалы получили 15,6 %, а Э. Фрей — 20,7 %, что свидетельствовало о преобладании в Чили политического центра, который из «радикального» становился демохристианским.

Результаты выборов продемонстрировали дальнейшую политическую поляризацию чилийского общества и его очевидный сдвиг влево. Особенностью президентских выборов 1958 г. стал раздел политических симпатий в стране на три примерно равные части голосовавших за правые партии, центр и левых. Политиче-

ский успех левых или правых в этих условиях напрямую зависел от колебаний центра, представленного ХДП и радикалами¹.

Кабинет Х. Алессандри получил прозвище «правительство управляющих», ибо провозгласил необходимость первоочередного решения экономических проблем страны. Х. Алессандри стремился обеспечить развитие Чили поощрением крупного капитала и привлечением иностранных займов, что способствовало промышленному росту, но не решало стратегических проблем. Первый год его правления был относительно успешным: валютные запасы страны выросли на 500 %, иностранные кредиты — на 300 %, снизилась безработица, а инфляция держалась на уровне всего 3 %. Тем не менее полученных ресурсов оказалось недостаточно для обеспечения капитализации чилийской экономики. Внешняя задолженность страны выросла, и в итоге политика Х. Алессандри не привела к значительному экономическому росту². Радикалы и прочие сторонники государственного регулирования и продолжения импортозамещающей индустриализации заняли крайне критическую позицию по отношению к правительству Х. Алессандри. На парламентских выборах 1961 г. правые партии, на которые опирался Х. Алессандри, получили менее одной трети голосов. Это лишило президента парламентской опоры и заставило его искать поддержки центристов, что означало сворачивание курса на либерализацию экономики.

Между тем успехи первого этапа импортозамещающей индустриализации сменились нарастающими проблемами, особенно явно обозначившимися к концу 1950-х — началу 1960-х гг. Главным источником валюты продолжала оставаться горнодобывающая промышленность, с той разницей, что место селитры после Второй мировой войны заняла медь, основные месторождения которой находились в руках американских компаний. Используя конъюнктуру, сложившуюся в годы холодной войны, США под лозунгом своих стратегических нужд поддерживали «договорные» цены на чилийскую медь на уровне гораздо ниже мировых. Правительство Чили попыталось разрешить эту проблему установлением высоких налоговых пошлин на продукцию медных корпораций. С тех пор высокие налоги на медь стали основным источником поступлений в госбюджет, от них зависело и даль-

¹ Эта ситуация, получившая в чилийской историографии название «равновесия трех третей», сохранялась в Чили до 1973 г.

² См.: *Arancibia P. Jorge Alessandri. 1896—1986. Una biografía.* Santiago, 1996. P. 122.

нейшее развитие индустриализации. Поэтому колебания международных цен на медь сразу же отражались на способности Чили закупать за границей промышленное оборудование.

Наиболее ощутимой для населения экономической проблемой Чили в 1950-е гг. стала инфляция. На ее рост повлияли различные факторы, среди них проводившаяся кейнсианская политика стимулирования потребления, рост государственных расходов как в производственной, так и в социальной сферах, а также постоянное создание новых рабочих мест в госсекторе при нестабильности доходов госбюджета. В 1936—1940 гг. ежегодный рост инфляции в среднем составлял 8 %, в следующее пятилетие — 16 %, в 1946—1950 гг. он превысил 20 %, продолжая увеличиваться¹. В Чили резко выросла внешняя задолженность (в 5 раз за 1952—1958 гг.), а ввоз в страну капиталов и технологий усугублял зависимость страны от экспорта сырья. Все это тормозило развитие промышленности и, в конечном счете, привело к истощению возможностей импортозамещающей индустриализации.

Другой проблемой, обострившейся в 1950-е гг., был аграрный вопрос. Чилийское сельское хозяйство было неспособно удовлетворить нужды страны в области ее обеспечения продовольствием. Ежегодное увеличение сельскохозяйственного производства примерно на 1,7 % в 1950-е гг. отставало от прироста населения (1,8 % в год), в то время как промышленный рост в этот период составлял в среднем 7 % в год². Еще в 1942 г. Чили начала импортировать продовольствие, тратя на это валюту, столь необходимую для завершения индустриализации страны.

В 1962 г. в Чили был принят первый закон об аграрной реформе, который предусматривал экспроприацию необрабатываемых, заброшенных и плохо обрабатываемых земель. Принятием этого закона правые надеялись, с одной стороны, удовлетворить интересы традиционной олигархии, опоры правых партий, а с другой — ответить требованиям американской программы «Союз ради прогресса». Из всех земель, разделенных между крестьянами в период правительства Х. Алессандри, 70 % являлись государственной собственностью и лишь 30 % составили частные угодья, проданные их хозяевами государству для этой цели. Поэтому осуществление закона практически не затронуло помещичье землевладение и привело к усилению движения за

¹ См.: *Munoz O.* Chile y su industrialización. Santiago, 1986. P. 48.

² См.: *Huerta M. A.* Otro agro para Chile. La historia de la reforma agraria en el proceso social y político. Santiago, 1989. P. 120.

аграрную реформу в Чили. Ускорение темпов миграции из села в город в 1950-е гг. не позволяло развивавшейся промышленно-сти быстро трудоустраивать новых рабочих, что вело к обострению социальных проблем в городах, усиливало неравенство в доходах населения. Итоги экономического развития Чили к концу 50-х гг. оценивались в стране довольно пессимистически¹, а кризис модели импортозамещающей индустриализации заставил правительство задуматься о поисках альтернатив.

В 1958—1960 гг. правительство Х. Алессандри предприняло некоторые попытки либерализации экономики, отменив контроль КОРФО за внешней торговлей и ее монопольное право решать, на какие цели использовать валюту от экспорта. Однако эти шаги, а также некоторое увеличение иностранных инвестиций не улучшили ситуации в экономике. Проблемы нарастали, в последний год правления Х. Алессандри, 1964 г., рост инфляции в Чили достиг 50 %. В итоге правое правительство было вынуждено вернуться к прежней модели экономики и снова уповать на государство.

Победа кубинской революции в 1959 г. оказала огромное влияние на политическую ситуацию в Латинской Америке, и Чили не стала исключением. Однако в отличие от большинства стран региона, где в 1960-х гг. стали создаваться революционные движения, которые стремились повторить кубинский опыт партизанской войны, основные левые партии Чили, коммунисты и социалисты, остались верными своей стратегии мирного парламентского пути победы на выборах. В августе 1965 г. в г. Консепсьоне было создано Левое Революционное Движение (МИР), уповавшее на «кубинский путь» и вооруженную борьбу, но в целом эта стратегия не была поддержана другими левыми силами. Влияние Кубы на чилийский социализм было весьма значительным еще и потому, что речь шла не только о путях революции в Латинской Америке, важна была сама идея о вступлении континента в революционную эпоху, таким образом, революция в Чили становилась реальной и возможной. Кубинский опыт вдохновлял и сторонников мирного «чилийского пути к социализму».

С другой стороны, центристские политические силы Чили, бывшие сторонниками социальных перемен, но противниками революции, понимали необходимость срочных действий, чтобы не допустить повторения в Чили кубинского опыта. Это понимали и в США, где администрация президента Дж. Кеннеди начала осуществление континентальной программы «Союз ради прогресса», целью которой было осуществление реформ во из-

¹ См.: *Pinto A. Chile: un caso de desarrollo frustrado*. Santiago, 1959. P. 151.

бежание революции. Высокий процент проголосовавших за левых в Чили на президентских выборах 1958 г. вызвал беспокойство американской администрации, и ее взоры обратились к чилийским христианским демократам, в которых виделась альтернатива приходу к власти левых сил.

В 1962 г. Конгресс принял закон об избирательной реформе, который упрощал регистрацию избирателей. Этот акт подводил итог действия многочисленных законопроектов, принимавшихся с 1957 г. с целью демократизации избирательной системы. Благодаря новым правилам число чилийцев, имевших право голоса с 1958 по 1962 г. возросло с 1 156 576 до 2 915 114, что было гигантским увеличением электората. Успехи индустриализации и структурный кризис в сельском хозяйстве, общие явления для всех стран региона, породили массовую миграцию сельского населения в города. Новые горожане привносили обычаи и психологию деревни, кроме того, городская инфраструктура не была способна полностью абсорбировать этих людей, выталкивая их в зону маргинальных кварталов, которыми обрастали все крупные латиноамериканские города. Большинство новых чилийских избирателей принадлежали к бедным и беднейшим слоям населения, часто проживали в маргинальных поселках, спутниках больших городов. Это стало вызовом для всех партий, в том числе и для левых, традиционно сориентированных на промышленных рабочих и городских служащих. Новые избиратели оказались вне влияния традиционных партий. Зато новые партии, с новыми идеями находили отклик у этих людей.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Чили наблюдался головокружительный рост влияния ХДП. На парламентских выборах 1957 г. она получила 9,4 % голосов, а в 1961 г. — уже 15,4 %, на муниципальных выборах 1963 г. — 22,8 %, а на парламентских выборах 1965 г. — 42,3 %¹. За ХДП голосовали католики, ранее отдававшие свои голоса консерваторам. Партия пользовалась поддержкой чилийской католической церкви, находившейся в тот период под влиянием идей второго Ватиканского собора, который провозгласил приоритетом в деятельности церкви социальные задачи². Идеи французов Ж. Маритэна, Э. Муньера, левокатолического журнала «Esprit», бельгийского мыслителя и

¹ См.: Fleet M. The Rise and Fall of Chilean Christian Democracy. Princeton, 1985. P. 69.

² Первый вселенский собор католических епископов в XX в., созван папой Иоанном XXIII, состоялся в 1962—1965 гг.

доминиканского священника Ж.П. Лебре оказали огромное влияние на чилийскую интеллигенцию. На лидера ХДП Э. Фрея произвели большое впечатление лекции Ж. Маритэна, которые он посещал в Париже. Философия Ж. Маритэна, идеи социальной справедливости были тесно связаны с развитием демократии и Евангельским призывом к взаимопомощи и милости к ближним.

В конце 1950-х Орден иезуитов прислал в Чили известного бельгийского иезуита и социал-христианского мыслителя Роже Векеманса для поддержки ХДП в борьбе с коммунизмом. Э. Фрей и многие другие демохристианские лидеры учились в иезуитских школах, были лично и интеллектуально связаны с иезуитами, что обеспечило быстрый успех миссии Р. Векеманса. Иезуиты активно работали над планами противодействия левым марксистским силам в Чили, они так же, как и левые говорили о модернизации и социализме. Альтернативой левым могли стать только христианские демократы. В 1962 г. чилийский епископат поручил Р. Векемансу и сподвижнику Э. Фрея Ренато Поблете подготовить «пасторское послание» в поддержку ХДП. Во время президентской предвыборной кампании 1964 г. ХДП распространяла тысячи копий этого послания, призывавшего верующих противостоять марксистскому наступлению.

Чилийская христианская демократия вышла на политическую арену страны с программой «революции в условиях свободы», представ перед избирателем альтернативой как капитализму, так и коммунизму. В программе ХДП говорилось о построении в Чили «коммунитарного общества» как миссии партии, в ней звучало христианское обращение к человеку как личности, а не просто потребителю или производителю¹. Эти лозунги отвечали и общей религиозности чилийского народа, и тогдашним ожиданиям общества. ХДП смогла уловить умонастроения многих социальных слоев, особенно недавно перебравшихся в города крестьян, женщин, среднего класса, а также части молодого поколения традиционной элиты.

На президентских выборах в Чили в 1964 г. ХДП пользовалась решающей поддержкой США. В расследовании американского сената «Тайная деятельность ЦРУ в Чили. 1963—1973», известном как доклад комиссии Черча, приведены следующие цифры: в 1963—1964 гг. США потратили в Чили около 4 млн долл. на различные акции, целью которых было избежать победы

¹ См.: *Castillo J. Las Fuentes de la Democracia Cristiana. Santiago, 1963. P. 87.*

С. Альенде на президентских выборах¹. Чтобы оценить масштабы этих трат, стоит напомнить, что душевой доход в Чили в то время составлял около 400 долл. в год.

Сенатская комиссия США констатировала: «свыше половины затрат на проведение кампании по избранию кандидата христианских демократов было оплачено Соединенными Штатами... Помимо этой финансовой поддержки ЦРУ развернуло активную антикоммунистическую пропагандистскую кампанию. Широко использовались печать, радио, фильмы, брошюры, плакаты, листовки, прямые рассылки по почте, транспаранты и надписи на стенах. Это была «кампания запугивания», в ходе которой рисовались картины вторжения советских танков и кубинских пехотных частей, нацеленная в первую очередь на женщин. Организация христианских демократов распространила сотни тысяч экземпляров антикоммунистического пасторского послания папы Пия XI... Использовалась дезинформация и «черная пропаганда» — материалы, исходившие якобы от Коммунистической партии Чили. В течение первой недели интенсивной пропагандистской деятельности финансируемая ЦРУ группа готовила по двадцать радиопередач в день в Сантьяго и по сорок четыре для провинциальных радиостанций; 12-минутные передачи новостей пять раз в день по трем радиостанциям Сантьяго и двадцати четырем провинциальным каналам; тысячи карикатур, множество платных объявлений в печати... Пропагандистская кампания велась и на международной арене. ЦРУ проводило политические акции независимо от кампании христианских демократов среди различных избирателей, в том числе для обитателей трущоб, крестьян, организованных рабочих и диссидентов-социалистов»².

Впервые в истории Чили президентские выборы стали ареной прямой идеологической конфронтации, политической битвой холодной войны, где США оказали столь мощную поддержку своим ставленникам. Впервые во время президентской кампании в Чили демохристианский кандидат использовал современные избирательные технологии, подготовленные с помощью американских экспертов. Финансирование СССР Коммунистической партии Чили в то время не превышало 200 тыс. долл. в

¹ См.: Archivos secretos. Documentos desclasificados de la CIA. Santiago, 1999. P. 171.

² Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца. М., 1979. С. 36—37.

год¹. Этих денег хватало на содержание партийного аппарата и неотложные нужды компартии, но они не могли повлиять на исход президентских выборов.

Однако было бы упрощением считать, что вся кампания Э. Фрея была построена на антикоммунизме и выиграна благодаря этому, она несла в себе большой положительный заряд — идея «революции в условиях свободы» пробудила энтузиазм в самых широких слоях чилийского общества, особенно среди молодежи.

Э. Фрей организовал свою предвыборную кампанию под лозунгом создания «Молодой родины», что вызывало ассоциации с первыми годами войны за независимость Чили, называемыми в чилийской исторической традиции «новая родина», а также подчеркивало особое внимание ХДП к молодежи. В июне 1964 г. демохристиане организовали грандиозное народное шествие «Марш Молодой родины». Тысячи людей из различных районов страны пешком, на автобусах прибыли в столицу, где перед 300 тыс. человек, собравшихся в парке Коузиньо (ныне парк О'Хиггинса), Э. Фрей провозгласил: «Вы и есть родина! Да, друзья мои, именно Вы. Вы — родина во благодарение Господу!»² ХДП делала все, чтобы предстать перед избирателем подлинно народной партией, представлявшей всех обездоленных чилийцев.

По мере радикализации ХДП в ее лексиконе стали преобладать антикапиталистические лозунги и призывы к социальной революции. ФРАП и его кандидат С. Альенде, напротив, делали все возможное, чтобы успокоить правых. В первую очередь, ФРАП стремился заполучить голоса радикалов, и даже предложил их лидеру Хулио Дурану пост вице-президента. Этого поста при дееспособном президенте в Чили не было, и левые предлагали внести соответствующую поправку в конституцию. Учитывая сильный религиозный компонент в пропаганде ХДП и традиционную светскую и даже антиклерикальную направленность идеологии КПЧ, СПЧ и радикалов, левые также попытались привлечь на свою сторону массу верующих. Было создано «Католическое альендистское движение», целью которого была мобилизация верующих во имя победы левых, что не имело особого успеха. В то же время С. Альенде удалось привлечь на свою

¹ См.: История Латинской Америки. Вторая половина XX в. М., 2004. С. 191—192.

² *Correa S. Historia del siglo XX chileno. P. 243.*

сторону часть либералов антиклерикалов во главе с бывшим сенатором Грегорио Амунатеги.

Компартия следовала своим традициям парламентской политической борьбы и стратегии мирного завоевания власти. Надо признать, что вся история КПЧ является ярким образцом приспособления ею менявшихся установок Коминтерна к своей традиционной стратегии мирной политической борьбы, что вызывало шквал критики со стороны более радикальных социалистов. Даже в первые годы своего существования и принятия на словах тактики «класс против класса», КПЧ и Л.Э. Рекабаррен боролись внутри профсоюзов против революционных методов борьбы, которые им навязывали анархо-синдикалисты, принимая при этом участие в выборах в составе полностью буржуазного Либерального альянса.

Изменения в коммунистическом движении после XX съезда КПСС как нельзя лучше совпадали с излюбленной стратегией чилийских коммунистов. Еще до этого съезда, в период подполья и суровых репрессий в 1948 г. из КПЧ была изгнана группа Рейносо, предлагавшая партии перейти к вооруженной борьбе. У чилийских коммунистов идеология всегда была на службе тактики, для оправдания которой всегда находилась нужная цитата или марксистское положение. КПЧ делала ставку на союз со всеми возможными партиями, в том числе и классово чуждыми. Так было во время Народного фронта, так было и в 1960—1970-е гг. Эта политическая гибкость полностью отвечала чилийским традициям и настроениям большинства населения, что обеспечивало компартии постоянную широкую поддержку избирателей.

Социалисты в этот период были разделены на три противостоящих друг другу течения. «Ленинисты», занимавшие центристское положение в партии, исповедовали теорию пролетарской революции и классовой борьбы, рассматривая профсоюзы как главный инструмент классового воспитания и организации революции. Крайний левый фланг занимали так называемые «кастристы» (по имени лидера кубинской революции Фиделя Кастро), призывавшие к вооруженной борьбе и открытой конфронтации с политической системой. Они группировались вокруг главного теоретического органа СПЧ «Кларин», возглавляемого сенатором Карлосом Альтамирано, ставшего впоследствии генеральным секретарем партии. Самые близкие к коммунистам позиции занимало умеренное крыло социалистов, лидером которых был С. Альенде. Во время предвыборной кампании 1964 г. доминировали идеи именно этой фракции, в то время как в профсоюзах со-

циалисты выступали с ультрареволюционной риторикой, давая серьезный повод своим противникам обвинять левых в подготовке еще одной кубинской революции на континенте.

В рабочем движении росло влияние левых партий, социалистов и коммунистов. Если в 1953 г. число голосовавших за представителей этих партий в профсоюзах составляло 46 % их членов, то в 1965 г. — уже 75 %. Особенно сильными были коммунисты и социалисты в крупнейших профсоюзах угольщиков, в меднорудной промышленности, на крупных фабриках, среди строительных рабочих, портовиков, а также учителей. Практически полный контроль марксистских партий над профсоюзами делал их опасным политическим соперником.

Система «равновесия трех третей» чилийской политической системы серьезно пошатнулась на выборах 1964 г., когда правые партии основательно потеряли свои позиции. В марте 1964 г. накануне президентской кампании в сельском округе Курико, где правые были традиционно сильны, состоялись дополнительные парламентские выборы в связи со смертью действующего депутата. Правые, уверенные в своей победе, надеялись придать этим выборам характер общенационального плебисцита накануне президентских. Созданный в октябре 1961 г. Демократический фронт в составе радикалов, либералов и позднее присоединившихся к ним консерваторов, выдвинул кандидатом по этому округу Родольфо Рамиреса, связанного с местными землевладельцами и элитой района. Правые рассчитывали на его победу благодаря близости к представителям властей округа. ФРАП поддержал сына умершего депутата, врача О. Наранхо, известного своей благотворительной деятельностью и работой с бедняками. ХДП колебалась и де-факто поддержала левых.

Кандидат правых потерпел поражение в своем традиционном бастионе. После этого урока правые партии решили отказаться от выдвижения собственного кандидата на президентских выборах и поддержали Э. Фрея. По словам самого победившего в Курико депутата-социалиста, левые «получили одного депутата, но проиграли борьбу за президентское кресло». Таким образом, если в ситуации «трех третей» у левых был реальный шанс победить, при исчезновении одного из полюсов у избирателей осталась лишь альтернатива выбора между социалистом С. Альенде и кандидатом ХДП, поддержанным правыми. Программа Э. Фрея имела много общих пунктов с программой социалиста С. Альенде, но была умеренной и потому привлекла более широкие слои населения.

«РЕВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ СВОБОДЫ»

Э. Фрей получил на президентских выборах 1964 г. абсолютное большинство голосов — 54 %, а в Конгрессе ХДП имела 82 места, т. е. абсолютное большинство, что позволило новому президенту отказаться от поддержки правых партий и перейти к реализации реформ в интересах самых широких слоев населения. Кандидат левых партий С. Альенде получил 38,6 % голосов, таким образом, результаты выборов отразили дальнейший сдвиг чилийского общества влево. Это был максимальный результат, полученный коалицией коммунистов и социалистов, который им не удалось повторить даже в победный для них 1970 г. Чилийская христианская демократия одержала победу на выборах с помощью правых, после чего начала осуществлять широкую программу реформ, идущую вразрез с их интересами. По мере углубления преобразований росла поддержка ХДП средними и малоимущими слоями, и христианские демократы стали править в одиночку, отказавшись от традиционной для Чили политики союзов и коалиций.

Годы президентства Э. Фрея (1964—1970) стали серьезной попыткой чилийской христианской демократии решить стратегические проблемы развития страны реформистским путем. Приход к власти ХДП вызвал большой политический и эмоциональный подъем народных масс. В своем первом послании к Конгрессу в 1965 г. президент Э. Фрей говорил об этом настроении: «Это политическое движение начертало на своих знаменах самые дорогие сердцу народа надежды и ожидания, которые являются самым страстным для огромного большинства нашего народа стремлением. Этой надеждой являются перемены в условиях свободы, быстрые преобразования устаревших и несправедливых форм общественной жизни при условии защиты и сохранения подлинных ценностей, завоеванных нашим народом. Мы боремся за созидание без разрушения, за верность служения интересам Чили»¹.

¹ *Frei E. Mensaje presidencial. 1965. Santiago, 1965. P. 8.*

ХДП попыталась кардинально изменить экономическую политику, одновременно проводя радикальные социальные реформы. Политика замещения импорта истощивала себя, экономика страны развивалась неустойчиво. Программа экономических реформ ХДП предусматривала продолжение индустриализации Чили и расширение внутреннего рынка, ее ключевыми пунктами стали развитие медной промышленности и сельского хозяйства. Эта программа стала основой глубоких преобразований чилийского общества, провозглашенных Э. Фреем как «революция в условиях свободы».

В 1966 г. началось осуществление программы «чилизации» меди (выкуп контрольного пакета акций крупнейших медных предприятий у американских компаний), за счет реализации которой правительство Чили надеялось получить значительные доходы, необходимые для осуществления социальных программ христианской демократии. Помимо меди правительство обратило внимание на другие крупнейшие компании, ставшие монополистами на рынке. В результате переговоров чилийскому правительству удалось увеличить долю государства в чилийских предприятиях американских электрической и телефонной компаний. Правительство Э. Фрея намеревалось увеличить участие чилийского государства в медной промышленности, идя по пути создания смешанных предприятий с американскими компаниями и постепенного выкупа их акций. В 1964 г. 85 % производства чилийской меди находилось под контролем двух американских компаний, «Анаконды» и «Кеннекотта». Медь составляла 61 % чилийского экспорта¹. Компания «Кеннекотт», владевшая крупнейшим в Чили подземным рудником «Эль Теньенте», предложила свой план передачи 51 % акций в собственность чилийского правительства. Однако стоимость этих акций устанавливалась самими владельцами американской компании и была значительно выше рыночной. Кроме того, правительство Чили сроком на 20 лет снизило с 80 до 40 % налог на продажи для этих компаний, что значительно увеличило их прибыль. И наконец, административное управление предприятиями продолжало осуществляться американцами, что сводило к нулю результаты реформы.

«Анаконда К^о» не приняла участие в этом соглашении с правительством. Эта компания владела самыми крупными в мире открытыми рудниками Чукикамата и Эль-Сальвадор, представ-

¹ См.: *Muñoz O. Chile y su industrialización*. P. 56.

лявшими огромную ценность, особенно осознанную в период роста цен на медь, спровоцированного вьетнамской войной. Конгресс, включая левых христианских демократов, требовал от правительства включить «Анаконду К^о» в ту же схему «чилизации», а в случае сопротивления национализировать. Компания была вынуждена в 1969 г. принять эти условия, сходные с предложенными «Кеннекотту». Столь невыгодная для Чили ситуация вызвала бурю недовольства в стране, включая саму ХДП, в итоге на выборах 1970 г. ее кандидат Р. Томич включил требование национализации меди в свою программу.

Вторым важным пунктом «революции в условиях свободы» было осуществление аграрной реформы. С начала 1960-х гг. одним из главных тормозов развития чилийской экономики стало сельское хозяйство, где господствовала система латифундий, приводившая к низкой производительности труда и фактически исключавшая крестьян из внутреннего рынка, а землю из активного оборота капитала. Идея необходимости проведения аграрной реформы охватывала все более широкие слои общества — левые и центристские партии, просвещенную часть горожан, католическую церковь, движимую социальной доктриной, а также международные организации, работавшие в Чили — ЭКЛА (Экономическая Комиссия ООН для Латинской Америки) и ФАО (Организация ООН по вопросам продовольствия). В свою очередь, США в рамках программы «Союз ради прогресса» уязывали оказание финансовой помощи стране с реализацией аграрной реформы, стремясь не допустить социального взрыва в деревне.

В 1967 г. в Чили был принят новый закон об аграрной реформе, предусматривавший экспроприацию за выкуп помещичьих земель сверх лимита, эквивалентного по продуктивности 80 га орошаемых земель, а также неэффективных хозяйств. В ходе проведения аграрной реформы в 1965—1970 гг. было экспроприровано 1134 поместья общей площадью 3,4 млн гектаров. Тем самым был положен конец господству латифундий в чилийской деревне, но новые формы землевладения и землепользования были не вполне определены. После экспроприации земля не передавалась крестьянам в личную собственность, вместо этого создавались сельские кооперативы, так называемые «асентамьенто», где земля находилась в коллективном владении в соответствии с идеалами «коммунитарного социализма». Коммунисты поддержали этот эксперимент, в то время как правые

обвинили ХДП в реализации марксистских программ социализации деревни.

Аграрная реформа в Чили быстро принесла плоды. Несмотря на засуху 1968 г. рост продукции земледелия в 1965—1970 гг. составил около 5 % в год по сравнению с 2,3 % в предшествующее пятилетие. Продукция животноводства в 1965—1970 гг. росла ежегодно на 5,5 % (в предыдущее пятилетие — на 2 %)¹. Однако этого увеличения производительности чилийского сельского хозяйства было недостаточно для обеспечения страны продовольствием, его импорт продолжался. На экспроприированных землях было создано более 900 крестьянских асентамьенто, но лишь немногие из них превратились в успешные предприятия, большинство же сталкивалось с отсутствием опыта управления, нехваткой денег на закупку техники.

Аграрный кризис ускорил процесс миграции сельского населения в город, разрушил привычный крестьянский мир. Вчерашние инкилино искали себя в новых ролях членов кооперативов или сельских наемных рабочих, а традиционная сельская элита, латифундисты теряли экономическую опору, а вместе с ней и смысл собственного существования. Дети экспроприированных землевладельцев в 1960-е гг. были вынуждены искать новые источники доходов в сфере политики, предпринимательства, образования, составив конкуренцию средним слоям. Новое поколение традиционной элиты сохранило верность католическим убеждениям и впоследствии, став органичной частью новой власти при военном режиме, сделало католический консерватизм в духе Опус Деи одной из важнейших идеологических опор авторитарного режима.

Другой стороной аграрного кризиса и массовой миграции безработных крестьян в города стали маргинализация и обеднение значительной части городского населения, ускорившиеся в середине 1960-х гг. В 1970 г. городское население Чили составило уже 75 %, в одном лишь Сантьяго была сосредоточена треть населения страны. Хронический дефицит жилья привел к образованию на городской периферии «грибных поселков» нищеты, промышленность не успевала поглощать новые рабочие руки, обострились проблемы в социальной сфере. В чилийских горо-

¹ См.: *Huerta M. A. Otro agro para Chile. La historia de la reforma agraria en el proceso social y político.* P. 152—167.

² Правоконсервативное католическое движение, создано в Мадриде в 1928 г. испанским священником Эскива де Балагером.

дах резко увеличилось число так называемых новых бедных, занятых в основном на небольших предприятиях и в неформальном секторе экономики. Политические взгляды этих слоев характеризовались крайней неустойчивостью и радикализмом, новые бедные лишь частично восприняли традиционную рабочую культуру.

Правительство Э. Фрея создало новые социальные учреждения, так называемые организации «народного продвижения» — комитеты жителей, центры матерей, которые занимались улучшением состояния бедных кварталов, налаживанием инфраструктуры, медицинским обслуживанием и строительством школ. Цель «народного продвижения» состояла в преодолении маргинальности значительных слоев чилийского населения. Э. Фрей заявлял: «Маргинальность является основной характеристикой больших групп городского и сельского населения, которое не участвует в жизни нашего общества, не пользуется социальными благами, которые должны предоставить им разумно организованное общество и государство»¹.

Органы так называемого «народного продвижения» были созданы ХДП без санкции закона, что вызвало шквал критики как слева, так и справа. Оппозиция обвиняла правительство и ХДП в том, что через эти органы комитеты христианских демократов занимались собственной рекламой и созданием своих избирательных бастионов. Левые же, в том числе и в рядах ХДП, критиковали эту политику за ее популизм и патернализм в отношении беднейших слоев населения, что, по их мнению, порождало в них лишь конформизм и апатию, уничтожая всякий революционный порыв.

В интеграции в городскую среду маргиналов большую роль сыграла политика «социальной мобилизации», проводимая правительством ХДП. Христианские демократы способствовали созданию и развитию соседских и кооперативных организаций, обучали домохозяек основам домашней культуры и гигиены, проводили культурные мероприятия в маргинальных поселках. Таким образом, новые городские жители обретали традиции солидарности и социальной организации, сыгравшие после военного переворота 1973 г. важную роль амортизатора приспособления населения к неолиберальной экономической модели (организация общих котлов в поселках бедноты и пр.).

¹ Frei E. Mensaje presidencial. 1965. P. 65.

Скорость перемен, начавшихся в стране при правительстве христианских демократов, превосходила способность основных социальных групп адаптироваться к ним. Политические силы Чили, привыкшие к установившимся формам представительства и взаимодействия с избирателями, не могли в полной мере ответить на это новое состояние общества. В обществе усилились радикальные, левацкие настроения, прежде всего среди молодежи. Левое революционное движение (МИР) в ноябре 1967 г. в Чилияне провело свою конференцию, которая провозгласила партию марксистско-ленинской и заявила о конечной цели: создание в Чили «революционного государства». В дальнейшем МИР сыграло важную роль в общей дестабилизации политической обстановки в стране вплоть до военного переворота 1973 г.

Радикальное крыло в ХДП создало в 1968 г. движение «Молодая церковь», которое в августе того же года захватило здание кафедрального собора в Сантьяго и удерживало его некоторое время. Хотя официальная церковь поддерживала правительство, христианская молодежь требовала все более решительных действий. Глашатаем ее идей стал журнал иезуитов «Менсахе», писавший во все более революционном тоне. Кроме того, в западном мире происходили серьезные потрясения, приведшие к выступлениям протеста молодежи в 1968 г. Их откликом в Чили стало движение за университетскую реформу, начавшееся в Консепсьоне в 1967 г. и охватившее большинство студентов страны. Все эти новые социальные, политические и культурные явления дали начало радикальным молодежным политическим движениям как левого, так и правого толка.

Придя к власти, ХДП являлась неоднородным движением, в котором различные идейные течения постоянно вели борьбу между собой. Чилийские христианские демократы восприняли многие идеи обновления в католицизме, ставшие очень популярными накануне второго Ватиканского собора. Идеи Маритэна, Векеманса, так называемого «коммунитарного социализма», как средства изменения режима собственности и преодоления капиталистической эксплуатации, а также концепции «рабочего соуправления» фабриками и «народного капитализма» были положены в основу программных положений ХДП. Э. Фрей предлагал создать экономические советы с участием профсоюзов, в задачу которых входило планирование и регулирование развития народного хозяйства. Самыми яркими пропагандистами коммунитарного идеала были левые демохристиане Х. Сильва

Солар и Жак Чончоль, который вместе с Рафаэлем Морено стал вдохновителем аграрной реформы.

Ж. Чончоль, агроном, работавший представителем ФАО на Кубе, являлся признанным лидером левого центра в ХДП, так называемых «терсеристов» (от испанского «tercero» — третий), выступавших за третий путь — ни социализм, ни капитализм. Ж. Чончоль был главой чилийского Института сельскохозяйственного развития (ИНДАП). В 1967 г. он возглавил партийную комиссию, разрабатывавшую стратегию партии при проведении будущих преобразований. Эта комиссия представила руководству ХДП его доклад, прозванный правыми «План Чончоля», суть которого заключалась в программе глубоких реформ, ведущих к «некапиталистическому пути развития». Вскоре этот «план» был единодушно принят партией. Его активно поддержало левое крыло, так называемые «мятежники» во главе с Рафаэлем Гумусио, который рассчитывал стать следующим кандидатом в президенты от ХДП.

Параллельно с этими дискуссиями под давлением финансовых трудностей правительство ХДП было вынуждено принимать непопулярные экономические меры. Отсутствие кредитных ресурсов для капиталовложений привело правительство к принятию «плана обязательных накоплений», позволявшего мобилизовать средства широких масс населения. Этот план неизбежно ухудшал положение беднейших слоев. Партия, ведомая левыми демохристианами, воспротивилась правительству, что привело к отставке министра финансов. В конце концов внутрипартийная борьба завершилась при прямом вмешательстве Э. Фрея отставкой Р. Гумусио с поста лидера партии, т. е. полным поражением левых. Ж. Чончоль был вынужден покинуть пост директора ИНДАП.

Руководящие позиции в ХДП оказались в руках фрейстов и кастильистов (по имени лидера фракции Кастильо), придерживавшихся элитистских взглядов на развитие партии, предпочитавших союз с технократами и придававшие гораздо большее значение советам экономистов из ЭКЛА, чем концепциям «коммунитарного социализма». Преобладание правых в партии вело к ее отчуждению от народных масс.

В 1966 г. резко ухудшились отношения ХДП и профсоюзов. Забастовки с требованиями повышения зарплаты на медедобывающих рудниках «Эль Теньенте» и «Эль Сальвадор» были объявлены незаконными. Правительство отправило войска на их подавление, было убито 6 шахтеров. Президент Э. Фрей обви-

нил в провоцировании трагических событий левые партии, оправдав действия военных. Протест народных масс подталкивал студенческую молодежь к экстремистским выступлениям. В 1969—1970 гг. МИР организовало движение бездомных — по самовольному захвату земель, а в бедных городских кварталах (poblaciones), особенно в своем бастионе Консепсьоне, начало формировать народное ополчение, которое носило пока чисто демонстрационный характер. Тогда же миристы произвели несколько «революционных экспроприаций», попросту говоря, ограблений банков. В июне 1969 г. полиция раскрыла так называемую «школьную герилью» в долине Майпу близ Сантьяго, а в мае 1970 г. в Вальдивии, что свидетельствовало о крайнем полевении студенчества. Все эти события создавали в стране обстановку политической нестабильности и предреволюционного нетерпения.

В марте 1969 г. полиция жестоко расправилась с манифестацией протеста в г. Пуэрто-Монт на юге Чили, где было убито несколько жителей. Правительство вновь поддержало действия полиции. Часть ХДП и молодежная организация партии в энергичных выражениях осудили власти. Дело шло к разрыву левого крыла с официозной частью ХДП. Как партии ФРАП, так и левые демохристиане обвинили в расправе тогдашнего министра внутренних дел и лидера правого крыла партии Эдмундо Переса Суховича. Левацкая организация организованный авангард народа приговорила его к смерти, а через два года привела приговор в исполнение. Левые и молодежь в ХДП радикализировались под влиянием студенческих выступлений 1968 г. в Европе и повстанческого движения Э. Че Гевары в Боливии, вступали в самостоятельные политические союзы и пакты с марксистскими студенческими организациями, все более удаляясь от руководства партии.

В мае 1969 г. в руководстве ХДП и на заседаниях Национального совета партии обсуждалась стратегия на предстоящих президентских выборах 1970 г. Было предложено две программы. Одна базировалась на тезисе Ж. Чончоля о «некапиталистическом пути развития» и предполагала союз с коммунистами и социалистами. Ее поддерживали терсеристы и «мятежные», к которым присоединились более умеренные Радомиро Томич, Бернардо Лейтон и Ренан Фуэнтеальба, основатели ХДП, пользовавшиеся огромным авторитетом в партии. Официозная часть руководства партии выступила с программой «собственного пути», отрицавшего всякую возможность союза с марксистскими партиями, за продолжение курса Э. Фрея на «революцию в

условиях свободы». Голосование с небольшим перевесом дало победу правоцентристам.

Через несколько дней после заседания Национального совета ХДП руководители ее левого крыла Ж. Чончоль, Р. Гумусио, Х. Сильва Солар, а также практически все руководство молодежной организации вышли из партии. Так было положено начало раскола в христианской демократии. Оставшиеся в партии терсеристы создали фракцию «Новых левых», а в 1971 г. они также покинули ряды ХДП, образовав Левохристианскую партию. Покинувшие ХДП в 1969 г. левые создали Движение единого народного действия (МАПУ), присоединившееся к коалиции коммунистов и социалистов. В 1969 г. отставные военные, сторонники К. Ибаньеса, создали левое политическое движение Независимое народное действие (АПИ), также протянувшее руку сотрудничества коммунистам и социалистам. Создание новых левых партий в Чили свидетельствовало о дальнейшем полевении страны.

Демохристианское правительство привело чилийское общество в движение, пробудив в самых широких слоях населения надежды на скорейшее улучшение их социально-экономического положения, но не смогло осуществить их в полной мере. Общий сдвиг общества влево принимал все более радикальный характер, во многих умах господствовала идея революции, что нашло свое отражение в результатах следующих президентских выборов в Чили. Христианская демократия открыла дорогу к власти Народному Единству, за что Э. Фрей получил от правых прозвище «чилийского Керенского». Итоги экономического развития Чили в этот период показали, что проводимые ХДП преобразования не позволили преодолеть внутренних противоречий модели импортозамещающей индустриализации. Фактором, усугубившим ситуацию, стало прекращение целенаправленной американской помощи христианской демократии в 1968 г. после прихода к власти администрации Р. Никсона, начавшей проводить менее идеологизированную, прагматическую политику по отношению к латиноамериканским странам.

Значительные внутренние сдвиги произошли и среди правых политических сил Чили. Либеральная и консервативная партии объединились с ультраправой Партией национального действия, во главе которой стоял деятель профашистского толка Хорхе Прат. Новая партия стала называться Национальной. Объединенные правые вновь обратились к фигуре Х. Алессандри, рассчитывая таким образом победить левых и ХДП. Поляризация

общества привела в движение армию. В октябре 1969 г. произошло восстание полка «Такна» в Сантьяго. Во главе вышедших из повиновения военных стоял командующий армейского дивизиона на севере страны генерал Роберто Вио. Один из журналистов тогда сказал о Р. Вио: «солдафон с лицом солдафона». Он прилетел на рейсовом самолете в Сантьяго, появился в полку «Такна», принял командование и повел солдат на мятеж. Непосредственным поводом для мятежа было низкое жалование, реальная стоимость которого постоянно уменьшалась из-за инфляции, и ставшие правилом задержки его выплаты, тяжелое экономическое положение военных. К полку «Такна» присоединились несколько других столичных частей и школа унтер-офицеров.

Узнав о восстании Э. Фрей заявил: «Ничто не заставит меня уйти с поста!» Такая решительная позиция президента остудила горячие головы. Все политические партии, за исключением социалистов, поддержали власть. Единый профцентр КУТ объявил всеобщую забастовку. Вокруг президентского дворца начали строить баррикады, пригонять мусорные контейнеры, перегораживая ими центральные улицы города, чтобы воспрепятствовать проходу военной техники. Лишь благодаря активному вмешательству генерала Рене Шнейдера это выступление было подавлено, и дисциплина в войсках восстановлена. Командующий вооруженных сил ушел в отставку, его место занял Р. Шнейдер. Конгресс принял решение об увеличении жалования военным. Правые видели в военных своих естественных союзников. Р. Шнейдер занимал жесткую позицию в отношении невмешательства армии в политику и уважения буквы закона и Конституции. Его позиция, вошедшая в историю как «доктрина Шнейдера», стала для чилийских ультраправых главным препятствием на пути их союза с военными.

На предстоящих президентских выборах усилилась конфронтация между левыми и правыми, при очевидном спаде христианской демократии. Сгруппировавшиеся вокруг Х. Алессандри правые провозгласили необходимость разгосударствления экономики и передачи инициативы частному сектору, в свою очередь, левые и значительная часть ХДП видели причину неудач в половинчатом характере реформ и выступали за их углубление. Это поставило на повестку дня в Чили вопрос о социализме.

ЧИЛИЙСКИЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ — ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ЕДИНСТВА (1970—1973)

На президентских выборах 1970 г. чилийский политический спектр снова был представлен традиционными тремя политическими блоками: правые, центристы и левые. Радикализация правых и сдвиг влево большинства христианских демократов вместе с полевением общества сделали невозможным создание нового избирательного альянса правых с ХДП. Вместе с тем, несмотря на близость программ христианской демократии и Народного Единства, их союз также не состоялся по ряду причин. Умеренные лидеры ХДП Э. Фрей, П. Эйлвин и А. Сальдивар не были готовы поддержать левую коалицию. В то же время сами левые, имевшие большой опыт и традиции соглашений с центристскими политическими силами, на этот раз увидели реальную возможность победить без союза с центристами и решили выдвинуть собственного кандидата в президенты. Для этого были основания, ибо в 1970 г. левым силам Чили удалось создать самую широкую за всю историю страны коалицию, объединившую шесть политических партий и организаций — Народное Единство. Его ядром были Социалистическая и Коммунистическая партии, значительно расширившие свой электорат в 1960-е гг.: СПЧ — с 10,6 % голосов на парламентских выборах в 1965 г. до 12,8 % в 1969 г. и КПЧ — с 12,7 % голосов до 16,6 % за тот же период¹. Таким образом, две крупнейшие марксистские партии Чили к моменту выборов объединяли почти треть электората. Большой рост влияния КПЧ за эти годы по сравнению с социалистами являлся показателем того, что относительно умеренная позиция коммунистов находила больший отклик среди сторонников левых партий, чем получившие преобладание у социалистов ультралевые, прокубинские настроения социалистов.

¹ Principios, 1969, № 129. P. 4.

В Народное Единство вошла также Радикальная партия, чье влияние в чилийском обществе постепенно уменьшалось, на парламентских выборах 1969 г. радикалы получили всего 12,2 % голосов. Сильным ударом по партии радикалов стал раскол, произошедший вскоре после этих выборов, когда от нее откололась правая фракция, образовавшая Радикально-демократическую партию. Движение Единого Народного Действия (МАПУ), созданное в 1969 г. после откола от ХДП ее левой фракции во главе с Ж. Чончолем, также стало членом коалиции. Кроме того, в нее вошли две небольшие левые группировки — Независимое Народное Действие (АПИ) и Социал-демократическая партия, осколок бывшей Демократической партии Чили, участвовавшей в Народном фронте в 1930—1940-х гг. Левое Революционное Движение (МИР) не вошло в коалицию, но решило в тот момент отказаться от вооруженной борьбы и призвало своих сторонников голосовать за С. Альенде.

Народное Единство провозгласило своим лозунгом построение «социализма по-чилийски» — мирным путем, после победы на выборах. Кандидатом коалиции после долгих внутренних дискуссий стал социалист Сальвадор Альенде, причем самые большие проблемы с его выдвижением возникли внутри самой соцпартии. Еще в 1967 г. на своем съезде в Чильяне СПЧ провозгласила себя марксистско-ленинской организацией, ставящей целью приход к власти, причем подчеркивалась неизбежность вооруженной борьбы, а все мирные методы объявлялись лишь ограниченными инструментами политического процесса. Прийти к власти предполагалось, создав к выборам 1970 г. Революционный фронт, который возрождал старую идею социалистов о создании основанного на исключительно классовом пролетарском союзе Фронта трудящихся.

На пленуме СПЧ в 1969 г. этой радикальной позиции, которую защищал К. Альтамирано, была противопоставлена линия С. Альенде, предлагавшего партии вступить в широкий альянс и завоевать правительство постепенно, путем изменений в рамках законности. Большинство участников пленума поддержали революционную линию К. Альтамирано, однако дальнейшее развитие событий заставило социалистов учесть настроения в чилийском обществе и других левых партиях, что привело их к участию в блоке Народное Единство. Согласившись на создание широкого союза, включившего умеренные партии, социалисты фактически проигнорировали решения собственного съезда и пленума. В результате Центральный Комитет СПЧ одобрил кандидатуру Альенде относительным большинством, менее 50 %

членов, остальные члены ЦК воздержались от голосования. Это отсутствие единодушия среди чилийских социалистов сыграло роковую роль в последующих событиях.

С. Альенде участвовал в президентских выборах уже четвертый раз, начиная с 1952 г. Его политический опыт и авторитет были несомненны, но многих смущал тот факт, что он уже трижды проигрывал президентские выборы. Столь длительный избирательный марафон С. Альенде неоднократно служил как предметом насмешек его противников, так и основанием для пессимизма части его сторонников. Сам Сальвадор Альенде, обладавший прекрасным чувством юмора, любил пошутить на эту тему: «На моей могиле вы прочтете надпись: «Здесь покойся будущий президент Чили».

Христианская демократия выдвинула кандидатом лидера своего левоцентристского крыла, одного из основателей партии Радомиро Томича. Предвыборная программа Р. Томича имела много общих пунктов с программой Народного Единства, что давало ему надежду на поддержку левых партий. За несколько месяцев до президентских выборов Р. Томич совершил поездку в СССР, где вел негласные переговоры о возможности поддержки своей кандидатуры чилийскими коммунистами¹, а лидеры ХДП зондировали этот вопрос с советскими дипломатами в Сантьяго. Это вызвало крайнюю обеспокоенность ЦРУ, ибо успех этих переговоров мог бы привести к созданию в Чили правительства большинства во главе с демохристианами при поддержке марксистов. Однако в тот момент левые не пошли на союз с умеренными политическими силами, считая исчерпанным реформистский потенциал ХДП и будучи уверенными в собственном успехе.

Среди чилийских правых также шел процесс реорганизации и обновления. После неудачи на парламентских выборах 1965 г., где правым удалось получить лишь 12,5 % голосов, Либеральная и Консервативная партии были распущены, так как руководители этих партий четко осознали критическое положение своих организаций. Это был их крупнейший политический провал, ибо в течение трех предыдущих десятилетий за правых традиционно голосовали 30—40 % чилийских избирателей, что давало правым возможность контролировать парламент. Правые партии теряли поддержку в средних слоях, академической среде, среди молодежи, католиков, голосовавших теперь за христианских демократов.

¹ Государственный Архив Российской Федерации, Фонд 9576р, опись 10, док. 135.

Для преодоления кризиса лидеры чилийских либералов и консерваторов пришли к выводу о необходимости создания новой организации. Так, в 1966 г. была создана Национальная партия, доктрина которой базировалась на испанском католицизме, франкистском корпоративизме и национализме. В отличие от традиционных правых партий Чили новая организация не ограничилась констатацией переживаемого страной кризиса, была начата выработка глобального проекта модернизации, резко отличавшегося от традиционной этатистской модели. Первым эскизом этого проекта стала предвыборная программа правого кандидата в президенты на выборах 1970 г. Хорхе Алессандри. 74-летний бывший президент страны был выдвинут быстро набравшей силу и динамизм Национальной партией, его кандидатуру поддержала небольшая Радикально-демократическая партия. Деловые круги Чили также с надеждой взирали на экономиста и технократа Х. Алессандри.

Программа Х. Алессандри «Новая республика», написанная с помощью неолиберальных экономистов, была воспринята современниками как документ, резко порывавший с этатистской экономической традицией Чили, так как в нем впервые ставилась цель построения в стране социальной рыночной экономики на основе неолиберальных механизмов. Причиной переживаемого Чили кризиса националисты считали то, что деятельность правительства была направлена не на достижение всеобщего блага, а на удовлетворение партийных политических интересов, влияющих на государство. Программа критиковала чрезмерную роль государства в экономике и предлагала резко ограничить ее, сократить бюрократический аппарат, предоставить полную свободу частной инициативе, индивиду. В программе выдвигался принцип рентабельности как основной механизм избавления от неэффективных производств и обеспечения направленности экономики на потребление, а не на производство. Надо признать, что в свое первое президентство в 1950-е гг. Х. Алессандри также выступал с программой разгосударствления и либерализации экономики.

Хотя программа «Новая республика» не являлась детально проработанной схемой новой экономической модели, в ней были обозначены все основные направления реформ, которые начнут осуществляться при Пиночете. Однако в тот период подобная программа не встретила поддержки даже у большинства правых, многие из которых продолжали оставаться на этатистских позициях и не были готовы к столь радикальному отрицанию роли государства. В результате избирательная кампания

Х. Алессандри не только не сплотила, но и разделила традиционных чилийских промышленников и предпринимательские круги, связанные с экспортными отраслями экономики, которым уже тогда были близки неолиберальные идеи.

Предвыборная кампания началась задолго до дня голосования, полемика трех основных кандидатов проходила в накаленной атмосфере, что вело к дальнейшей поляризации чилийского общества. Итоги президентских выборов были объявлены 4 сентября 1970 г.: за С. Альенде проголосовали 36,3 % избирателей, за Алессандри — 34,9 % и за Р. Томича — 27,8 %¹. Таким образом, Альенде получил лишь относительное большинство голосов, причем меньшее, чем на предыдущих президентских выборах в 1964 г. (38,9 %). По действовавшей конституции Чили в этом случае президента должен был избрать Национальный Конгресс, проголосовав за одного из двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов. В прошлом в аналогичных ситуациях голосование в Конгрессе было чисто формальным утверждением кандидата, занявшего первое место, но на этот раз обстановка сильно усложнялась победой марксистов.

Во-первых, всем было очевидно, что речь шла о возможности слома всей политической и экономической модели развития страны в результате прихода к власти марксистского правительства. Во-вторых, разрыв между С. Альенде и Х. Алессандри был минимальным, что давало повод правым требовать пересмотра результатов подсчета голосов (это было сделано, и официальные данные были подтверждены). В-третьих, Народное Единство, как, впрочем, и правые, не имело большинства в Конгрессе, что делало христианскую демократию тем арбитром, который должен был решить судьбу претендента на президентское кресло.

Места в Национальном Конгрессе распределялись следующим образом: из 200 членов парламента (150 депутатов и 50 сенаторов) Народное Единство имело 80 мест, христианская демократия — 75, а правые — 45 мест². Следовательно, все зависело от того, за какого кандидата проголосует ХДП, поэтому парламентское голосование стало важнейшим политическим сражением. Судьба власти в стране решалась в эти дни в стенах Конгресса и на заседаниях руководства чилийских политических партий.

Реальную угрозу союза демохристиан с правыми создал ловкий политический маневр Х. Алессандри — заявление об отказе

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. Santiago, 2001. P. 263.

² См.: *Лабарка Годдард Э. «Чили, раскаленное докрасна»*. М., 1973. С. 266.

от поста президента в случае его избрания Конгрессом. Это означало бы проведение новых президентских выборов, что открывало возможность возвращения к власти ХДП во главе с Э. Фреем — по конституции Чили нельзя было быть избранным президентом два раза подряд, но, пропустив одни выборы, уже можно было снова выдвигать свою кандидатуру. США были заинтересованы в таком варианте развития событий и разными путями через посредников пытались склонить к нему действующего президента Чили. Однако успех этого мероприятия был весьма сомнителен — отсутствовали какие-либо гарантии для ХДП со стороны правых, кроме того, пойдя на такой компромисс, партия рисковала потерять собственное лицо и превратиться в политический труп. Учитывая большое влияние левоцентристского крыла в ХДП, это грозило расколом партии, либо потерей массовой базы — в обоих случаях это стало бы проигрышем группировки Э. Фрея.

Христианская демократия переживала острые внутренние разногласия. Молодежь и левое крыло ХДП праздновали победу Народного Единства. Уже 4 сентября проигравший выборы демокристианский кандидат Р. Томич первым признал победу Альенде и выразил ему поддержку, так же поступила молодежная организация партии. После победы С. Альенде в ХДП были еще сильны позиции левоцентристского крыла во главе с Р. Томичем, сохранялись надежды на сотрудничество с правительством Народного Единства. Сам Р. Томич говорил сразу после президентских выборов: «Альенде в будущем увидит, что без христианской демократии невозможно осуществление коренных социальных, политических и экономических изменений. Если придет этот момент, я надеюсь, что христианские демократы искренне примут сотрудничество на равных условиях с Народным Единством»¹.

В то же время представитель правого крыла партии А. Сальдивар заявил, что приход левых в президентский дворец Ла-Монедра грозит Чили экономическим хаосом. Правые христианские демократы предпочитали союз с Национальной партией. Одновременно велись долгие переговоры между демокристианским руководством и Народным Единством об условиях поддержки кандидата левых в Конгрессе, в ходе которых в конце концов был достигнут политический компромисс, позволивший ХДП в тот момент избежать раскола.

¹ El Mercurio. 4.11.1970.

С. Альенде так вспоминал об этом: «Определенный сектор Христианско-демократической партии во главе с одним из своих лидеров Р. Томичем пришел к выводу, что если бы его партия не отдала голоса своих сенаторов и депутатов, чтобы образовать большинство, признающее нашу победу, Чили пришла бы к гражданской войне. Этот сектор предложил признать победу Народного Единства в обмен на Статут о конституционных гарантиях»¹. Этот документ несколько ограничивал власть будущего правительства, но был полностью в рамках конституции и открывал возможности сотрудничества левых с умеренными политическими силами. С. Альенде потребовал вычеркнуть из Статута положения, ограничивавшие полномочия президента как главнокомандующего, остальные основные его пункты были приняты. Статут гарантировал полную свободу деятельности всех партий, права оппозиции, свободную работу всех СМИ без предварительной цензуры, строгое соблюдение всеми органами власти существующих законов, право на свободное создание общественных организаций, право на забастовку и т.д. Армия и корпус карабинеров признавались единственными силами, обеспечивающими правопорядок и защиту страны, иными словами, левые отказывались от идеи организации рабочего ополчения и прочих вооруженных формирований.

«Можно слышать упреки в адрес Народного Единства, что оно, идя на такой компромисс, заранее себя обезоружило. Но дело в том, что реальный выбор перед левыми силами после выборов 4 сентября 1970 г. состоял не в том, брать ли всю полноту власти (такой возможности в тот момент не было), а в том, брать ли власть в таком урезанном, неполном виде; в противном случае инициативу в борьбе за власть могли перехватить правые силы, используя колебания средних слоев и армии»². Статут о конституционных гарантиях не противоречил основным пунктам программы Народного Единства, а его полное соответствие конституции ставило противников Альенде в случае открытого сопротивления левому правительству в положение явных нарушителей законности.

По геополитическим причинам США не могли допустить претворения в жизнь антикапиталистического проекта в своей зоне влияния, поэтому они не остались безучастными к проис-

¹ Punto Final. 16.03.1971.

² *Строганов А. И.* «Политические условия развития революционного процесса в Чили (1970—1973)». В кн. «Проблемы и движущие силы революционного процесса в Латинской Америке». М., 1977. С. 262.

ходящему, открыто вмешавшись в чилийские события, чтобы воспрепятствовать приходу к власти президента-социалиста. ЦРУ срочно разработало и начало реализовывать особые планы действий в Чили, предусматривавшие различные варианты вмешательства. Первый план, известный под названием «Траектория 1», ограничивался политическими, экономическими и пропагандистскими действиями, такими, как финансовая помощь правой прессе и подкуп парламентариев для голосования против С. Альенде. Только на финансирование предвыборной президентской кампании против кандидата Народного Единства ЦРУ потратило почти 1 млн долл., однако предотвратить победу С. Альенде не удалось. И уже через 10 дней после первого тура голосования, 15 сентября 1970 г., президентом Р. Никсоном был одобрен план «Траектория 2», давший ЦРУ санкции на прямое вмешательство с целью подготовки в Чили государственного переворота. Директору ЦРУ Р. Хелмсу Никсон дал указание: «Заставить завопить чилийскую экономику», заявив затем: «Мы не можем допустить, чтобы из-за безответственности народа в Чили пришло к власти марксистское правительство». А американский посол Э. Корри через неделю заявил чилийскому министру обороны: «При правительстве Альенде мы не поставим в Чили ни один винтик, ни одну гайку»¹.

О реализации американских планов вмешательства многое стало известно в 1975 г., когда был рассекречен и опубликован доклад Сената США «Тайная деятельность ЦРУ в Чили (1963—1973)». Согласно этим данным, только с 5 по 20 октября 1970 г. ЦРУ установило более 20 контактов с высшими чилийскими офицерами, которых заверили в оказании Чили американской помощи в случае прихода к власти военных. Американскому послу в Сантьяго были даны следующие инструкции: способствовать организации военного переворота, если на это согласится Э. Фрей, а также всячески давать понять чилийским военным, что после прихода к власти С. Альенде американская военная помощь Чили прекратится. Оба плана — «Траектория 1» и «Траектория 2» — продолжали осуществляться параллельно, что давало возможность американцам оперативно реагировать на любое развитие событий. Активное американское вмешательство в чилийские внутренние дела не прекратилось и после избрания С. Альенде президентом.

¹ Archivos secretos. Documentos desclasificados de la CIA. Santiago, 1999. P. 195.

СССР в тот период не мог играть большой роли в чилийских событиях по ряду причин. Приход к власти в Чили левого правительства стал неожиданностью для советского руководства, так же, как в свое время его застала врасплох кубинская революция и намного позднее никарагуанская. Советский Союз придерживался той точки зрения, что в странах третьего мира, в том числе и в Латинской Америке, еще не созрели объективные условия для перехода к социализму и там могут иметь успех лишь прогрессивные националистические антиимпериалистические движения. Поэтому при всех внешних выражениях солидарности с Народным Единством на деле советское руководство довольно скептически отнеслось к его дальнейшим перспективам. Да и сам «чилийский путь» С. Альенде, его концепция социализма без диктатуры пролетариата, но с политической свободой, в том числе и для оппозиции, ставили под сомнение советскую модель социализма, что не могло вызвать особых симпатий в Москве.

Сыграл свою роль и геополитический фактор: Чили находилась вне зоны влияния Советского Союза, в 1970-е гг. Советский Союз проводил политику мирного сосуществования с Соединенными Штатами и не был готов рисковать реализацией своей стратегической линии ради маленькой далекой страны. Впоследствии СССР не оказал Чили сколько-нибудь серьезной экономической помощи, кроме займа, полученного после визита Альенде в Москву в 1972 г., что объяснялось как ограниченными финансовыми возможностями Советского Союза, так и сомнениями в жизнеспособности чилийского левого правительства. Поэтому изначально степень советского влияния в Чили в тот период была несравнима с американской.

Однако существовал еще один внутренний фактор, от которого тогда во многом зависело развитие событий в Чили: позиция военных. Чилийская армия традиционно придерживалась линии невмешательства в политику и уважения конституции, тем не менее, с ней приходилось считаться, поэтому различные политические силы, в первую очередь правые, попытались оказать давление на военных. После объявления итогов голосования 4 сентября главнокомандующий армией генерал Р. Шнейдер подтвердил верность вооруженных сил конституционной доктрине, которую он провозгласил, вступив в должность в 1969 г.: «Военные должны строго придерживаться конституционного порядка, и немыслимо, чтобы какие-либо группы внутри Воору-

женных Сил помышляли о выходе за рамки установленного в Основном Законе»¹.

Армия в тот момент могла сыграть роль арбитра, поэтому ее пытались склонить на свою сторону как победившие левые, так и правые. Для левых было жизненно важным строгое соблюдение военными конституции при голосовании за С. Альенде. В то же время не исключена была возможность голосования парламентариев за другого кандидата, и тогда в соответствии с конституцией армия должна была бы поддержать и такое решение Конгресса. Позднее будущий диктатор А. Пиночет рассказывал о своих попытках установить контакты с правыми лидерами демокристан и подтолкнуть их к этому шагу.

В начале октября, когда еще не было известно о достижении соглашения между христианскими демократами и Народным Единством, А. Пиночет вел переговоры с представителями ХДП. В частности, он обещал одному из сенаторов: «Если вы отвергнете сеньора Альенде и проголосуете за второе относительное большинство, будьте полностью уверены, что армия поддержит это решение»². Однако подписание Статута о конституционных гарантиях лишило ХДП этой возможности, и А. Пиночет был вынужден отступить. Позиции заговорщиков в армии в тот период были еще относительно слабыми, и им не удалось повернуть ход событий в свою пользу.

Последней попыткой втянуть армию в политику и спровоцировать государственный переворот стало убийство главнокомандующего чилийской армии Рене Шнейдера. Утром 22 октября, за два дня до голосования в парламенте, автомобиль Р. Шнейдера был блокирован несколькими машинами на одной из улиц Сантьяго, его окружила группа молодых людей, начавших разбивать молотками стекла автомобиля. Увидев, что генерал вынул пистолет, заговорщики трижды выстрелили в него. Шофер доставил тяжело раненного Р. Шнейдера в военный госпиталь. Через час в госпиталь прибыл президент Э. Фрей, где подтвердил свое доверие генералу Карлосу Пратсу, начальнику Генерального штаба армии, который по закону в подобной ситуации должен был принять на себя обязанности главнокомандующего. Тем же утром состоялось экстренное заседание командующих родами войск, где было принято заявление, осуждающее преступление.

¹ *Prats Gonzalez C. Memorias. Testimonio de un soldado. Santiago, 1985. P. 158.*

² *Pinochet A. El día decisivo. 11 de septiembre de 1973. Santiago, 1982. P. 52.*

В планы заговорщиков не входило убийство генерала Р. Шнейдера, они намеревались похитить его, тем самым спровоцировав выступление военных, поэтому смерть главнокомандующего и быстрая реакция чилийского общества на него спутала им все планы. Непосредственным организатором похищения был известный своими крайне правыми убеждениями и в прошлом неудавшийся путчист генерал Р. Вио. Дальнейшее расследование показало, что в попытку государственного переворота были втянуты некоторые правые политики, высшие офицеры всех родов войск, в том числе командующий гарнизоном Сантьяго генерал К. Валенсуэла и командующий флотом. Генерал Р. Вио был приговорен Верховным судом Чили к 5-летней высылке из страны, его карьера на этом закончилась, но другие вдохновители преступления, чья вина не была полностью доказана, остались на своих постах и в дальнейшем сыграли активную роль в подготовке военного переворота 1973 г.

Убийство генерала Р. Шнейдера, запланированное как толчок к военному перевороту, привело к обратному результату. Это преступление вызвало глубокое возмущение во всех слоях чилийского общества и на время сплотило политических противников перед нависшей над Чили угрозой переворота и гражданской войны. Кроме того, симпатии членов Национального Конгресса окончательно склонились в пользу С. Альенде: за него проголосовали более три четверти парламентариев. Р. Шнейдер скончался в госпитале 25 октября, чилийскую армию возглавил К. Пратс, его старый соратник и столь же известный сторонник невмешательства военных в политику и соблюдения конституции.

24 октября 1970 г. Сальвадор Альенде был провозглашен в Конгрессе президентом Чили, 3 ноября состоялась его инаугурация. Это стало началом нового короткого, но, пожалуй, самого яркого этапа чилийской истории XX в. Приход к власти правительства Народного Единства привлек к себе большое международное внимание, ибо в условиях противоборства двух блоков на мировой арене создавал серьезный прецедент перехода к социализму мирным путем. С. Альенде определил его как «чилийский путь к социализму», причем под этим подразумевалась не только иная стратегия достижения цели, но и иная концепция социализма, включавшая в себя политическую демократию, свободу и плюрализм. Кроме того, Альенде не считал необходимым для Чили этап диктатуры пролетариата, которому придавалось столь большое значение в СССР и других социалистических странах. Это новое понимание социализма, которое предстояло развить и конкретизировать на практике, в дальнейшем привело

к острым дискуссиям внутри Народного Единства и его основных партий, в первую очередь, к разногласиям самого С. Альенде с другими лидерами социалистов.

Чилийский опыт дал новые аргументы латиноамериканским сторонникам московской линии и «мирного пути» революции в их идеологических дискуссиях с прокубински настроенными проводниками стратегии создания «партизанского очага» в Латинской Америке. Помимо того, попытка Чили начать революционные преобразования в рамках существующей законности нашла особый отклик в Италии и Франции, где компартии проводили политику союзов с центристскими силами, отстаивали свое понимание построения социализма в условиях демократии, что позднее стало известным как еврокоммунизм. Таким образом, речь шла не только о судьбе латиноамериканской революции, но и о возможной стратегии «мирной революции» в Западной Европе. В свою очередь, Соединенные Штаты увидели в приходе к власти С. Альенде угрозу своей гегемонии в регионе, ибо пример Чили мог оказаться заразительным для других латиноамериканских стран, поэтому они выбрали политику содействия противникам правительства Народного Единства с целью его свержения.

Победа С. Альенде положила начало осуществлению социалистических преобразований мирным путем, и программа Народного Единства предполагала постепенность этого процесса. В условиях отсутствия всей полноты политической власти у правительства, что затрудняло осуществление многих важных шагов, предусмотренных программой, центр тяжести преобразований переместился в сферу экономики. Проведение основных экономических преобразований — национализации добывающей промышленности, крупных предприятий и банков, а также аграрной реформы, обеспечивало новому правительству условия для осуществления дальнейших политических реформ. В программе Народного Единства провозглашалась главная цель: замена существующей экономической системы на новую трехсекторную экономику, где будет доминировать государственная собственность. В первую очередь предполагалось национализировать природные богатства Чили, находившиеся в руках иностранных компаний — медь, селитру, железо.

До принятия закона о национализации переход собственности в руки государства осуществлялся путем выкупа акций частных предприятий, государственного вмешательства, либо экспроприации на основе закона-декрета № 520, принятого в 1932 г. в период существования эфемерной социалистической респуб-

лики, но успешно забытого прежними правительствами и никогда ранее не применявшегося. Вскоре под контроль государства перешли: текстильная фабрика Ярура «Бельявиста-Томе» (первая экспроприация на основании декрета президента), металлургические заводы компании «Асеро дель Пасифико», чилийская угольная компания «Лота-Швагер», крупнейшее в стране издательство «Зиг-Заг», газораспределительная компания и другие важнейшие предприятия.

Политика национализации, проводимая Народным Единством, вызвала ожесточенные дебаты в чилийском обществе: правые настаивали на незаконности этих действий, в то время как сторонники правительства выдвигали противоположные аргументы. Многие действия по экспроприации были оспорены в судах, что положило начало возникновению серьезного конфликта между исполнительной и судебной властью. В то же время Народное Единство подвергалось сильному давлению членов своих низовых организаций, а также рабочих, проявлявших революционное нетерпение и призывавших к скорейшему установлению контроля государства над всеми предприятиями. Далеко не всегда удавалось сдерживать этот напор масс, и партии Народного Единства постепенно теряли контроль над своей базой. Тем не менее через год после прихода к власти Народного Единства в руках государства уже находилось больше 100 крупных чилийских предприятий, среди них большинство предприятий обрабатывающей промышленности и 30 % сельскохозяйственных. Кроме того, под контроль государства перешли 80% банков, их национализация осуществлялась в основном путем выкупа акций.

Особое значение для страны имела национализация меди, составлявшей тогда около 70 % чилийского экспорта. Эта мера должна была стать первым логическим шагом на пути осуществления экономических преобразований, и правительство Народного Единства сразу же начало разработку соответствующего законопроекта, который уже 22 декабря 1970 г. был передан на рассмотрение Национального Конгресса. Это был проект конституционной реформы, по которому изменялась статья 10 конституции о праве собственности, в ней предлагалось объявить государство абсолютным хозяином всех природных богатств и других материальных ресурсов. Ни одна политическая сила Чили не осмелилась открыто выступить против национализации меди, однако оппозиция медлила с принятием закона, внося в него множество поправок. После длившихся более полугода

парламентских дискуссий 15 июля 1971 г. чилийский Конгресс единогласно одобрил законопроект о национализации меди, этот день в Чили был провозглашен Днем национального достоинства.

Аграрная реформа осуществлялась в соответствии с законом 1967 г., принятым правительством Э. Фрея. Внесение в него изменений потребовало бы многомесячных обсуждений в Конгрессе, что могло парализовать осуществление преобразований в сельском хозяйстве. Поэтому первым шагом правительства Народного Единства стало простое ускорение реализации аграрного закона, в первую очередь, в части экспроприации поместий. При этом было подтверждено, что не будут экспроприироваться земли у крестьян, а также участки размером менее 80 га. В результате, в 1971 г. в Чили было экспроприировано 1378 поместий — на 32 % больше, чем в предыдущем году, а размер земельного участка, не подлежащего изъятию, был уменьшен вдвое — с 80 до 40 га. В 1972 г. экспроприации подверглись уже 2189 поместий, а к августу 1973 г. — еще 834. На этих землях часто создавались крестьянские кооперативы — асентамьенто, в годы Народного Единства число семей, ставших их членами, увеличилось на 154 % по сравнению с предыдущим периодом, когда у власти находились христианские демократы.

В ноябре 1970 г. был создан Национальный крестьянский совет — совещательный орган правительства для обратной связи с крестьянскими организациями и обсуждения планов развития сельского хозяйства и реализации аграрной реформы. Одновременно началось создание зональных крестьянских советов, в дальнейшем сыгравших большую роль в проведении аграрного передела. Нетерпение крестьянства, ждавшего ускорения аграрной реформы, часто приводило к незаконным захватам земли, во многих случаях подогреваемым ультралевыми организациями. Среди них выделялось Крестьянское Революционное Движение, созданное и руководимое МИР. Часто захватывались средние и даже мелкие владения, что давало повод оппозиции обвинять правительство в нарушении закона и приводило к дальнейшему обострению обстановки в стране.

В апреле 1971 г. в Чили состоялись муниципальные выборы, показавшие значительное увеличение поддержки Народного Единства: за него проголосовали около 51 % чилийцев, т. е. абсолютное большинство¹. Таким образом, за 5 месяцев пребыва-

¹ См.: Ercilla. № 1864. Santiago. 1971. P. 24.

ния у власти левой коалиции число отдавших за нее голоса увеличилось на 15 % (по сравнению с президентскими выборами 1970 г.). Это дало повод президенту С. Альенде сделать оптимистическое заявление: «Никогда еще в истории Чили позиции народного движения не усиливались так быстро, как при нашем правительстве. Последнее перестало быть правительством, представляющим всего лишь третью часть населения, и стало правительством большинства»¹.

Победа левых сил была впечатляющей, особенно если учесть, что непосредственно перед выборами партиям чилийской оппозиции была оказана денежная помощь со стороны США через каналы ЦРУ в размере почти 1,5 млн долл. Деятельность ЦРУ была направлена и на создание союза правой и умеренной чилийской оппозиции, что было нелегкой задачей из-за больших разногласий между христианскими демократами и Национальной партией. В итоге помощь оказывалась обоим партиям. Так, в начале 1971 г. США профинансировали приобретение ХДП и Национальной партией собственных газет и радиостанций. Финансовая помощь оказывалась также предпринимательским, профессиональным, научно-исследовательским организациям оппозиции — всем, кто мог способствовать свержению С. Альенде.

На муниципальных выборах впервые голосовала молодежь в возрасте с 18 до 21 года, так как в декабре 1970 г. Конгресс принял соответствующую поправку к конституции, снизившую возрастную ценз избирателей, что стало большим плюсом для Народного Единства. Минусом было то, что партии коалиции выступали на выборах отдельно, выставляя каждая своего кандидата, причем движения МАПУ и АПИ, еще не имевшие юридического статуса политических партий, не участвовали в выборах. Они призвали своих членов голосовать за Народное Единство, но очевидно, что при их участии в выборах процент голосов, полученных левой коалицией, мог бы несколько увеличиться.

Большую роль в мобилизации масс во время предвыборной кампании сыграли местные комитеты Народного Единства, которых по всей стране насчитывалось около 15 тыс. В соответствии с Основной программой Народного Единства, они должны были постепенно превратиться в низовые органы народной власти. Однако в дальнейшем многие из местных комитетов фактически самораспустились, на их месте стихийно возникали новые общественные организации, часто более радикально настроен-

¹ Альенде С. История принадлежит нам. М., 1974. С. 138.

ные и далеко не всегда действовавшие в одном русле с правительством.

Расширение социальной базы коалиции открывало возможность проведения референдума с целью изменения конституции, что позволило бы продвигаться вперед в осуществлении реформ более быстрыми темпами, оставаясь при этом в рамках законности. Но партии Народного Единства и сам президент С. Альенде не решились на проведение плебисцита в этот момент, так как электоральный перевес был минимальным, а, по их мнению, поддержка правительства должна была и далее расти. Однако подобная оценка оказалась слишком оптимистической, и в дальнейшем стало ясно, что левыми был упущен наиболее благоприятный для изменения конституции момент. В последующие месяцы ухудшение экономического положения в стране привело к ослаблению народной поддержки левой коалиции, оппозиция воспользовалась этим для мобилизации своих сил, что оставило Народному Единству весьма узкое пространство для маневра.

Правительство С. Альенде начало свою деятельность в обстановке нарастающего кризиса, вызванного экономическим саботажем иностранного и местного капитала и дальнейшей поляризацией чилийского общества. Осуществлению глубоких реформ мешало отсутствие у левых парламентского большинства, что вынуждало Народное Единство действовать с осторожностью, но эта медлительность разочаровывала народные массы и вызывала острые дискуссии внутри партий, входящих в коалицию.

Самым сложным было положение в Социалистической партии. На состоявшемся в январе 1971 г. съезде СПЧ к ее руководству пришли сторонники радикальных позиций во главе с К. Альтамирано. Таким образом, через два месяца после прихода к власти левой коалиции произошла резкая смена линии соцпартии, фактически начавшей проводить политику, идущую вразрез с более умеренными, близкими к социал-демократическим, концепциями президента страны. В результате С. Альенде во многих случаях находил большее понимание и поддержку у коммунистов, чем у своей собственной партии. Это двусмысленное положение президента раскалывало соцпартию и размывало фундамент Народного Единства, затрудняя работу правительства.

Стремясь улучшить положение широких масс, правительство Народного Единства в первый год своего пребывания у власти увеличило зарплату на 35 % в госсекторе, а в частном секторе она выросла на 50 %, тем самым стимулировался спрос и производство внутри страны. В 1971 г. ВВП Чили вырос на 8,6 %,

промышленное производство — на 13 %, а инфляция снизилась до 22,1 % по сравнению с 34,9 % в 1970 г. В первый год пребывания у власти правительства Народного Единства в Чили были достигнуты хорошие экономические результаты, а политические события развивались по восходящей линии. Некоторые макроэкономические показатели развития экономики Чили оставались стабильными в течение всех трех лет правления С. Альенде. Так, важным достижением правительства Народного Единства стала низкая безработица — ее средний уровень в 1971—1973 гг. составил 4,6 %. ВВП продолжал расти, хотя и медленными темпами — в среднем по 1,2 % в год, промышленное производство — по 3,7 % в год.

Другие показатели свидетельствовали о серьезных перекосах в развитии чилийской экономики. Внешний долг за три года пребывания у власти Народного Единства вырос на 750 млн долл. — с 2451 млн до 3203 млн, составив около 540 долл. на душу населения, в то время как в годы правления Э. Фрея внешний долг увеличивался примерно на 150 млн долл. в год, т. е. темпы его роста были почти вдвое ниже. Резко снизились международные резервы Центрального банка Чили — во время прихода к власти правительства С. Альенде имелось положительное сальдо в 332 млн долл., а за 3 года оно стало отрицательным, составив 440 млн долл.¹

Негативные тенденции в развитии экономики страны начали проявляться уже в начале 1972 г. Они были вызваны как внешними, так и внутренними факторами. Положение в Чили ухудшилось из-за экономического и торгового бойкота США, совпавшего с резким снижением мировых цен на медь. Цифры, демонстрирующие это, весьма красноречивы. Экономическая помощь США снизилась с 35 млн долл. в 1969 г. до 1,5 млн долл. в 1971 г. Кредиты Чили американского Эксимбанка, составлявшие 274 млн долл. в 1967 г. и 29 млн долл. в 1969 г., к 1971 г. полностью прекратились. Межамериканский банк развития уменьшил свои кредиты с 46 млн долл. в 1970 г. до 2 млн долл. в 1972 г., а Мировой банк в 1970—1973 гг. полностью отказал Чили в кредитах². Советское правительство поддерживало Чили в основном морально, а надежды С. Альенде на то, что СССР

¹ См.: CEPAL. Estudio económico de América Latina. NN. UU. Santiago, 1976. P. 360.

² См.: Archivos secretos. Documentos desclasificados de la CIA. Santiago, 1999. P. 196.

окажет экономическую и военную помощь чилийской революции, как ранее кубинской, не сбылись.

С другой стороны, негативно влияли на чилийскую экономику внутренние проблемы: давление масс снизу привело к тому, что в руки государства слишком быстро перешло большое число предприятий, и оно оказалось неспособным к эффективному управлению ими. Сказалась нехватка опыта у новых директоров и завышенные требования рабочих, что привело к забастовкам в госсекторе и падению производства. Многие предприятия, перешедшие под контроль государства, оставались нерентабельными, к 1973 г. их долг составил 330 млн долл. Особенно критическим было положение в национализированной медной промышленности.

Кроме того, быстрый рост покупательной способности малоимущих слоев населения вызвал нехватку товаров первой необходимости, что вынудило правительство тратить последние валютные резервы на закупку продовольствия. Перераспределение доходов в масштабах страны увеличило расходы государства, а внешние кредиты были заморожены. Несмотря на значительное снижение поступлений в госбюджет, Народное Единство не могло пойти на уменьшение государственных расходов по политическим причинам, ибо это означало отказ от заявленной социальной политики. Это привело к резкому росту инфляции в Чили. В первой половине 1972 г. он составил 28 %, во второй половине 1972 г. — 100 %, а в первой половине 1973 г. — 353 %¹. В конечном счете дефицит намного превысил госбюджет страны, вследствие чего к 1973 г. правительство было вынуждено финансировать 60 % государственных расходов с помощью денежной эмиссии.

Правительство попыталось ввести централизованное снабжение продовольствием, начав продажу основных продуктов по установленным сверху официальным ценам. Народным Единством были созданы органы народовластия, Советы по снабжению и ценам (ХАП), которые пытались обеспечить распределение среди населения продуктов первой необходимости, одновременно борясь с дефицитом и черным рынком. Эта инициатива была встречена в штыки оппозицией, усмотревшей в советах еще один инструмент контроля Народного Единства над населением.

Подобные меры не могли решить проблемы нехватки продуктов, что привело к огромному росту очередей, процветанию

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 268.

черного рынка, где можно было купить те же продукты в 2—3 раза дороже. Эти экономические трудности затронули не только верхушку общества и средние слои, но и часть народных масс, едва начавших ощущать улучшение своего положения, что усилило общее недовольство населения политикой правительства. Образ правительства Народного Единства, создавшего экономический хаос и ведшего страну к краху, впоследствии активно насаждался пропагандой военного режима, и эта идея до сих пор господствует среди значительной части чилийского населения.

Серьезной политической проблемой для Народного Единства стали разногласия внутри коалиции, где сложились две непримиримых группировки. С одной стороны, коммунисты, радикалы и Рабоче-крестьянское МАПУ, отколовшееся от МАПУ в 1972 г.,¹ говорили о необходимости постепенного осуществления социально-экономических реформ. Они полностью поддерживали концепцию С. Альенде «чилийского пути к социализму», предполагавшую действия в рамках конституции и существующей законности. Эти партии выступали за переговоры с христианской демократией и не исключали возможности потери власти на следующих выборах, даже накануне военного переворота они вновь попытались найти взаимопонимание с ХДП во избежание кровопролития.

С другой стороны, социалисты, МАПУ, Левые христиане (ИС), а также примкнувшее к ним МИР, не входящее в коалицию, стали «революционным полюсом» Народного Единства. Они критиковали «реформизм» коммунистов, считая неизбежным переход к насильственным революционным действиям, поэтому пытались форсировать преобразования, создавали военизированные формирования своих партий, надеясь на будущий раскол в армии и поддержку ею революции, и ни при каких условиях не были готовы отказаться от уже завоеванной власти. Социалисты занимали резко негативную позицию по отношению к переговорам Народного Единства с христианскими демократами, считая, что таким образом правительство идет на поводу у оппозиции. Президент С. Альенде был вынужден постоянно искать компромисс между двумя этими полюсами и, если политический опыт приближал его к более умеренной позиции

¹ Небольшие по численности, но состоявшие в большинстве своем из молодежи элитарных семей, обе МАПУ перестали существовать в конце 1970-х гг. Большинство их членов вошло в СПЧ, некоторые ушли к коммунистам.

коммунистов, то партийное членство накладывало на него обязанности по отношению к социалистам.

В марте 1972 г. состоялся очередной пленум ЦК Соцпартии, подтвердивший революционную линию социалистов. В частности, в полном соответствии с марксистской догматикой было заявлено, что невозможно построить социализм внутри буржуазного государства, поэтому оно должно быть разрушено. Этот тезис явно противоречил провозглашенному президентом «чилийскому пути к социализму», кроме того, он давал повод правым обвинять социалистов в насильственных методах борьбы. С. Альенде в своем выступлении в Конгрессе подверг жесткой критике эту позицию собственной партии. Он заявил: «Государственный аппарат сегодня служит не господствующему классу, а трудящимся и преемственности революционного процесса, поэтому нельзя претендовать разрушить то, что сейчас является инструментом созидания и перемен в интересах Чили и трудящихся масс»¹.

С. Альенде так и не добился поддержки своей линии внутри соцпартии, парадигмой для которой являлась кубинская революция, а идеи президента отвергались ею как реформистские и социал-демократические. В то же время идеи С. Альенде о мирном конституционном пути к социализму были близки политической линии, много лет проводимой чилийской компартией, и поэтому находили в ней отклик. Хотя КПЧ как марксистско-ленинская партия декларировала ортодоксальные идеи советского образца, на деле она проводила политику «просвещенного прагматизма», разумно соотнося эти идеи с чилийской национальной спецификой. Так, КПЧ защищала необходимость диктатуры пролетариата, но считала, что чилийская революция находится на антиолигархическом и антиимпериалистическом этапе развития, поэтому вопрос о диктатуре пролетариата не стоит на повестке дня. Коммунисты поддерживали все практические шаги С. Альенде, и все три года нахождения у власти правительства Народного Единства президент находил свою основную поддержку у компартии.

Христианско-демократическая партия занимала двойственную позицию относительно концепции «чилийского пути к социализму». С одной стороны, она поддерживала стремление С. Альенде действовать в рамках конституции, при уважении демократических прав и свобод, с другой — критиковала его за не-

¹ «La Nación». 22.05.1972.

определенность новой модели социализма, выражая опасение, что, в конечном счете, она сведется к советской модели. Что касается чилийских правых, то они считали, что социализм по определению не может быть демократическим, и вся затея с Народным Единством является не более чем маскировкой тоталитарных устремлений коммунистов.

Первые месяцы пребывания у власти Народного Единства ХДП занимала относительно благожелательную позицию по отношению к левому правительству, не подвергая его действия резкой критике. Прогрессивное крыло христианской демократии во главе с Р. Томичем видело миссию своей партии в том, чтобы играть роль умеренного центра как ядра политической стабильности страны, препятствующего поляризации общества. Многие демохристиане считали, что пребывание у власти левой коалиции создаст предпосылки для возвращения во власть ХДП путем победы на президентских выборах в 1976 г. ХДП в тот период позиционировала себя как альтернатива левому правительству, но не оппозиция. Она поддерживала Народное Единство во всем, что совпадало с программой христианской демократии — а таких совпадений было немало — и оппонировала в случаях, когда левая коалиция предпринимала шаги, могущие, по мнению ХДП, привести к навязыванию Чили советской модели социализма.

Однако внутри демохристианской партии отсутствовала единая позиция по вопросу о возможной степени сотрудничества с Альенде, шли острые дискуссии между умеренным крылом и сторонниками более жесткой линии. Позиция ХДП резко изменилась после убийства в июне 1971 г. Э. Переса Суховича, бывшего министра внутренних дел в правительстве Фрея, членами небольшой ультралевой группировки ВОП (Организованный авангард народа). Поводом к его убийству стал расстрел демонстрации в г. Пуэрто-Монтте в 1969 г., произошедший с ведома тогдашнего министра. Это событие привело к острому кризису христианской демократии, в результате которого внутри партии удалось навязать свою гегемонию правому крылу во главе с Э. Фреем, хотя фрейсты еще не контролировали полностью руководство ХДП. Убийство Э. Переса Суховича стало серьезным аргументом для противников сотрудничества с правительством, что привело к провалу переговоров, которые велись с Народным Единством, подтолкнув ХДП к сближению с Национальной партией.

Начавшееся сближение христианской демократии с правыми встретило сопротивление левого крыла партии. На дополнительных выборах в Вальпараисо левым демохристианам не удалось воспрепятствовать заключению партией тактического союза с правыми, что спровоцировало новый раскол ХДП. В августе 1971 г. из партии вышла небольшая группировка, примкнувшая затем к Народному Единству — Левые христиане (ИС). Это был уже второй раскол ХДП после выхода из нее МАПУ в 1969 г. Разрыв левого крыла с партией привел к полному доминированию в ней правых. Это обстоятельство облегчило начавшееся сближение христианских демократов с Национальной партией.

В дальнейшем ХДП продолжала колебаться, ее переговоры с Народным Единством периодически возобновлялись, в отдельных вопросах она поддерживала правительство, но, тем не менее, становилось очевидным сползание партии вправо. Деятельность Народного Единства (экспроприация малых предприятий, растущий дефицит продуктов) все больше шла вразрез с интересами среднего класса, бывшего основной опорой христианской демократии, что снижало шанс найти общий язык с левыми. Активизация правых сводила на нет попытку ХДП играть роль центра стабильности, удерживавшего события в рамках законности. «Наша собственная база давит на нас, требуя от нас все большей агрессивности» — признал один из руководителей партии Р. Фуэнтеальба¹. Окончательный переход ХДП в оппозицию к Народному Единству привел к складыванию в чилийском обществе двух непримиримых блоков — левого правительства и правоцентристской оппозиции.

Воспользовавшись ухудшением экономического положения в стране, в конце 1971 г. чилийская оппозиция перешла к стратегии уличных мобилизаций, в которой правые преуспели гораздо больше демохристиан, удачно перехватив инициативу. Так, ими был организован первый «кастриольный бунт» — уличный марш женщин, в основном из средних слоев, стучавших в пустые кастрюли, символизировавшие нехватку продовольствия. Способность правых к мобилизации масс удивила политическую элиту Чили: тысячи женщин, многие из которых наверняка впервые в жизни отважились публично заявить свой протест, вышли на улицы Сантьяго. Женские марши охранялись членами молодежных организаций ультраправой, полуфашистской группировки «Патриа и Либертад» (Родина и Свобода), Нацио-

¹ Política y Espíritu. Santiago, 1972, № 331. P. 73.

нальной и Демокристинской партий, что приводило к столкновениям со сторонниками Народного Единства, выразившими свое возмущение подобными акциями. Беспорядки в чилийской столице продолжались несколько дней, закончившись возведением оппозицией баррикад в восточной фешенебельной части Сантьяго и стычками с карабинерами.

Чилийские правые поняли, что столь удобные для них призывы к аполитичности в то же время позволяют мобилизовать широкие слои граждан в защиту конкретных экономических требований, которым затем по мере развития событий может быть придан политический характер. Помимо христианской демократии и правых партий, вставших в Конгрессе в жесткую оппозицию к правительству С. Альенде, большую роль в его свержении сыграли предпринимательские круги Чили. В основном им направлялась американская финансовая помощь, их действия стали мощным ударом по Народному Единству, в особенности забастовка хозяев-водителей грузовиков, начавшаяся в октябре 1972 г. и вскоре парализовавшая весь грузовой транспорт страны. К этой забастовке присоединились хозяева-водители автобусов, мелкие торговцы и профессиональные коллегии, чьи интересы также оказались затронуты проводимыми правительством реформами. С разной степенью интенсивности эта забастовка вспыхивала еще несколько раз до военного переворота.

Общая сумма, потраченная США на подрывную деятельность в Чили и помощь оппозиции в 1970—1973 гг., составила 7 млн долл.¹ — огромная по тем временам сумма для маленькой страны. Чилийские правые, представители предпринимательских кругов и часть националистически настроенных военных поддерживали с американцами тесные отношения и рассчитывали на их помощь. Самая влиятельная правая газета Чили «Меркурио», выходившая тиражом около 300 тыс. экземпляров, стала главным рупором пропаганды против С. Альенде. «Меркурио» получила от США 1,5 млн долл. Ее главный редактор Р. Сильва Эспехо поддерживал тесные контакты с армией и в дальнейшем сыграл важную роль в организации и координации переворота. Тонкие механизмы психологической манипуляции через СМИ способствовали процессу радикализации средних слоев и мелкой буржуазии, склонившихся в итоге к поддержке антиконституционных действий оппозиции. В своих рассекре-

¹ См.: Archivos secretos. Documentos desclasificados de la CIA. Santiago, 1999. P. 196.

ченных документах ЦРУ признало, что американская помощь правым сыграла важную роль в подготовке условий для вмешательства военных в Чили.

Обострение обстановки в стране в 1972 г. привело чилийских социалистов к выводу о необходимости ускорения революционного процесса и мобилизации масс. СПЧ внесла предложение провести плебисцит по трем важнейшим вопросам, связанным с реализацией экономических преобразований: национализация предприятий, чей капитал на 31 декабря 1971 г. превышал 14 млн эскудо, экспроприация имений размером более 40 га, установление рабочего контроля над производством в форме производственных советов и крестьянских коммунальных советов. Компартия подвергла критике эти предложения, считая, что они выходят за рамки программы Народного Единства. Между чилийскими социалистами и коммунистами вновь обострились разногласия: СПЧ считала, что главное — продвигаться вперед, пусть даже и с нарушениями буржуазной законности, КПЧ настаивала на первоочередной необходимости консолидации достигнутого на данном этапе.

Видя назревший кризис внутри коалиции, в мае 1972 г. С. Альенде решил созвать ассамблею партий Народного Единства с целью их сплочения вокруг президента и консолидации преобразований. Руководители всех партий, входящих в коалицию, заседали несколько дней в предгорном районе Сантьяго Ло Курро, где были приняты важные решения. С. Альенде поставил участников встречи перед дилеммой: либо форсирование революционных преобразований, ведущее к дальнейшей поляризации общества и к возможному столкновению с буржуазной оппозицией, либо постепенное продвижение вперед в рамках конституции. Опираясь на поддержку коммунистов, С. Альенде отверг призыв своих соратников по партии провести плебисцит, заявив, что главное сейчас — консолидация завоеваний революции. Позиция КПЧ и С. Альенде была поддержана радикалами и АПИ, левые христиане поддержали социалистов, МАПУ заняло промежуточную позицию.

На ассамблее в Ло Курро С. Альенде удалось на время добиться объединения входящих в коалицию партий вокруг идеи консолидации, однако осуществление его предложений во многом зависело от позиции ХДП. Президент вновь обратился к руководству христианских демократов, пригласив их в свою резиденцию для возобновления конструктивного диалога в целях решения насущных вопросов развития страны. Приглашение было принято, однако консервативное крыло ХДП согласилось на уча-

стие в переговорах чисто формально, не имея намерений прийти к серьезным соглашениям. Кроме того, христианская демократия подверглась жесткой критике со стороны Национальной партии, обвинившей ее в том, что подобная соглашательская политика способствует продвижению коммунизма в Чили, пусть даже и с использованием демократических механизмов.

На продолжавшихся две недели переговорах между Народным Единством и ХДП обсуждалось дальнейшее расширение государственного сектора экономики, самоуправление на предприятиях, национализация банков и другие проблемы. За этот срок так и не было достигнуто никакого соглашения, поэтому Народное Единство выступило за продление переговоров, но ХДП отказалась, предложив перенести все дебаты в Конгресс. Это в корне меняло положение, ибо в этом случае в дискуссии участвовали бы и правые, что заранее обрекало на неудачу саму идею достижения компромисса. Таким образом, была потеряна последняя возможность прийти к консенсусу в чилийском обществе и продолжить преобразования конституционным путем.

10 июля 1972 г. С. Альенде выступил с обращением к чилийскому народу, в котором проанализировал сложившуюся в стране ситуацию. Он обвинил оппозиционное большинство в Конгрессе в нарушении конституции путем вынесения бесконечных конституционных обвинений против президента и министров правительства, что вело к ослаблению существовавшей в Чили президентской республики и превращению ее в парламентскую. С. Альенде намекнул на существование связи чилийской оппозиции с международными силами, заинтересованными в свержении Народного Единства с целью не допустить распространения чилийского опыта. Президент Чили обратил внимание на опубликованные в прессе США материалы о программе, представленной правительству этой страны американской компанией ИТТ (Интернешнл Телефон энд Телеграф), предлагавшей свою помощь в борьбе против левого правительства Чили. Программа включала в себя список мероприятий, направленных на обострение экономического кризиса, задержку поставок горючего для чилийских вооруженных сил, провоцирование конфликта между Национальным Конгрессом и президентом Чили.

С. Альенде подчеркнул, что усилия правительства направлены на то, чтобы избежать поляризации политических сил, выразил свою готовность к диалогу с христианскими демократами и твердое намерение уважать демократию и конституцию. Он высказал надежду, что парламентские выборы 1973 г. покажут, кто

получит большинство в Конгрессе. Однако Альенде вновь столкнулся с противостоянием соцпартии внутри Народного Единства, которая оценила ситуацию по-иному, призвав к радикализации процесса преобразований и прямым действиям масс под лозунгом: «Двигаться вперед без промедлений». Провал переговоров с ХДП усиливал позиции «революционного полюса» внутри Народного Единства, кроме того, для всех партий коалиции было очевидно, что объединенная оппозиция, включавшая правых и христианских демократов, взяла курс на свержение правительства любыми средствами, в том числе и неконституционными. С лета 1972 г. тенденция к поляризации чилийского общества стала необратимой.

Народное Единство пыталось разрешить возникшие проблемы паралича транспорта и торговли двумя путями: призывами к народной мобилизации, что вело к радикализации процесса реформ, одновременно прибегая к помощи военных в организации снабжения населения. В ноябре 1972 г. С. Альенде включил грех генералов в состав своего кабинета, в том числе главнокомандующего армией К. Пратса, занявшего важнейший пост министра внутренних дел¹. Это назначение помогло положить конец забастовке транспортников, а также принять меры по обеспечению социального спокойствия, столь необходимого стране, особенно перед приближающимися парламентскими выборами. Контр-адмирал И. Уэрта стал министром общественных работ, генерал К. Сепульведа — министром горнодобывающей промышленности. В министерстве экономики был создан Национальный секретариат по распределению и коммерциализации во главе с генералом ВВС А. Бачелетом², который занимался внедрением карточной системы для малоимущих слоев и контролем над ценами. Таким путем левая коалиция пыталась восполнить недостаток поддержки на уровне политических партий и общественных организаций, обеспечить функционирование государственных институтов и снабжения населения, а заодно заручиться поддержкой военных или хотя бы их части.

С момента прихода к власти Народного Единства ключевым стал вопрос о роли армии: сохранят ли военные верность кон-

¹ Пост министра внутренних дел соответствовал главе кабинета, а в случае отсутствия, недееспособности или смерти президента министр становился вице-президентом, главой государства.

² Отец нынешнего президента Чили, первой женщины — главы государства в истории страны Мишель Бачелет.

ституции в случае внесения в нее изменений или прибегнут к силе для защиты существующего капиталистического строя? Ведь в отличие от большинства стран Латинской Америки, где армия принимала в политике весьма активное участие, Чили выделялась своими демократическими традициями, преемственностью исторического развития страны, стабильностью ее политической системы, вследствие чего вооруженные силы никогда не были активным действующим лицом политики. В XX в. чилийские военные находились у власти лишь в 1925—1932 гг., их вмешательство в политику в тот период носило ярко выраженный антиолигархический характер и, будучи направлено на модернизацию государства и экономики, способствовало вовлечению во власть средних слоев.

Чилийское офицерство в большинстве своем принадлежало к среднему классу, разделяя его менталитет и социально-экономические интересы. Основным выражением недовольства со стороны армии были требования повышения зарплаты. Во время выборов 1970 г. в чилийских вооруженных силах господствовала так называемая «доктрина Шнейдера»¹, провозглашавшая невмешательство военных в политику. Доктрина Шнейдера стала ключом к налаживанию сотрудничества армии с правительством Народного Единства, она претендовала на роль официальной идеологии вооруженных сил, интерпретируя в новом духе профессионализм военных. Народному Единству удалось в тот момент использовать нейтралитет армии для изоляции своих политических противников. Даже аналитики ЦРУ, готовившие вмешательство в Чили в сентябре-октябре 1970 г., сделали тогда вывод о невозможности использования чилийской армии для совершения переворота с целью воспрепятствовать приходу левых к власти. ЦРУ продолжало поддерживать тесные контакты с чилийскими офицерами и уже в 1971 г. начало получать сведения о готовящемся заговоре в армии. В январе 1972 г. офис ЦРУ в Сантьяго установил связь с лидером военных заговорщиков, и США пришли к выводу, что появилась возможность успешной реализации государственного переворота в Чили.

Конституционализм чилийских военных, ставший их официальной доктриной еще в 1930-х гг., носил во многом формальный, поверхностный характер, так и не укоренившись в армейском менталитете. В 30—40-х гг. многие чилийские военные,

¹ По имени убитого главнокомандующего армией генерала Р. Шнейдера.

особенно офицеры-выпускники Военной Академии, испытывали симпатии к германским нацистам. В 50-е гг. немецкое идеологическое влияние в армии сменилось американским, чилийские офицеры стали проходить подготовку на военных базах США, где они воспитывались в духе доктрины национальной безопасности. Согласно этой доктрине, латиноамериканские военные, являясь частью западного мира, должны были защищать «западные ценности» от коммунистической угрозы. Причем речь шла не столько о внешней угрозе, которая представлялась мало реальной в Латинской Америке, сколько о необходимости борьбы с «внутренним врагом».

Под внутренним врагом в доктрине понимались любые антикапиталистические социальные движения, народные организации, которые объявлялись инструментами иностранного влияния, и в борьбе с ними считались допустимыми любые средства. Не вникая в причины социальных конфликтов, доктрина национальной безопасности сводила их к подрывной деятельности мирового коммунизма, создавая образ врага, которым становилась часть нации. Доктрина национальной безопасности подрывала демократические устои чилийского государства, ведь ситуация, когда армия считала часть граждан «внутренним врагом», противоречила политической свободе, плюрализму, равенству всех перед законом. Аполитичность чилийской армии на проверку вскоре оказалась мифом. После прихода к власти Пиночета эта демагогия активно использовалась для оправдания переворота, гражданам страны внушалось, что Чили находится в состоянии «внутренней войны», поэтому военные вынуждены взять на себя роль спасителей отечества.

По мере того как проводимые Народным Единством реформы стали затрагивать не только интересы крупных предпринимателей и иностранного капитала, но также и средних слоев, их недовольство нашло свое отражение и в среде военных. Другим серьезным фактором политического давления на армию было общее усиление оппозиции Народному Единству в стране, особенно сдвиг вправо ХДП — крупнейшей партии Чили, представлявшей в основном средние слои. Правые, имевшие влияние на чилийское офицерство, способствовали раздуванию антимарксистской кампании в армии, пытаясь дискредитировать ее конституционалистское руководство, в первую очередь главнокомандующего К. Пратса.

В феврале 1972 г. в руках К. Пратса оказалась докладная записка, представленная одному из армейских генералов его под-

чиненным, где говорилось, что большинство офицеров считало главнокомандующего слабым и продавшимся левым марксистам. В сентябре 1972 г. произошел инцидент с армейским генералом А. Каналесом, который публично сделал следующее заявление: «В течение 60 дней произойдет военный переворот; главнокомандующий не принимает мер и не хочет иметь проблем с правительством; низшие офицеры готовы действовать и, если кто-то из генералов не возглавит движение, то это сделает полковник; карабинеры на грани мятежа; генералы ВВС считают, что нынешнее правительство не может оставаться у власти»¹... После этого выступления А. Каналес был отправлен в отставку, но продолжал выступать в прессе, защищая свои крайне правые националистические идеи, что, безусловно, влияло на настроения молодых офицеров.

В конце 1972 г., когда несколько генералов были включены в правительственный кабинет, возникло еще одно противоречие: в то время как умеренное крыло Народного Единства, коммунисты и С. Альенде апеллировали к традиционному конституционализму военных, их участие в правительстве неизбежно означало втягивание армии в текущую политику. Кроме того, свою работу непосредственно в армейских рядах вели социалисты и миристы, а также крайне правые чилийские группировки, самой известной из которых являлась «Патриа и либертад». Леваки делали ставку на раскол армии и ее переход на сторону народа и революции, правые же призывали военных воспрепятствовать установлению в Чили марксистской диктатуры.

В итоге приверженцы конституции внутри чилийских вооруженных сил остались в меньшинстве, ибо на деле эта позиция постепенно превращалась в участие в политике на стороне левого правительства, что противоречило настроениям большинства офицерства. По итогам парламентских выборов в марте 1973 г. стало очевидно, что убрать Альенде конституционным путем не удастся. После этого в армии окончательно взяли верх сторонники переворота, ускорившие свою деятельность по его подготовке. На конституционалистское руководство армии оказывалось сильнейшее давление, в ответ на которое главнокомандующий К. Пратс издал воззвание к офицерскому корпусу, в котором говорилось о необходимости оставаться в профессиональных и конституционных рамках, придерживаться нейтралитета в политике. Однако было уже поздно, чилийская армия была

¹ *Prats Gonzalez C. Memorias. Testimonio de un soldado. P. 289.*

слишком идеологизирована и напугана призраком «марксистской угрозы».

Наряду с армией огромную роль в свержении правительства С. Альенде сыграло крупное предпринимательство. После начала проведения Народным Единством реформ, затрагивающих основы капиталистического строя, чилийские предприниматели стали искать пути защиты своих интересов. Основная организация, объединяющая крупных предпринимателей Чили, СОФОФА (Общество промышленного развития), уже в сентябре 1971 г., через 10 месяцев после прихода к власти Альенде, организовала семинар в г. Винья-дель-Мар. Президент СОФОФА О. Саэнс вспоминал, что участники дискуссий пришли к выводу, что деятельность Народного Единства несовместима со свободой Чили и существованием частного предпринимательства, поэтому единственным выходом является свержение правительства¹.

На семинаре предпринимателей были приняты решения о создании особой военизированной структуры, включающей собственную службу безопасности, о разработке программы альтернативного правительства, поддержании тесных контактов с военными, поисках источников финансирования антиправительственной деятельности как внутри страны, так и за рубежом. Своими потенциальными союзниками предприниматели видели в первую очередь военных, крайне правые националистические группировки, опиравшиеся на большую часть среднего класса. Через год, в сентябре 1972 г. подобный союз уже фактически сложился, а созданная предпринимателями конспиративная группа имела весьма разветвленную структуру, одна лишь ее служба безопасности насчитывала более 70 человек. В эту группу входили представители организаций транспортников, розничной торговли, профессиональных коллегий, будущий идеолог военной хунты Х. Гусман, а также крайне правая группировка «Патриа и Либертад». Под контролем группы находились более 30 радиостанций и 20 газет Чили.

Сходные процессы происходили внутри чилийских вооруженных сил, где противники правительства С. Альенде начали создание конспиративной сети. Первые спонтанные встречи оппозиционных высших офицеров состоялись в середине 1972 г. Их активными участниками были близкий правому крылу ХДП генерал армии С. Арельяно Старк, будущие члены хунты ярый анти-

¹ См.: *González M. La conjura. Santiago, 2000. P. 119.*

коммунист адмирал Х. Торибио Мерино и сторонник корпоративизма генерал авиации Г. Ли. По общему признанию, Г. Ли вскоре стал душой заговора¹. На этих встречах военными сразу же был поставлен вопрос о свержении Народного Единства как единственном выходе из сложившейся ситуации, начали планироваться конкретные шаги в этом направлении.

Было решено начать мятеж на крупнейшей базе ВМФ Чили в порту Вальпараисо, так как заговорщики знали настроения офицеров флота, наиболее элитарной и консервативной части вооруженных сил, и были уверены в их полной поддержке. Ситуация внутри армии была не столь однозначной, поэтому ее представители, в частности, генерал Арельяно Старк, предложили подождать до тех пор, пока не будет полной уверенности в поддержке переворота армейскими офицерами. Подобная работа велась и в корпусе карабинеров, где одному из генералов, стороннику заговорщиков, было поручено инспектировать полицейские части по всей стране, которые он объезжал 2—3 раза в неделю, зондируя настроения офицеров и сержантского состава и проводя среди персонала соответствующую пропаганду.

В конце 1972 г. были установлены первые контакты между конспиративной группой СОФОФА и представителями чилийского флота. В начале 1973 г. к ним присоединились высшие офицеры ВВС. Эти контакты быстро превратились в постоянные встречи предпринимателей с военными с целью координации действий по организации переворота. Армейские офицеры не участвовали в этих инициативах до последнего момента, пока не стала очевидной неизбежность военного мятежа. Одним из основных препятствий для участия армии в заговоре был ее главнокомандующий К. Пратс, твердый сторонник уважения конституции.

Армейская верхушка имела тесные контакты с крайне правой группировкой «Патриа и Либертад». Один из ее лидеров Р. Тим вспоминал, что некоторые из террористических актов, осуществленных его организацией, были непосредственно заказаны армейскими заговорщиками: «Когда был разработан план свержения Народного Единства, вооруженные силы установили с нами контакт для того, чтобы мы оказали им операционную поддержку для парализации страны и создания условий для переворота. Речь шла о блокировании дорог, взрывах линий электропередач и связи, и мы получили от армии поддержку в части

¹ См.: *Gonzalez M. La conjura*. P. 134.

логистики. Эти операции были реализованы между 16 июля и 11 сентября 1973 г.» Весьма примечателен и тот факт, что глава организации предпринимателей СОФОФА О. Сазнс, статус которого был несовместим с публичным участием в политике, являлся тайным членом «Патриа и Либертад».

На парламентских выборах в марте 1973 г. Народное Единство получило 43,4 % голосов — меньше, чем на муниципальных выборах 1971 г., но больше, чем на президентских выборах 1970 г. Это позволило левой коалиции увеличить свое представительство в Конгрессе на двух сенаторов и шесть депутатов. Правый оппозиционный блок Демократическая Конфедерация (КОДЕ), созданный Национальной партией и ХДП, получил 54,7 %, что делало невозможным отстранение от власти президента страны Конгрессом путем вынесения обвинения в нарушении конституции, так как для этого оппозиции требовалось обеспечить две трети голосов. Сложилась весьма опасная политическая ничья, страна снова раскололась почти пополам, не случайно компартия Чили вскоре после выборов выдвинула лозунг: «Нет гражданской войне!»

После парламентских выборов военные члены кабинета подали в отставку, сочтя свою миссию законченной, но обстановка в стране продолжала накаляться. Снова объявили забастовку профессиональные коллегии адвокатов, учителей и медиков, к ним присоединились транспортники, а затем и рабочие медной промышленности. Забастовка на одном из крупнейших в Чили рудников Эль-Теньенте продлилась больше двух месяцев.

29 июня 1973 г. в Чили вспыхнул военный мятеж, получивший название «танкетасо» (танковый мятеж). Войска во главе с полковником Р. Супером, командиром 2-го танкового полка, захватили центр Сантьяго. Попытка переворота на этот раз была успешно подавлена благодаря решительным действиям главнокомандующего армией К. Пратса и других офицеров, верных правительству. Отличился при подавлении мятежа и генерал А. Пиночет. В тот период он еще занимал выжидательную позицию. Позднее он вспоминал, что эти события сыграли ему на руку, так как поднятый другими мятеж фактически послужил нечаянной генеральной репетицией будущего переворота, обнажив слабые места противника.

Несмотря на то что военный мятеж был подавлен, угроза государственного переворота в Чили стала реальностью. Мятежники пользовались симпатиями как части молодых офицеров,

так и многих высших армейских чинов, в последний момент не решившихся принять участие в военном выступлении. Многие военнотружашие 2-го танкового полка параллельно являлись членами правоэкстремистской группировки «Патриа и Либертад», принявшей активное участие в организации мятежа и ушедшей в подполье сразу после его провала. В ночь после подавления мятежа членам «Патриа и Либертад» удалось похитить со склада 2-го танкового полка большое количество вооружения и боеприпасов, в том числе тяжелые пулеметы, что позволило им неплохо вооружиться для продолжения своей террористической деятельности.

На следующий день после подавления мятежа чилийским генштабом был создан «комитет 15-ти», в который вошли по 5 высших офицеров от каждого рода войск. Его возглавили адмирал П. Карвахаль и генерал авиации Н. Диас Эстрада, которые были активными участниками заговора по подготовке переворота. Таким образом, комитет, созданный с целью объединения и координации усилий всех родов войск в критической для страны ситуации, вскоре фактически превратился в штаб военного переворота. Командующие родами войск не участвовали в заседаниях комитета, но предполагалось, что они руководят его деятельностью, поэтому заговорщики могли действовать, не вызывая подозрений.

О степени координации подготовки переворота между военными и предпринимательскими организациями свидетельствует один из рассекреченных документов ЦРУ: «Офицеры-заговорщики ожидают, что забастовка владельцев грузовиков, назначенная на 26 июля, будет отложена до тех пор, пока «комитет 15-ти» не найдет способа завершить подготовку своего антиповстанческого плана, который послужит базой для государственного переворота. Поэтому адмирал П. Карвахаль попытался убедить Л. Вильярина, президента Федерации владельцев грузовиков, отложить забастовку до завершения военными своего плана... Заговорщики во флоте и ВВС продолжают совместную работу по подготовке государственного переворота, никто не планирует односторонних действий»¹.

Христианская демократия резко изменила свою линию после попытки военного мятежа. Если до того, будучи в оппозиции Народному Единству, она все же придерживалась стратегической линии, направленной на защиту конституции, в надежде

¹ Gonzalez M. La conjura. P. 187.

вновь прийти к власти на выборах 1976 г., то после танкового мятежа демохристиане пришли к выводу о неизбежности военного переворота. Подобное развитие событий грозило ХДП потерей инициативы, полностью перехваченной правыми в союзе с военными. В мае 1973 г. ХДП возглавил ее правый лидер П. Эйлвин, а левое крыло партии практически утратило влияние на руководство. В ситуации раскола чилийского общества на два враждебных лагеря, поправевшие христианские демократы сочли, что их главными врагами являются марксисты. К такому выводу их подталкивали продолжавшиеся захваты предприятий и развитие параллельных органов народной власти, стимулируемые левым «революционным полюсом».

ХДП сделала новую попытку повлиять на ход событий, внеся предложение о вхождении в правительство военных с самыми широкими полномочиями вплоть до смещения руководителей среднего звена. Эту идею выдвинул бывший президент Э. Фрей, чье мнение оставалось решающим для его партии. Если бы ее удалось реализовать, то Народное Единство фактически было бы отстранено от власти без нарушения конституции, а С. Альенде правил бы вместе с военными, опираясь на их силу. Это был бы тот же государственный переворот, но осуществленный в мягкой форме и формально в рамках закона. ХДП стала искать способ уговорить на это С. Альенде.

Одновременно С. Альенде делал последние попытки возобновить диалог с демохристианами, обратившись с просьбой о посредничестве к высшей церковной иерархии. 16 июля 1973 г. чилийский кардинал Р. Сильва Энрикес обратился к противоборствующим сторонам с воззванием к миру и диалогу. Первыми кардинала поддержали коммунисты. Социалисты вновь заявили о невозможности переговоров с христианскими демократами, обвинив последних в стремлении свергнуть правительство. Решающее слово оставалось за ХДП.

Через три дня лидер ХДП П. Эйлвин заявил о готовности его партии к переговорам, после чего получил от С. Альенде приглашение во дворец Ла-Монедра. На начавшихся 30 июля переговорах обсуждались многие острые политические проблемы, по которым существовал определенный консенсус между христианскими демократами и Народным Единством. Камнем преткновения стало предложение ХДП о вхождении военных в правительство, больше походившее на ультиматум. Его принятие президентом С. Альенде означало бы полный отказ от осуществле-

ния предвыборной программы Народного Единства и подчинение военным, что было изначально неприемлемо.

Вновь закончившиеся безрезультатно переговоры показали, сколь велика была степень поляризации общества, когда центристская партия уже не могла претендовать на роль арбитра, будучи вынуждена примкнуть к одной из противоборствующих сторон. Уже во время переговоров с С. Альенде ХДП поддержала вновь начавшуюся забастовку владельцев грузовиков и других профессиональных ассоциаций, поставивших целью парализовать страну. Э. Фрей был сторонником военного переворота, считая его единственной возможностью избежать гражданской войны, угроза которой становилась все более реальной. Он надеялся, что приход к власти военных будет кратковременным и насколько это возможно, мягким. Идея «мягкого переворота» довлела над христианскими демократами, недооценившими глубину политического кризиса в стране. Это был не просто политический кризис, а кризис модели развития, и в стране уже созрели новые социальные и политические силы, не связанные с устоявшейся партийно-политической элитой и готовые взять власть в свои руки.

Одним из последних шагов ХДП в этом направлении стала попытка вынудить президента уйти в отставку. Это позволило бы провести новые выборы, на которых партия рассчитывала на победу своего кандидата. 9 сентября ХДП призвала своих парламентариев подать в отставку в надежде, что их примеру последуют другие депутаты оппозиции, парализовав работу парламента, что должно было вынудить президента добровольно уйти со своего поста. Но было уже слишком поздно, грядущий военный переворот не дал христианским демократам возможности осуществить свои планы.

Неудавшаяся июньская попытка военного мятежа резко накалила обстановку в Чили, и С. Альенде поставил перед Конгрессом вопрос об объявлении осадного положения. Оппозиционный парламент отказал президенту. Вместе с тем чилийская армия начала активно применять принятый в 1972 г. Закон о контроле над оружием, давший военным полномочия обыскивать места, где подозревалось наличие оружия. Начались проводиться военные операции против ультралевых и ультраправых экстремистов, по они часто использовались военными заговорщиками в своих целях, против лиц или групп, связанных с левыми партиями и правительством.

Изоляция конституционалистского руководства внутри чилийской армии усиливалась с каждым днем, оно постоянно подвергалось давлению антикоммунистически настроенного офицерства. Генерал К. Пратс вспоминал об одном из заседаний «комитета 15-ти» с участием командующих родами войск: «Атмосфера встречи стала напряженной, когда некоторые из участников заявили командующим родами войск о растущей озабоченности офицерства «пассивной позицией армейского командования» относительно захватов земельных участков и предприятий, действий «параллельной народной армии» и нападок Альтамирано и Энрикеса¹ на вооруженные силы»².

Таким образом, часть генералов взяла на себя смелость предстать перед главнокомандующим выразителями политических настроений офицерства и поставить под сомнение позицию верховного командования, явно нарушив армейскую дисциплину и иерархию и поставив вооруженные силы под угрозу раскола. Пропасть между официальным конституционализмом, декларируемым главнокомандующим и несколькими высшими генералами и реальной позицией большей части чилийского офицерства, становилась непреодолимой. Немалый психологический эффект на армию оказали новые демонстрации правых, начавших забрасывать кукурузные зерна в ворота казарм как намек на то, что военные ведут себя как курицы, не осмеливаясь на государственный переворот.

В период с 27 июля по 3 августа в Чили произошло 180 террористических актов, самым громким их которых стало убийство А. Арайя, военно-морского адъютанта президента. К середине августа 1973 г. были совершены еще 253 теракта, итогом которых стали 5 убитых, более сотни раненых, стране был нанесен огромный экономический ущерб. Военные вновь вошли в состав кабинета. В правой прессе была развязана антиправительственная кампания, включавшая открытые призывы к свержению С. Альенде. Оппозиционные депутаты Конгресса заявляли о нарушении конституции Народным Единством, аналогичное обвинение было выдвинуто Верховным судом Чили, обвинившим правительство в неподчинении судебным решениям, 22 августа большинство оппозиционных депутатов Конгресса обратились с

¹ М. Энрикес — Генеральный секретарь МИР, близкий по взглядам к Генеральному секретарю СПЧ.

² *Prats Gonzalez C. Memorias. Testimonio de un soldado. P. 440.*

призывом к вооруженным силам вмешаться в политический процесс. Главным лозунгом оппозиции, заранее оправдывавшим готовившееся выступление военных, стала «неконституционность» самого правительства, в этой ситуации готовившийся переворот мог рассматриваться как восстановление конституционного правления.

В этих обстоятельствах многое зависело от внутренней консолидации и сплоченности Народного Единства, его способности найти выход из критической ситуации. Левое правительство продолжало пользоваться поддержкой народных масс. 4 сентября 1973 г., в третью годовщину прихода к власти президента С. Альенде, на праздничную манифестацию поддержки в одном лишь Сантьяго вышли около миллиона человек, состоялись демонстрации и в чилийской провинции. Однако простой мобилизации масс было недостаточно, нужно было срочно принимать ответственные политические решения.

Сальвадор Альенде пришел к выводу, что единственным способом избежать военного переворота является проведение плебисцита, где будет поставлен вопрос о доверии правительству. Он надеялся обсудить эту тему с христианскими демократами, но перед этим решение о плебисците должен был одобрить Политический комитет Народного Единства. Как и во многих предыдущих случаях за предложение С. Альенде выступили коммунисты, радикалы, Рабоче-крестьянское МАПУ и АПИ, против — социалисты, МАПУ и левые христиане. Тема плебисцита обсуждалась внутри левой коалиции всю первую неделю сентября. 8 сентября социалисты заняли бескомпромиссную позицию по поводу плебисцита, заявив, что «в случае переворота, несомненно, произойдет контрпереворот, который укрепит позиции правительства и позволит более решительно осуществлять его программу»¹. Произошедший через три дня переворот показал, сколь ошибочной была их оценка происходящего.

Утром 9 сентября члены Политкомиссии КПЧ попросили С. Альенде о встрече, на которой настаивали на срочном объявлении плебисцита, несмотря на противодействие соцпартии. Тем же утром СПЧ созвала массовый митинг на стадионе «Чили», где ее Генеральный секретарь К. Альгамирано громкогласно заявил, что «правые будут сметены безудержной силой объединенного народа, верных ему офицеров и солдат. Чили

¹ *Corvalán Marquéz L.* Del anticapitalismo al neoliberalismo en Chile. P. 271.

станет героическим Вьетнамом, если реакция посмеет посягнуть на власть в нашей стране»¹. Он упомянул и о контактах соцпартии с морскими офицерами, разоблачавшими деятельность заговорщиков во флоте.

Во время заседания чилийского президента с коммунистами раздался телефонный звонок. Один из участников встречи вспоминал, что, поговорив по телефону, С. Альенде сел и закрыл лицо руками. Через несколько минут он пришел в себя: «Я доверяю вам, извините меня за момент усталости. Фрида² сообщила мне о речи, которую сейчас произносит Карлос Альтамирано, это открывает путь государственному перевороту. Может произойти самое худшее»³. Тем не менее С. Альенде принял решение объявить чилийскому народу о проведении плебисцита, выступление президента по радио было назначено на утро 11 сентября.

Для С. Альенде это был крайне сложный шаг, ибо он решился на него вопреки позиции собственной партии. Принятие подобного решения без санкции Политического комитета Народного Единства и соцпартии означало лишь одно: правительственный блок утратил единое политическое руководство, способное к принятию стратегических решений в ситуации острейшего кризиса. И если внутри Народного Единства уже давно сформировались два противоположных крыла, погрязшие в бесконечных дискуссиях, то теперь левая коалиция фактически перестала существовать.

Об этом свидетельствовало и единоличное решение С. Альенде о плебисците. Президент Чили не питал иллюзий относительно его благополучного исхода, он всерьез рассматривал альтернативу ухода в отставку вместе с правительством, если таково будет мнение народа. Главным для Альенде было то, что плебисцит давал шанс избежать переворота. В этом случае его уход произошел бы в рамках конституции, и при приходе к власти оппозиции она все равно была бы вынуждена считаться с народным движением и левыми силами, составлявшими относительное большинство в стране. Однако самая большая проблема заключалась в том, что в Чили отсутствовала оппозиционная сила, заинтересованная в сохранении конституции и приходе к власти

¹ La Nacion. Santiago. 10.09.1973. P. 6.

² Речь шла об известной чилийской журналистке Ф. Модак.

³ La Época. 11.09.1994. P. 12.

законным путем. Правые и примкнувшие к ним демохристиане уже давно сделали ставку на военный переворот.

Высшая степень поляризации внутри армии стала очевидной после демонстрации, организованной 21 августа 1973 г. у дома главнокомандующего К. Пратса женами армейских офицеров. В ней приняли участие около полутора тысяч человек, помимо жен, несколько действующих офицеров. К. Пратс вспоминал об этом: «Капитан в форме, которым оказался зять отставного генерала Каналеса, приблизился к воротам дома, попросил тишины и воскликнул: «Генерал Пратс не представляет армию Чили, он предатель!» Этот возглас возбудил манифестантов, они стали кидать камни в окна дома, попытались ворваться в ворота, и их были вынуждены оттеснить от дома карабинеры»¹.

Через день К. Пратс подал в отставку, вместе с ним ушли его верные соратники генералы Г. Пикеринг, командующий гарнизоном Сантьяго, и М. Сепульведа, командующий военными академиями, также давно подвергавшиеся давлению со стороны заговорщиков. Тем самым они надеялись предотвратить раскол внутри чилийских вооруженных сил и возможность гражданской войны, но их поступок имел совсем другие последствия. Случилось то, чего так долго добивались заговорщики: все ключевые посты армейской иерархии перешли к сторонникам отстранения С. Альенде от власти путем переворота. Первым делом они начали устранять своих противников внутри армии. Чилийская армия не только не раскололась, но объединилась вокруг заговорщиков при молчаливом одобрении правой и демохристианской политической оппозиции, а также большинства предпринимательских и профессиональных организаций страны.

После отставки К. Пратса должность главнокомандующего согласно армейской иерархии занял генерал А. Пиночет. Он также считался сторонником конституционалистской линии в вооруженных силах, ему полностью доверяли генерал К. Пратс, да и сам президент. При обсуждении лидерами Народного Единства ситуации в армии после отставки К. Пратса, кандидатуры нового главнокомандующего и его верности конституции, С. Альенде высказался о Пиночете: «Да он не способен изменить не только конституции, но даже своей жене»². А. Пиночет вступил в должность, пообещав С. Альенде отправить в отставку

¹ См.: *Prats Gonzalez C. Memorias. Testimonio de un soldado.* P. 478.

² *Altamirano C. Dialectica de una derrota.* Mexico, 1977. P. 158.

6 армейских генералов, наиболее активно участвовавших в давлении на К. Пратса и в антиправительственной деятельности.

Тем временем подготовка государственного переворота шла полным ходом, и запущенный механизм вряд ли было возможно остановить. В заговор уже были вовлечены командующие тремя родами войск: адмирал Х. Торибио Мерино (ВМФ), генерал Г. Ли (ВВС), генерал С. Мендоса (корпус карабинеров), оставались только сухопутные войска. Среди армейских генералов ключевыми фигурами заговора являлись близкие правым христианиам А. Бонилья и С. Арельяно Старк, по некоторым версиям, склонные к «мягкому перевороту» и скорой передаче власти политической элите. Однако их участие еще не гарантировало успеха выступления военных, для его обеспечения и во избежание раскола армии было необходимо вовлечь в переворот нового главнокомандующего чилийской армией.

Генерал А. Пиночет окончательно присоединился к путчистам за несколько дней до переворота, когда армейский мятеж уже был неминуем. После победы он возглавил военную хунту, отодвинув в сторону или физически уничтожив своих бывших соратников, ставших соперниками. Так, вскоре после переворота генерал Бонилья погиб в автокатастрофе, а Арельяно Старк был отправлен с карательной миссией на север Чили, причем информация об этой экспедиции быстро просочилась в прессу из правительственных источников, что послужило последующей дискредитации генерала в 1980-е гг.

Столь быстрое превращение генерала А. Пиночета, слывшего сторонником конституции, в военного диктатора объясняется тем, что официальный конституционализм чилийских вооруженных сил был формальным, прикрывавшим глубокую идеологизацию военных. Трудно предположить, что Пиночет проникся правой антидемократической идеологией за несколько дней до переворота, безусловно, его политические взгляды сформировались за долгие годы армейской карьеры. То же самое можно сказать о многих армейских генералах и офицерах, внешне хранивших верность конституции, но с готовностью поддержавших антиправительственное выступление военных. Кроме того, в этом сыграл роль простой прагматизм: многие военные, как и Пиночет, в решающий момент сделали ставку на победителей. Государственный переворот показал, что чилийская армия отнюдь не являлась аполитичным и демократическим институтом, как считали многие чилийцы, и миф о ее верности конституции был жестоко развеян.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 11 СЕНТЯБРЯ 1973 г. И УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ (1973—1989)

Военный переворот в Чили был назначен на 11 сентября 1973 г. В этот день Сальвадор Альенде намеревался обратиться по радио к чилийскому народу, объявив о проведении плебисцита о доверии президенту. Это означало бы политический выход из сложившейся ситуации, в чем уже не были заинтересованы ни армейские заговорщики, ни правая оппозиция. Мятеж начался на рассвете в порту Вальпараисо, куда вошли корабли ВМФ, затем моряки заняли город. Сразу же после этого началось движение войск в Сантьяго. В пятом часу утра С. Альенде был разбужен телефонным звонком, после чего он срочно отправился в президентский дворец Ла-Монедра в сопровождении группы ближайших соратников. В тот момент им было еще неясно, насколько серьезна ситуация, какая часть военных на стороне заговорщиков. Сторонники С. Альенде в президентском дворце беспокоились даже об участии генерала А. Пиночета, не подозревая, что он стал во главе мятежа, однако уже через час члены военной хунты предъявили свой ультиматум президенту Республики. Ему и членам семьи гарантировалась жизнь при условии, что он немедленно покинет страну в самолете, который обещали предоставить военные.

С. Альенде отказался сложить свои полномочия по требованию хунты, заявив по телефону представителю генералов: «Президент Чили не сдается!» В 9 утра С. Альенде обратился к чилийскому народу с прощальной речью, ее передала радиостанция «Магальянес», которая сразу же подверглась бомбардировке авиацией. Последние слова народного президента были обращены к трудящимся Чили: «Я заплачу своей жизнью за верность тем принципам, которые были так дороги нашей родине... Перед лицом этих событий я хочу заверить трудящихся: я не уйду в отставку! Перед лицом истории я заплачу своей жизнью за вер-

ность народу... История — дело наших рук, ее творят народы... Трудящиеся моей родины! Верьте в Чили и ее будущее. Другие придут после этого темного и горького времени, когда предательство рвется к власти. Идите своим путем, веруя, что скорее рано, чем поздно будут проложены новые дороги, по которым пойдет свободный человек, строитель лучшего общества. Да здравствует Чили! Да здравствует народ и трудящиеся! Это мои последние слова, и я уверен, что моя жертва не будет напрасной»¹.

В 11 утра военными самолетами был атакован дворец Ла-Монедра, затем резиденция президента в столице на улице Томаса Мора. Хунта объявила осадное положение, рабочие окраины Сантьяго были оцеплены войсками. Перевороту почти нигде не было оказано вооруженного сопротивления. Конституционно избранного президента Чили защищали только оставшиеся с ним во дворце ближайшие соратники и телохранители, но их сил хватило лишь на несколько часов. Видя безвыходность ситуации, С. Альенде приказал женщинам и своим двум дочерям, а также всем желающим покинуть дворец Ла-Монедра, после чего около полудня покончил с собой в рабочем кабинете. В годы военной диктатуры была широко распространена подерживаемая левыми версия о том, что С. Альенде до последнего отстреливался из автомата, подаренного Фиделем Кастро, и был убит военными во время штурма Ла-Монедра. Однако в 1993 г., в 20-ю годовщину переворота, после прихода к власти демократического правительства, участники и очевидцы событий, находившиеся с С. Альенде в президентском дворце, официально подтвердили, что он совершил самоубийство.

В попытках оправдать государственный переворот чилийская военная хунта заявила о раскрытии так называемого «плана Зет», который якобы предполагал захват власти социалистами, вооружавшими чилийский народ с помощью Кубы и СССР. Однако существование этого плана никогда не было документально подтверждено. Воспоминания участников переворота говорят о том, что для них стало неожиданным практически полное отсутствие сопротивления военным. Несмотря на то что слухи о готовящемся перевороте ползли по стране уже несколько недель, он оказался полной неожиданностью для подавляющего большинства чилийцев. Сам А. Пиночет позднее признавался, что уже 11 сентября он убедился, что угрозы гражданской войны

¹ *Allende S. Discursos. La Habana, 1975. P. 592 — 594.*

в Чили не существует, так как не было ни ожидаемого отпора в промышленных районах Сантьяго, ни складов кубинского оружия в шахтерских городках Калама и Чукикамата¹. Однако сразу после переворота диктатор утверждал, что в Чили находятся 30 тыс. вооруженных кубинцев.

Во время переворота и в последующие дни военные потеряли в столкновениях около 30 человек, количество же убитых гражданских лиц превысило полторы тысячи, были арестованы десятки тысяч чилийцев. Масштаб репрессий после переворота оказался невиданным для страны с глубокими демократическими традициями, они затронули не только левых, но и умеренную оппозицию, почти все классы чилийского общества. В Чили в срочном порядке были организованы концлагеря, а также особые центры пыток — на стадионах, заброшенных рудниках, ибо тюрьмы были не в состоянии вместить такое количество арестованных.

В оправдание государственного террора хунта взяла на вооружение доктрину национальной безопасности, заявив, что в Чили ведется «внутренняя война» против марксистских и прочих подрывных элементов, под которыми подразумевались левые силы. Генерал Г. Ли заявил, что целью военной диктатуры было «уничтожить рак марксизма», разъедавший чилийскую нацию. Адмирал Х. Торибио Мерино назвал приверженцев марксизма «гуманоидами», иными словами, «недочеловеками», из чего следовало, что их жизни — ничто по сравнению с великой миссией спасения нации от марксизма. Таким образом, идеология военной хунты предполагала физическое устранение неугодной части чилийского общества.

Практическое осуществление этой задачи было возложено на Национальную службу безопасности (ДИНА), игравшую роль политической полиции. Она начала действовать уже в конце 1973 г. и была узаконена декретом хунты в середине 1974 г., формально подчиняясь хунте, а фактически — непосредственно А. Пиночету. Собственные службы безопасности с аналогичными функциями имелись во всех родах войск, между ними существовала координация действий. Агентами спецслужб помимо военных часто становились члены правоэкстремистских группировок. Размах деятельности чилийских спецслужб говорит о последовательном проведении политики государственного терроризма. С разной степенью интенсивности «внутренняя война» в

¹ См.: *Pinochet A El día decisivo*. 11 de septiembre de 1973. P. 141.

Чили продолжалась все 17 лет правления военных, но особенно жестокими и массовыми репрессии были первые 2—3 года после переворота. Были вынуждены эмигрировать многие левые и даже центристские политические лидеры, проведена чистка внутри армии. До сих пор не известно точное число убитых и умерших от пыток военных, отказавшихся от участия в перевороте, сотни «неблагонадежных» офицеров были разжалованы и изгнаны из вооруженных сил.

После переворота вся власть перешла в руки военной хунты, в которую вошли четыре командующих родами войск. Формальное первенство среди них принадлежало генералу А. Пиночету как главнокомандующему. Вначале хунта заявила о «коллегияльном руководстве», а на лидерство в ней претендовал генерал авиации Г. Ли как самый старший по выслуге лет среди командующих родами войск и принимавший активное участие в организации переворота. Однако довольно скоро не только формальная, но и реальная власть перешла единолично к А. Пиночету. Уже в июне 1974 г. ему был присвоен титул «Верховного вождя нации», таким образом, он фактически стал главой исполнительной власти, а за хунтой были оставлены законодательные функции. Постепенно сосредоточив в своих руках всю полноту власти, в 1981 г. А. Пиночет открыто заявлял: «Ни один листок не пошевелится в стране без моего ведома»¹.

Военные были назначены на все ключевые министерские посты, под их контроль перешли органы региональной и местной власти, государственные предприятия. Были запрещены партии Народного Единства, деятельность других политических партий «приостановлена», а потом и окончательно запрещена в 1977 г. Военная хунта отменила выборы в профсоюзах и оставила за собой право назначения их лидеров. Профсоюзные собрания стали проводиться с разрешения карабинеров. Были распущены Национальный Конгресс, Конституционный суд, уничтожены списки избирателей, ликвидированы все институты представительной демократии. Ректорами университетов были назначены отставные и действующие генералы, устроившие чистку преподавательского состава.

В прессе, на радио и телевидении была введена цензура. Сложным было положение демохристиан, их радио «Бальмаседа» подверглось временному закрытию за передачу выступления кардинала Р. Сильва Энрикеса, осудившего нарушения прав че-

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 280.

ловека в Чили, а затем была введена предварительная цензура. Она часто доходила до абсурда, хунте казались опасными даже музыкальные произведения, прославляющие идею жизни и свободы. Так, было запрещено передавать «Оду к радости» из 9-й симфонии Бетховена (она стала символом движения за права человека в стране), а песни со словами «солнце светит для всех» или «я верю, что все изменится» были сочтены музыкальным выражением политической критики режима. Были запрещены даже некоторые народные музыкальные инструменты, так как популярные группы, использовавшие их, поддерживали правительство С. Альенде. В первые недели после переворота на улицах Сантьяго горели костры из марксистских и прочих подозрительных книг.

Военный переворот произошел при общем согласии большинства христианской демократии и правых, многие из которых считали временной взятую на себя генералами функцию и надеялись на свой скорый возврат к власти. После переворота военная хунта заявила, что «принимает на себя высшее руководство нацией как патриотическую обязанность восстановить разрушенные институты», однако это было лишь конъюнктурное заявление. Уже через полгода «Декларация принципов Правительства Чили» провозгласила: «Речь не идет о передышке и восстановлении порядка, чтобы вернуть власть тем же политикам, которые несут ответственность за свое действие или бездействие, приведшее к разрушению страны. Правительство Вооруженных Сил и Порядка стремится начать новый этап в судьбе нации»¹.

Таким образом, военная хунта ставила перед собой задачи стратегического характера. Армия отнюдь не собиралась отдавать власть «политиканам». Диктатура выражала интересы не всей бывшей оппозиции Народному Единству, а лишь ее крайнего сектора: новых правых и крупного предпринимательства. Изначально переворот носил превентивный характер, его основной целью было воспрепятствовать социалистической революции в Чили, и у пришедших к власти военных не было своего плана модернизации. Но вскоре военные занялись глубокой перестройкой всего общества, что, в конечном счете, привело к смене политико-экономической модели развития страны.

Вначале военные правили на основе принимаемых хунтой декретов, причем в одном из них (№ 788, принят в декабре 1974 г.)

¹ Declaracion de principios del Gobierno de Chile. Santiago, 1974. P. 29.

уточнялось, что при наличии в декретах противоречий с действующей Конституцией 1925 г. последняя теряет силу. «Декларация принципов Правительства Чили», обнародованная 11 марта 1974 г., стала первым важнейшим политико-идеологическим документом военной хунты. Она была выдержана в антикоммунистическом духе, типичном для холодной войны, включала в себя основные тезисы доктрины национальной безопасности. Чилийские военные представляли как лидеры крестового похода в защиту западной цивилизации и либеральных ценностей от опасности социализма. Много говорилось о роли военных, их национализме, уважении к традициям, стремлении к национальному единству, государству же отводилась вспомогательная («субсидиарная») роль при провозглашении приоритета человеческих ценностей — «государство на службе человека, а не наоборот». «Декларация...» не была лишена некоторых противоречий: с одной стороны, она провозглашала уважение к частной собственности и «субсидиарность» государства, с другой — говорила о необходимости авторитарного правительства и выработке государством национального проекта.

Развитием и продолжением идей «Декларации» стал документ «Национальная цель Правительства Чили», принятый в декабре 1975 г., в котором была более подробно изложена уже начавшая осуществляться экономическая стратегия военного правительства. Если «Декларация» скорее была выдержана в корпоративистском духе, хотя и с элементами экономического либерализма, то в «Национальной цели...» уже полностью доминировал неолиберальный подход в экономике.

Следующим шагом на пути институционализации режима стало принятие в 1976 г. четырех Конституционных актов. В соответствии с первым из них был создан консультативный орган власти — Государственный совет, члены которого назначались и снимались с должности Президентом республики. Во втором акте провозглашались «основы чилийской институциональности», указывалось, что власть в стране не будет носить либеральный характер. Говорилось о создании в стране «новой демократии», отвергающей плюрализм и предполагающей делегирование суверенитета нацией высшим властям. Третий конституционный акт определял права и обязанности граждан, формально затрагивал тему прав человека, но больше внимания уделял проблеме безопасности государства и нации, во имя которых признавалось возможным ограничивать свободу слова и равенство всех перед законом. В четвертом документе регулировалось ограни-

чение индивидуальных прав во имя государственной безопасности, в том числе различные формы чрезвычайного и осадного положения в стране. При этом чрезвычайное положение в Чили длилось годами, став нормой. Таким образом, принятием Конституционных актов военная хунта с самого начала стремилась придать хотя бы формальную законность своей деятельности.

Первоначально христианская демократия и часть правых надеялись на то, что армия «восстановит порядок», нейтрализует левых, «умиротворит» страну и уйдет в казармы, пробыв у власти года два-три и расчистив путь ХДП. Демохристиане ошибочно считали, что они будут нужны военным, поэтому поддержка переворота их партией стала логическим продолжением ее предыдущей политики. За несколько месяцев до переворота Э. Фрей говорил о военных: «Они нас обязательно позовут»¹. Пиночет вспоминал, что уже 11 сентября ему позвонил «известный политик Икс» и передал, по какому телефону его искать в случае, если он понадобится. Явно намекая на Э. Фрея, А. Пиночет сказал: «Кажется, этот господин думал, что мы предложим ему правительство», — и попросил передать господину, что в его услугах не нуждаются².

Уже 13 сентября, через 2 дня после переворота, правое руководство ХДП опубликовало в прессе заявление, в котором призывало всех граждан Чили к патриотическому сотрудничеству с новым правительством. Вина за переворот возлагалась на Народное Единство, которое «привело Чили к экономическому краху, институциональному хаосу, вооруженному насилию и моральному кризису», далее ХДП выражала надежду, что вооруженные силы вскоре вернут власть «суверенному народу, который свободным и демократическим путем решит судьбу отечества»³.

Совсем иную позицию заняла небольшая группа демохристианских парламентариев во главе с Б. Лейтоном, которые сразу же после переворота публично осудили захват власти военными. На заседании руководства ХДП в ноябре 1974 г. Р. Томич подверг резкой критике позицию партии, возложив на нее часть ответственности за совершение переворота: «Христианская демократия не может просить для себя роль Понтия Пилата в институциональном крахе». Б. Лейтон вместе с группой демохристи-

¹ См.: *Corvalán Márquez L.* Del anticapitalismo al neoliberalismo en Chile. P. 299.

² См.: *Pinochet A.* El día decisivo. 11 de septiembre de 1973. P. 143.

³ El Mercurio. Santiago, 13.09.1973. P. 4.

анских адвокатов начал подавать в суды жалобы на систематическое нарушение прав человека и индивидуальных гарантий. Бывший демохристианский посол Чили в СССР М. Пачеко возглавил чилийскую комиссию по правам человека. Был арестован и заключен в концлагерь один из лидеров ХДП К. Уэпе. В 1974 г. Б. Лейтон, Р. Фуэнтеальба и некоторые другие деятели левого крыла христианской демократии были высланы из Чили.

Весь первый год после совершения переворота ХДП активно поддерживала военный режим, ее лидеры пытались оправдать свержение законного правительства во время своих зарубежных поездок. Бывший министр обороны правительства Э. Фрея С. Осса, выступая 14 сентября 1973 г. по колумбийскому телевидению, опровергал утверждения, что чилийская армия осуществляет массовые репрессии и преследования. Сам же Э. Фрей заявил 10 октября 1973 г. в интервью испанской газете «АВС»: «Чилийские военные спасли страну. У Чили не было иного выхода, кроме установления хунты. Вы не хотите оперировать рак, но настает момент, когда это необходимо. Нашими хирургами являются вооруженные силы»¹. Некоторые из этих поездок, в частности вояж демохристианских лидеров по странам Европы и Латинской Америки в октябре 1973 г., были оплачены ЦРУ, так как США были заинтересованы в международной поддержке чилийского военного режима и улучшении имиджа хунты.

С официального разрешения руководства партии демохристиане заняли несколько важных постов в министерстве экономики и финансов, Центральном банке, а через некоторое время Г. Прието занял пост министра юстиции, став первым гражданским министром хунты. В целом участие демохристиан в военном правительстве не было существенным, гораздо больше постов получили члены Национальной партии, которая самораспустилась после переворота.

Через два года после переворота стало ясно, что надеждам на скорые выборы, где христианские демократы первоначально рассчитывали победить, не суждено было сбыться. Демохристиане, как и значительная часть средних слоев Чили, были готовы поддержать военный переворот, чтобы избавиться от правительства Альенде, которое для них символизировало экономический хаос, гиперинфляцию, тотальный дефицит. Но они не были настроены на поддержку военной диктатуры и дальнейшее существование под ее пятой. Сама крайняя жестокость полити-

¹ Chile-América. № 4, 1975. P. 57.

ческих репрессий в стране с длительными демократическими традициями и отсутствием военных травм вызвала шок у многих, изначально поддерживавших переворот.

В 1975 г. Э. Фрей опубликовал брошюру «Мандат истории и требования будущего», где уже заметна его переоценка ситуации в Чили. Он все еще обращался к военным, но также писал о необходимости скорейшего восстановления демократии и разработке национального проекта, поддержанного большинством социальных и политических сил страны. Для этого, по мнению Э. Фрея, было необходимо создание широкого политического альянса. Самой примечательной идеей была мысль о том, что союзниками ХДП являются прежде всего партии Народного Единства. Кроме того, Э. Фрей обращался к ним с призывом отказаться от старых догм и эволюционировать в социал-демократическом направлении. Будущее покажет, насколько прозорливым оказался бывший президент Чили.

Военные тут же отреагировали, переиздав книгу крайне правого бразильского автора «Фрей, чилийский Керенский». В 1976 г. Э. Фрей отказался от предложения военных стать членом создаваемого ими Государственного совета, не желая связывать себя участием в структурах диктаторского режима, полностью дискредитированного в международном сообществе. В августе того же года спецслужбами диктатуры была организована инсценировка покушения на Э. Фрея, что было явным предупреждением политику, чьи действия не находили одобрения военных. Массовые нарушения прав человека и репрессии, в том числе и против левых демохристиан, привели к тому, что, полностью потеряв надежду на диалог с военными, в 1976 г. ХДП перешла в оппозицию к режиму. Кроме того, в 1977 г. вышел указ хунты о роспуске тех политических партий, деятельность которых еще не была запрещена, и ХДП формально перестала существовать.

На политическую эволюцию ХДП после переворота повлияли следующие факторы. Во-первых, стало очевидно, что главными союзниками военных являются крайне правые круги и крупное предпринимательство, и потому они не нуждаются в демохристианах для осуществления своего политического проекта. Во-вторых, средние слои и мелкая буржуазия, основная социальная опора ХДП, за прошедшие 2—3 года после переворота убедились, что проект капиталистической модернизации, осуществляемый диктатурой, серьезно затрагивает их интересы. Нарушения прав человека также способствовали отходу средних слоев, а за ними и ХДП, от поддержки режима. В-третьих, сыг-

рал свою роль международный фактор, осуждение чилийской военной хунты всеми демократическими странами, что, разумеется, относилось и ко всем поддерживающим ее политическим силам.

До начала взаимопонимания левых и умеренных сил Чили было еще далеко, левые партии находились на нелегальном положении и были практически обезглавлены. Единственной открыто противостоящей режиму силой, традиционно обладавшей большим авторитетом в чилийском обществе, стала католическая церковь. Однако внутри церкви также существовали различные тенденции. Немногочисленная элитарная католическая группировка, близкая к Опус Деи, создавала идеологическую основу военного режима. Одновременно чилийская церковь во главе с кардиналом Сильвой Энрикесом встала на позиции защиты прав человека. Первой правозащитной экуменической организацией Чили стал Комитет за мир, созданный представителями различных религиозных конфессий в 1973 г. сразу после переворота. В то же время в 1974—1975 гг. чилийский епископат в своих публичных заявлениях не раз защищал военный режим как спасителя демократии в Чили.

Важную роль в формировании новой оппозиции военному режиму сыграл архиепископ Сантьяго кардинал Р. Сильва Энрикес, вокруг которого объединились сторонники социальной доктрины церкви, составлявшие тогда большинство чилийских католиков, а также близкие к теологии освобождения. После запрета и роспуска Комитета за мир в 1975 г. кардинал Р. Сильва Энрикес создал в начале 1976 г. Викариат солидарности как официальную структуру католической церкви. Его военные не могли запретить, не вступая в открытый конфликт с Ватиканом. Все годы диктатуры его адвокаты последовательно вели защиту жертв режима¹. С восстановлением демократии архивы Викариата, превращенные в общественный фонд, помогают в судебных расследованиях преступлений спецслужб режима, в восстановлении исторической правды, реабилитации жертв и создании в стране культуры прав человека.

С 1976 г. высшие иерархи чилийской католической церкви окончательно перешли в открытую оппозицию военному режиму, призвав к тому же ХДП, что сыграло немалую роль в изменении позиции христианской демократии. Правозащитная деятельность церкви способствовала воссозданию разрушенной со-

¹ Викариат солидарности просуществовал до 1992 г.

циальной ткани чилийского общества, позднее открыв путь к возобновлению подпольной деятельности оппозиционных политических партий. Деятельность католической церкви в период военной диктатуры превратила ее в ключевой политический фактор, способствовала укреплению авторитета церкви в чилийском обществе.

Серьезный удар военные нанесли компартии. КПЧ в 1960—1970-х гг. стала одной из самых массовых и влиятельных компартий западного мира, глубоко укоренилась в чилийском обществе, под ее влиянием находился единый профцентр КУТ и самые различные организации гражданского общества: университеты, профессиональные ассоциации писателей, художников. Будучи запрещена военной диктатурой, компартия потеряла все каналы связи со своей социальной базой. Более того, деиндустриализация страны, затронувшая в 1970-х гг. в основном импортозамещающие отрасли, разрушила главные бастионы чилийского синдикализма, что привело к структурной безработице и маргинализации рабочего класса и других социальных групп, где традиционно сильным было влияние левых партий.

Первые волны репрессий диктатуры были направлены в первую очередь против левого «революционного полюса» — СПЧ, МИР, МАПУ, ведь именно с их стороны военные больше всего боялись вооруженного сопротивления, именно в структуры этих партий было внедрено большое число агентов службы безопасности. Аналогичные репрессии постигли коммунистов. В первые дни после переворота был убит известный чилийский певец Виктор Хара, арестован Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан. После долгой болезни умер великий поэт П. Нерула, бывший живым символом компартии. В результате за 2—3 года были физически уничтожены либо эмигрировали многие члены руководства Народного Единства и активисты левых партий, их деятельность в Чили фактически прекратилась, либо продолжалась в глубоком подполье.

Социалистическая партия Чили, сыгравшая немалую роль в поражении Народного Единства, заплатила дорогую цену за свои ошибки. Ее подпольная структура была полностью уничтожена в 1974—1975 гг. Тем не менее эмигрировавшие лидеры социалистов были далеки от объективного анализа произошедшего и осознания своей исторической ответственности. Вскоре после переворота соцпартия распалась на несколько группировок, каждая из которых претендовала на лидерство в ней. Так, возникший внутри страны координационный центр социалистов

отказался подчиняться руководству соцпартии в эмиграции во главе с К. Альтамирано. Последний выпустил книгу «Диалектика поражения», в которой счел основной причиной свержения Народного Единства неспособность левых защитить себя военным путем и призывал свергнуть фашистскую диктатуру в Чили путем вооруженной социалистической революции. Таким образом, первые 3—4 года после переворота большая часть лидеров социалистов продолжали оставаться на прежних ультрареволюционных позициях, приведших к провалу левого проекта в Чили.

В 1976 г. коммунисты превратились в основной объект преследований военного режима. В течение этого года в результате репрессий КПЧ потеряла один за другим три нелегальных ЦК, возглавляемых бывшими коммунистическими депутатами и лидерами профсоюзов. После этого удара на несколько лет была прервана связь между коммунистами внутри Чили и партийной эмиграцией, прекратилась материальная помощь нелегальным организациям КПЧ со стороны КПСС и других зарубежных компартий. В дальнейшем усилия левых партий Чили сосредоточились на международной кампании солидарности и разоблачении преступлений военной диктатуры. Здесь были достигнуты важные успехи. В эти годы администрация Дж. Картера осью своей международной политики сделала защиту прав человека. США приняли санкции против чилийского режима, который был осужден международным сообществом. В Европе имя Пиночета надолго стало символом диктатуры и нарушений прав человека, что много лет спустя привело к аресту престарелого диктатора в Лондоне.

Чилийская диктатура, боясь укрепления оппозиции внутри страны в результате международной кампании солидарности, прибегла к физическому устранению наиболее активных руководителей чилийской оппозиции в эмиграции. Национальная служба безопасности Чили ДИНА в координации со спецслужбами диктатур Аргентины, Уругвая, Парагвая и Бразилии организовала с этой целью «Операцию Кондор». Было создано несколько спецгрупп, одна из которых устанавливала местонахождение и слежку за человеком, вторая группа имела задание физически его уничтожить. В обвинении, выдвинутом против Пиночета в 1998 г. в Мадриде испанским судьей Б. Гарсоном, утверждалось, что жертвами этой операции стали около трех тыс. человек, чилийцев и граждан других стран.

Наиболее нашумевшим стало убийство в Вашингтоне в двух кварталах от Белого дома Орландо Летельера, бывшего министра иностранных дел Народного Единства. Бывший главнокомандующий К. Пратс, уехавший после военного переворота в Аргентину, был убит в Буэнос-Айресе в 1974 г. в результате покушения, организованного политической полицией Пиночета ДИНА. Были организованы, но не удалось покушения на коммуниста В. Тейтельбойма, социалиста К. Альтамирано и радикала А. Суле. Страх диктатуры перед возможными переговорами чилийских коммунистов и христианских демократов в эмиграции привел к покушению в Риме (в организации покушения чилийским спецслужбам помогали итальянские неофашистские группировки) на лидера ХДП Б. Лейтона, в результате которого он был тяжело ранен. В итоге даже правоцентристские европейские партии осудили пиночетизм, а контакты оппозиционных чилийских партий в эмиграции продолжились.

Анализ причин своего политического поражения привел чилийские левые партии к поиску новой стратегии. Уже в 1977—1978 гг. в соцпартии Чили развернулась дискуссия о социал-демократии, но в тот момент ее заклеямили как правый уклон внутри партии, способствующий расколу рабочего класса и изоляции марксистских партий. Секретариат соцпартии в эмиграции несколько лет находился в Восточном Берлине, где чилийцы могли воочию увидеть застой «реального социализма» и поставить под сомнение жизнеспособность этой социалистической модели. В соцпартии развернулась новая дискуссия о социализме и демократии, был поставлен под сомнение союз социалистов и коммунистов как основа единства левых сил, а также самоопределение партии как марксистско-ленинской.

В то же время многие руководители СПЧ, МАПУ и МИР оказались в эмиграции в странах Западной Европы, где познакомились с иной реальностью — идеями еврокоммунизма, деятельностью французского социалистического правительства, переходными процессами в Испании, Греции и Португалии. Все это привело многих чилийских левых к осознанию своих левацких ошибок, повороту к идеям демократического социализма и поискам альянса с христианской демократией и чилийского варианта «исторического компромисса». Социалисты восприняли и перенесли в свою партийную программу один из главных тезисов немецкой социал-демократии, провозглашенный еще в 1959 г. в Годесбергской программе: социализм — это не особый тип общества, который нужно построить, а комплекс идей и ба-

зовых ценностей, которые нужно реализовать, в первую очередь, это демократия, свобода и солидарность.

В 1979 г. внутри соцпартии окончательно сформировалось крыло «обновленцев» во главе с К. Альтамирано, представлявшее социал-демократическую тенденцию, что привело к очередному крупнейшему расколу партии. Значительная часть внутреннего руководства соцпартии в тот момент не поддержала обновленческую линию К. Альтамирано и, оставшись на прежних марксистско-ленинских позициях, образовала параллельную соцпартию во главе с К. Альмейдой. Однако к концу 1980-х гг. большинство чилийских социалистов перешли на обновленческие позиции, что привело к воссоединению партии в 1990 г.

В то же время руководство КПЧ, находившееся в эмиграции в Москве и других столицах социалистических стран, восприняло напоминание Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС в 1976 г. о том, что «революция должна уметь защищать себя», как руководство к действию и ужесточило свою позицию в борьбе с военной диктатурой. Первые годы после военного переворота компартия Чили придерживалась стратегии антифашистского фронта и расширения политики союзов, пытаясь найти взаимопонимание с ХДП, не исключая возможности включения в антифашистскую коалицию умеренной части правых, т. е. всех противников диктатуры. Таким образом, упор делался на завоевание большинства в обществе невооруженным путем, политическую борьбу с военной хунтой.

Поворот в политике коммунистов начался на пленуме ЦК КПЧ 1977 г., где партия заметно отошла от «чилийского пути к социализму», который она ранее во многом разделяла с С. Альенде, и заняла более жесткие ортодоксальные позиции. Была подчеркнута неизбежность диктатуры пролетариата и сделан упор на революционную борьбу: «революция должна бороться за свободу для народа, а не его врагов». Дальнейший анализ событий привел коммунистов к выводу, что отсутствие у партии военной политики было большой ошибкой. КПЧ приняла предложение Фиделя Кастро о прохождении партийными кадрами военной подготовки на Кубе. В конце 1970-х гг. эти кадры уже начали нелегально возвращаться в Чили, их лидером стала Гладис Марин, бывший секретарь молодежной организации КПЧ.

Новое поколение коммунистических руководителей, пережившее репрессии и прошедшее военную подготовку, возглавило КПЧ внутри страны, став на более жесткие, непримиримые

позиции борьбы с диктатурой. Изменилась и социальная база компартии: ее основой стали уже не организованные в профсоюзы чилийские рабочие, а молодые безработные маргинальных городских окраин. Боевые настроения нового руководства и рядовых партийных членов компартии, а также принятие пиночетовской конституции привели к изменению стратегии КПЧ и провозглашению в сентябре 1980 г. линии на «народное восстание»¹. Помимо акций гражданского неповиновения вкупе с широкой мобилизацией масс, важнейшей частью новой стратегии стало создание коммунистических военизированных организаций. В 1982 г. был создан формально независимый от КПЧ Патриотический фронт Мануэля Родригеса (ФПМР), фактически являвшийся «вооруженной рукой» компартии.

В свою очередь ХДП к концу 1970-х гг. окончательно перешла в оппозицию диктатуре, полностью оставив свои прежние иллюзии о возможности ее замены на демокристическое правительство без союза с другими оппозиционными силами. После запрета деятельности партии в 1977 г. она издала декларацию «Одна родина для всех», где говорилось о необходимости широкой политики союзов и создания Национального движения за восстановление демократии, опирающегося на самые широкие общественные организации. Демокристы выступили за созыв Учредительного собрания с целью принятия новой демократической конституции. В тот момент ХДП полагала, что диктатура переживала кризис, что делало возможным скорейшее восстановление демократии. Однако эта оценка ситуации в Чили оказалась ошибочной.

В 1980 г. в поисках путей восстановления демократии ХДП начала работу над «Альтернативным проектом», которая продолжалась около четырех лет. Промежуточная версия этого проекта была опубликована в 1982 г., в ней уже много говорилось о необходимости союза с так называемыми «демократическими левыми». Этот поворот к политике союзов дорого стоил ХДП: в 1982 г. агентами спецслужб диктатуры был убит демокристический профсоюзный лидер Т. Хименес, затем отравлен в клинике бывший президент Э. Фрей. Первое преступление уже доказано, виновным вынесен приговор чилийским правосудием, второе расследуется, задержаны первые обвиняемые.

¹ Manifiesto del Partido Comunista. Boletín del exterior del PCCh, №50, 1981. P. 5.

Окончательная версия «Альтернативного проекта» была завершена в 1984 г., в ней были проанализированы причины военного переворота, главной из которых была названа неспособность основных политических партий Чили прийти к консенсусу. Таким образом, ХДП, в 1970-е гг. возлагавшая всю вину на левых, теперь признала и свою долю ответственности, и потому центральной в документе стала идея достижения согласия различных политических сил с целью свержения диктатуры. Так были заложены основы нового центристского политического альянса, позже возглавившего процесс перехода к демократии и пришедшего к власти в Чили после победы над диктатурой на выборах.

Правление военных в Чили можно разделить на два основных периода: 1973—1983 гг. — время становления и последующей консолидации диктатуры, 1983—1990 гг. — начало кризиса военного режима и его постепенный уход с политической арены. В первый период основной целью военных было свести на нет антикапиталистические завоевания Народного Единства, разрушить организационную структуру левых партий, включая физическое уничтожение их лидеров, начать осуществление проекта капиталистической модернизации, узаконить свое правление принятием новой конституции. Началом второго периода стали дни национального протеста в мае 1983 г. — первые массовые выступления чилийцев против хунты, поставившие под сомнение способность военных обеспечить управляемость страны и выведшие на сцену оппозиционные политические силы. Постепенно многим правым стало очевидно, что для обеспечения преемственности экономической модели необходима смена политической надстройки — постепенное восстановление политических свобод и переход к гражданскому правлению.

Во второй половине 1977 г. военный режим предпринял новые шаги в сторону институционализации, самым важным из которых была программная речь, произнесенная А. Пиночетом 9 июля в Чакарильяс. В это время к всеобщему международному осуждению чилийской диктатуры добавилось давление США после убийства О. Летельера. А. Пиночет был вынужден обратиться к теме нарушения прав человека, попытавшись защитить происходящее в Чили: «Лишь недавний горький опыт, едва не приведший нас к гражданской войне, заставил нас понять, что права человека не могут существовать при политическом и юридическом режиме, открывающем путь идеологической агрессии марксизма-ленинизма, состоящей сегодня на службе советского

империализма или террористической подрывной деятельности, превращающей жизнь общества в полную анархию»¹.

Далее глава хунты напомнил, что установление конституционного режима не будет простым возвращением к прошлому: «Стоит еще раз повторить, что 11 сентября не означало только свержение незаконного и потерпевшего крах правительства, но положило конец полностью истощившему свои возможности политико-институциональному режиму, следовательно, наш императив — строительство нового. Поэтому речь не идет о простой реставрации». А. Пиночет призвал к созданию «новой демократии — авторитарной, защищенной, демократии социального участия», которая была призвана заменить «наивное и безоружное классическое либеральное государство».

Продвижение к новой институциональности должно было осуществляться постепенно, что определялось стратегическими причинами. Военные надеялись, что через некоторое время навязанная Чили неолиберальная модель принесет свои плоды: улучшится положение в экономике, усилится деполитизация общества, которое будет больше занято потреблением и частной жизнью. Это, в свою очередь, по мысли военных, должно было лишить социальной базы прежнюю политическую элиту, кроме того, подрастет новое аполитичное поколение. А. Пиночет всегда любил говорить о целях, а не о сроках: «Любая поспешность приведет к быстрому разрушению наших усилий, возвращению к прежнему режиму (т.е. либеральной демократии) с теми же людьми и пороками, такому же или худшему, чем мы пережили во время марксистского правительства»². Тем не менее выступление А. Пиночета определяло примерные сроки восстановления конституционного строя.

Были определены основные этапы процесса институционализации. Первой фазой процесса — восстановлением страны — руководят вооруженные силы, она должна была закончиться к 31 декабря 1980 г. В это время специально созданная комиссия должна разработать проект новой конституции, который будет передан для обсуждения в Государственный совет, затем военной хунте и лично Пиночету. Таким образом, власть военной диктатуры в неизменном виде должна была продлиться еще три года.

¹ El Cronista. Santiago, 10.07.1977, P. 8.

² Там же. P. 9.

Далее (1980—1985) предполагался переходный период, когда основная власть будет все еще принадлежать военным, но к процессу управления постепенно подключатся гражданские политические организации (разумеется, под ними подразумевались только правые). Исполнительная власть останется в руках А. Пиночета как президента республики, но будет создана Законодательная палата, треть членов которой будет назначаться лично президентом, а две трети — хунтой. Хунте будет принадлежать учредительная власть, она сможет представлять проекты законов вместе с Законодательной палатой, но инициатива их принятия исходит только от президента, причем как он, так и хунта обладали правом вето.

Третий этап (с 1985 г.) получил название консолидации, под ней понималось окончательное возвращение политической власти гражданским лицам, однако при этом военные оставались гарантами соблюдения конституции и национальной безопасности страны. В этот период должна была вступить в силу новая конституция, две трети Законодательной палаты уже будут избираться гражданами, но путем довольно сложного избирательного механизма, препятствующего увеличению роли политических партий. Президент республики будет избираться Законодательной палатой сроком на 6 лет (разумеется, в качестве кандидата А. Пиночет имел в виду себя).

Очевидно, что согласно этому плану вооруженные силы продолжали оставаться ядром власти. В первые два периода это было оговорено принятыми ими же законами, в третий период у них оставалась фактическая власть несмотря на передачу части функций гражданскому сообществу. Кроме того, под гражданским сообществом подразумевались лишь правые, ибо левые и даже центристские партии оставались запрещенными как воплощение «внутреннего врага». Таким образом, целью плана было политическое обеспечение упрочения в Чили неолиберальной экономической модели, иначе говоря, проекта правой капиталистической модернизации. План предусматривал постепенное восстановление правых в политическом руководстве обществом и переход к гражданскому правлению, но этот процесс должен был происходить под контролем военных.

Несмотря на то что «план Чакарильяс» был объявлен с большой помпой, он так и не был осуществлен, в первую очередь из-за обострения противоречий внутри правящей хунты. Главный конфликт возник между Пиночетом и генералом авиации Ли, противившимся сосредоточению всей власти в руках Пино-

чета. Сопrotивляясь полновластия Пиночета, Ли считал необходимым сократить сроки возвращения к конституционному режиму, сделав это не позднее 1983 г. Кроме того, он был противником отмены конституции 1925 г., считая достаточным внесение в нее некоторых поправок. Это слишком противоречило плану Пиночета и сделало невозможным достижение согласия между двумя генералами. Ли даже попытался организовать антипиночетовский переворот, но заговор был раскрыт, а Ли смещен с поста командующего ВВС. Таким образом, Пиночету удалось устранить препятствия для осуществления своего политического проекта.

Когда в августе 1978 г. конституционная комиссия обнародовала предварительный проект новой конституции, в нем не были определены ни сроки, ни механизмы вступления в переходный период. Право решать, когда закончится восстановительный этап и начнется переход к гражданскому правлению, А. Пиночет оставил за собой. В этот момент вновь обострились противоречия между националистами и гремиалистами внутри режима. Оба течения, безусловно, признавали лидерство Пиночета, однако они воплощали два различных авторитарных проекта, и каждое из них старалось завоевать благосклонность чилийского диктатора.

Националисты, известные как «жесткие», были сторонниками продления военного режима на неопределенный срок, считая, что для его легитимации достаточно харизмы Пиночета и авторитета вооруженных сил. Некоторые националисты даже призывали создать «пиночетистское движение», способное мобилизовать массы. Их идеи были близки к традиционному фашизму, включая этатистские и популистские позиции в экономике, противоречившие неолиберальной модели.

Гремиалисты, именуемые «мягкими», объединяли в основном сторонников неолиберальной модели и близких к ним по взглядам традиционных чилийских правых. Занимая важные посты в правительстве, они понимали, что в ситуации сильного международного давления, включая американское, необходимо улучшить имидж хунты, предприняв некоторые шаги к либерализации, пусть даже чисто косметические, каковым и стал «план Чакарильяс».

А. Пиночет не хотел смены экономического курса, и это сближало его с «мягкими». Кроме того, он считал, что план институционализации будет способствовать стабильности режима и улучшит его международный имидж. В то же время ему импо-

нировала позиция «жестких», поэтому диктатор нашел устроивший всех компромисс. В своей очередной речи 11 сентября 1978 г. Пиночет, с одной стороны, не упоминал «план Чакарильяс», с другой — заявил о необходимости постепенного возврата к гражданскому правительству, но в более отдаленные сроки. Теперь переходный период должен был продлиться не менее шести лет, а первые выборы состояться не ранее 1985 г. В дальнейшем и эти сроки не будут соблюдены.

Разработанный комиссией предварительный проект новой конституции в октябре 1978 г. был передан в Государственный совет, который возглавлял бывший президент Х. Алессандри. Для изучения проекта госсовету понадобились почти два года, и лишь в июне 1980 г. с небольшими поправками он был передан на рассмотрение А. Пиночету. После окончательной доработки ближайшими советниками диктатора проект новой конституции был вынесен на плебисцит. Он состоялся 11 сентября 1980 г., в очередную годовщину военного переворота.

Голосование проходило в условиях чрезвычайного положения, отсутствовали списки избирателей, оппозиционные партии имели крайне ограниченный доступ к прессе, телевидение было им полностью недоступно. Все это позволило оппозиции заявить о незаконности плебисцита. Тем не менее 67 % голосов, полученных в поддержку основного закона, стали крупнейшей политической победой диктатора, что способствовало стабилизации авторитарного режима. Одобрение пиночетовской конституции, предполагавшей постепенный переход к гражданскому правлению, стало важным шагом в легитимации военного режима.

Новая конституция вступала в силу 11 марта 1981 г., начав переходный период, который должен был продлиться до 11 марта 1989 г. В это время действовали переходные статьи конституции, а А. Пиночет автоматически назначался Президентом республики, хунта же продолжала осуществлять исполнительную и законодательную власть. Продолжали действовать ограничения политических свобод и чрезвычайное положение, осуществление основных статей новой конституции и проведение выборов в стране откладывалось на 8 лет. Иными словами, в стране полностью сохранялась военная диктатура, но ее пребывание у власти было формально узаконено.

В 1989 г. хунта должна была предложить кандидата в президенты Чили на 8 лет, что затем выносилось на плебисцит. Между строк читалось, что этим кандидатом будет генерал А. Пино-

чет, иначе было трудно объяснить, почему только в этом случае отменялось действие статьи, запрещающей повторное избрание президента на последующий срок. В том же году, наконец, должны были состояться выборы в Национальный Конгресс, что знаменовало завершение переходного периода и начало этапа «консолидации». Таким образом, в Чили должна была окончательно сформироваться «авторитарная демократия» — режим сильной президентской власти при весьма ограниченных полномочиях Конгресса.

Новая чилийская конституция была далека от канонов классического либерализма, формально декларируя некоторые его нормы, она параллельно содержала статьи, сводившие их на нет. Так, провозглашая автономию вооруженных сил в политической системе, она одновременно объявляла их «гарантами власти». Более того, создавался особый орган, с помощью которого армия могла реализовать свою роль гаранта — Совет национальной безопасности. В него входили четверо военных — командующие тремя родами войск и корпусом карабинеров, а также трое гражданских лиц — Президент республики, председатель сената и президент Верховного суда. Совет обладал самыми широкими полномочиями, он мог доводить свое мнение по вопросам, которые считал относящимися к национальной безопасности, до любого органа власти. Органы власти, в свою очередь, были обязаны предоставить Совету всю запрашиваемую им информацию. Таким образом, был конституционно оформлен контроль вооруженных сил за деятельностью государства. Теперь военным не было нужды совершать перевороты.

Экономический кризис 1982—1983 гг. в Чили, сравнимый лишь с потрясениями 1930-х гг., привел к резкому обострению ситуации в стране и ускорил активизацию деятельности как умеренной демократической, так и непримиримой коммунистической оппозиции. Начало воссоздаваться профсоюзное движение, обезглавленное репрессиями после переворота и навязанным военным правительством «Трудовым планом», который пытался покончить с основными правами трудящихся на коллективный договор, забастовку и пр. На профсоюзных выборах, прошедших 1983 г. во многих отраслевых организациях, одержали победу христианские демократы и представители левых партий. Чилийские профсоюзы впервые за время диктатуры призывали к проведению в мае общенациональной забастовки.

В марте 1983 г. различные оппозиционные организации подписали «Демократический манифест», в котором потребовали отставки А. Пиночета как условие достижения широкого национального согласия. 11 мая состоялся первый «День национального протеста» — общенациональная забастовка, которую возглавили крупнейший в стране профсоюз работников медной промышленности и чилийские университеты. Как и во время Народного Единства, на улицу вышли тысячи женщин, стучащих в пустые кастрюли, но на этот раз это были не домохозяйки из среднего класса, а жительницы бедных окраин Сантьяго. Центр города был блокирован караванами машин, гудевших в клаксоны. Итогом первого Дня национального протеста стало двое убитых и около 600 арестованных.

Дни национального протеста продолжались в последующие месяцы, столкновения их участников с полицией становились все более ожесточенными, что привело к объявлению осадного положения. Самыми драматическими стали события 11 августа, когда Пиночет приказал ввести в Сантьяго для подавления беспорядков 18 тыс. солдат — едва ли не больше, чем за 10 лет до того во время военного переворота. Город покрылся баррикадами, за два дня было убито 26 человек, усилились репрессии против деятелей оппозиции. В то же время диктатор сделал намек на возможность диалога с оппозицией, впервые назначив министром внутренних дел гражданского деятеля, известного правого политика С. Онофре Харпу. Военный режим пошел на некоторые уступки: было разрешено вернуться в Чили небольшому числу политэмигрантов, начались разговоры о возможном ускорении перехода к гражданскому правительству и вступлении в действие конституции.

Однако в этот момент попытка диалога между военными и оппозицией при посредничестве нового архиепископа Сантьяго Х.Ф. Фресно не удалась. Умеренные политические силы в 1983 г. объединились в Демократический альянс (АД), включавший в себя ХДП, радикалов, левых христиан (ИС), часть СПЧ и другие небольшие группировки. Альянс призвал к достижению национального соглашения, созыву учредительного собрания, принятию новой конституции, отставке Пиночета и созданию временного переходного правительства. Однако внутри оппозиции существовали значительные разногласия по поводу стратегии борьбы с диктатурой, а также разное видение будущей чилийской демократии. Они привели к тому, что почти одновременно с АД был создан другой оппозиционный блок, куда вошли ис-

ключенные из альянса коммунисты, часть социалистов и миристы — Демократическое народное движение (МДП).

В 1983—1986 гг. оба чилийских оппозиционных блока активно сотрудничали, придерживались стратегии мобилизации масс, вместе организуя народные демонстрации протеста и забастовки в надежде на скорое свержение диктатуры. До 1986 г. в Чили действовал «частный политический комитет», координировавший совместные акции обоих оппозиционных альянсов, но вместе с тем усиливались их расхождения, в первую очередь вызванные усилением военного компонента в политике компартии. В конечном счете, это привело к доминированию умеренной оппозиции, радикальная же оказалась на периферии политического процесса.

Кризис 1982—1985 гг. в Чили способствовал консолидации демократического оппозиционного блока, в котором объединились политические силы, стоявшие по разную сторону баррикад. Особенно важным было сближение христианских демократов и социалистов. Пережив несколько расколов, соцпартия Чили проделала большую мировоззренческую эволюцию, большинство ее членов отошли от радикальных прокубинских взглядов, придя к умеренным социал-демократическим. Этому способствовало то, что многие чилийские социалисты провели по несколько лет в европейской эмиграции, имея возможность увидеть и сравнить социал-демократическую реальность Западной Европы и «реальный социализм» Восточной.

Не было единогласия в условиях кризиса и внутри сторонников военного правительства. Часть правых склонялась к диалогу с умеренной оппозицией, считая возможным идти по пути некоторого смягчения режима. Они начали группироваться вокруг фигуры С. Онофре Харпа, позднее составив костяк партии Национальное обновление. Более жесткие позиции занимали безусловные сторонники А. Пиночета, затем ставшие основой правой партии Демократический независимый союз. А. Пиночет же к началу 1985 г. снова сделал ставку на жесткую линию: неизменное следование неолиберальной модели, репрессии против инакомыслящих, неизменность своего конституционного плана. Таким образом, все предложения оппозиции были проигнорированы, и статус-кво сохранялся до 1988 г., когда должен был состояться плебисцит и вступить в силу новая конституция.

КПЧ все больше склонялась к вооруженной борьбе, проводя свою политику без каких-либо консультаций и согласований с

партиями Демократического альянса, чем отталкивала их от себя. Компартия провозгласила 1986 г. «решающим годом» свержения диктатуры и бросила все свои силы на подготовку к этому событию. В этих целях коммунистами была переправлена морским путем в крошечный рыбацкий поселок на пустынном чилийском севере Каррисаль Бахо, большая партия оружия, которую вскоре обнаружила служба безопасности диктатуры. Размеры этого арсенала и его иностранное происхождение вызвали тревогу и обеспокоенность не только у военного режима, но и у большинства представителей умеренной оппозиции.

Следующим шагом компартии в этом направлении стала организация покушения на А. Пиночета в сентябре 1986 г. по дороге в его загородную резиденцию Мелокотон. Диктатор отделался поцарапанным пальцем, а неудачное покушение вызвало новую волну репрессий против оппозиции. Если в 1985 г. по политическим мотивам было арестовано около 9 тыс. человек, то в 1986 г. — уже больше 33 тыс. чилийцев. Организаторы и участники покушения на А. Пиночета были задержаны довольно быстро. Почти все они были детьми и родственниками погибших и пропавших без вести коммунистов, для которых это был скорее акт возмездия, чем военная операция, что отрицательно сказалось на ее подготовке. После того как не выстрелила базака, целившаяся в машину Пиночета, та развернулась и, вырвавшись из засады, умчалась в противоположном направлении.

Начиная с 1983 г. экономическое положение в Чили начало стабилизироваться, вследствие чего народные манифестации протеста и забастовки постепенно потеряли свой размах. После провала линии чилийских коммунистов и ужесточения позиции диктатуры стало ясно, что надеяться на ее свержение путем народного восстания не приходится. Внутри ХДП после покушения на А. Пиночета потерпело поражение левоцентристское руководство во главе с Г. Вальдесом и Э. Ортегой, которые выступали за мобилизацию масс, союз с обновленными социалистами и даже за контакты с коммунистами. Лидером христианских демократов стал правоцентрист П. Эйлвин, и в партии усилились позиции сторонников переговоров с военным режимом, надеявшихся использовать для прихода к власти пиночетовскую конституцию. Она предусматривала проведение плебисцита в 1988 г., где должен был решиться вопрос о продолжении диктатуры и продлении полномочий А. Пиночета еще на 8 лет, либо же выборов президента и парламента.

Таким образом, к 1986 г. чилийская оппозиция все свои надежды возлагала на приход к власти путем переговоров с военными и окончательно выбрала новую стратегию, состоящую в активном участии в плебисците. Эта линия была поддержана всеми партиями, кроме коммунистов, которые затем все-таки присоединились к остальным в последний момент. В 1987 г. в Чили была разрешена легальная деятельность правых и умеренных партий, левые продолжали действовать полулегально. Посольство США в Сантьяго также не скрывало своих симпатий к «демократической оппозиции», которую возглавили христианский демократ П. Эйлвин и лидер социалистов-обновленцев Р. Лагос. В целом американская поддержка сыграла немалую роль в постепенности и управляемости перехода от диктатуры к демократии в Чили, ибо США были жизненно заинтересованы в приходе к власти в этой стране умеренных политических сил. События же 1983—1985 гг., положившие начало кризису диктатуры, показали реальную возможность прихода к власти радикальных оппозиционных сил, включая коммунистов, что означало явную угрозу американским интересам в регионе.

Госдепартамент США стал оказывать политическое давление на А. Пиночета с целью не допустить нового варианта силового решения проблемы военными, одновременно активно поддерживая умеренных правых и христианских демократов. Американские планы предусматривали создание центристской оппозиции как альтернативы власти в Чили при полной изоляции компартии, переход к демократии путем переговоров с диктатурой. В дальнейшем были согласованы следующие условия перехода к демократии в Чили: генерал А. Пиночет останется у власти до 1989 г., центристская оппозиция будет действовать в рамках конституции 1980 г., что предполагало участие в плебисците 1988 г. и последующих президентских выборах.

Наиболее радикальные элементы внутри оппозиции, не желавшие ждать до 1988 г., остались в меньшинстве, потеряв возможность активно влиять на развитие событий. Кроме того, постепенному и управляемому переходу к демократии в Чили способствовали и глобальные перемены в международной обстановке: кризис и последующий крах реального социализма, усиление роли США как единственной мировой сверхдержавы. В результате в Чили был достигнут неформальный консенсус между умеренными правыми и центристскими партиями о сохранении существующей неолиберальной экономической модели при переходе к демократическому правлению.

Подготовка плебисцита означала завоевание чилийской оппозицией легального пространства, что началось с получения доступа на телевидение в рамках программы политических дебатов. Кроме того, оппозиционные партии развернули широкую кампанию под лозунгом «Нет!»¹ с целью убедить чилийцев преодолеть свой страх и записаться в избирательные списки². После 15 лет господства диктатуры впервые была развернута национальная политическая кампания, в которой огромную роль сыграли СМИ и телевидение. Телепрограммы оппозиции создавались лучшими чилийскими экспертами в области коммуникаций и немало способствовали ее победе. В них радуга, символизирующая все оттенки оппозиции и радость жизни, противостояла серым выступлениям сторонников диктатуры, пытавшихся развернуть кампанию запугивания в духе 1960-х гг.. Одной из серьезных ошибок военного режима тогда стала недооценка роли СМИ и телевидения, что сыграло на руку оппозиции.

А. Пиночет согласился на проведение плебисцита только потому, что был уверен в своей победе. Однако 8 октября 1988 г. 54,6 % чилийцев проголосовали против диктатуры, за продление полномочий Пиночета высказались 43 %³. Этот результат оказался неожиданным для генерала и его ближайшего окружения. Первой реакцией Пиночета было желание объявить результат недействительным и вывести на улицы войска, но эти планы сорвал главком ВВС Маттеи, поспешив публично признать победу оппозиции. А. Пиночет не решился нарушить им же принятую конституцию, ибо этому не благоприятствовали ни международная обстановка, ни внутреннее положение в стране. Как США, так и основные чилийские политические силы, экономические группировки страны и общество в целом были заинтересованы в восстановлении демократии, ибо после завершения критического этапа экономических реформ авторитарный характер режима стал препятствием свободному развитию предпринимательства. А. Пиночет попал в собственную ловушку и был вынужден признать победу оппозиции, однако до прихода к власти в Чили гражданского правительства оставался еще долгий путь.

¹ Столь краткий лозунг означал: «Нет диктатуре», ибо само слово «диктатура» пока предпочитали не употреблять публично.

² Голосование в Чили является обязательным, но для участия в нем необходимо внести свои данные в списки избирателей.

³ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 336.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧИЛИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ

Военный переворот положил конец не только революционному эксперименту в Чили, но и экономическому циклу «развития вовнутрь», длившемуся с середины 1930-х гг. Началось «развитие вовне», означавшее либерализацию экономики, полное открытие страны внешней конкуренции, концентрацию усилий на развитие отраслей, обладающих «сравнительными преимуществами» на мировом рынке, передачу частному сектору ведущей роли в экономическом развитии, резкое уменьшение роли государства.

Неолиберальные идеи не были новыми для Чили, их проповедовали многие ведущие предприниматели, экономисты, технократические группировки еще с 1960-х гг. Большую роль в их пропаганде в конце 60-х — начале 70-х гг. сыграла газета «Меркурио», где неолибералы вели еженедельные экономические обзоры. Затем еще в годы Народного Единства с помощью отставных морских офицеров были установлены контакты между ведущими неолиберальными экономистами, представителями крупнейших экономических кланов и военной верхушкой. Представители чилийского флота так выразили экономистам свою обеспокоенность: «Нам ничего не стоит убрать Альенде. Главный вопрос, что делать с правительством, как решить экономические проблемы»¹.

Военные нуждались в гражданских союзниках, ибо традиционный принцип невмешательства армии в политику, ее кастовая замкнутость, оторванность от общества, отсутствие опыта государственного управления не позволяли военному руководству собственными силами выработать новый экономический курс. В свою очередь, армия была нужна экономистам как единствен-

¹ Fontaine Aldunate A. Los economistas y el presidente Pinochet. Santiago, 1989. P. 18.

ная реальная сила, способная обеспечить реализацию неолиберального проекта. В августе 1972 г. началась работа над созданием альтернативного плана экономического развития Чили, который мог бы пригодиться военным в случае их прихода к власти. В его создании участвовали десять крупнейших чилийских неолиберальных экономистов, в дальнейшем получивших прозвище «чикагских мальчиков», в том числе С. де Кастро, будущий министр экономики, М. Крусат, глава крупнейшего экономического клана страны и др.

Проект в основном был готов к маю 1973 г., его 5-страничное резюме передано авторами представителям чилийского флота, но работа над текстом еще продолжалась. Сразу после переворота состоялись первые контакты военных с экономистами, вскоре возглавившими неолиберальные реформы. В полдень 12 сентября 1973 г. полный многостраничный документ, известный под названием «кирпич», был передан членам военной хунты. Он содержал скрупулезно разработанную программу мер, включавшую освобождение внутренних цен, уменьшение госсектора экономики, установление реального обменного курса, снижение таможенных пошлин, формирование рынка капиталов, модернизацию сельского хозяйства и т. д. А уже 14 сентября 1973 г. один из авторов «кирпича» С. де Кастро был назначен советником военного министра экономики Чили.

Неолиберальные экономисты настаивали на комплексном осуществлении новых экономических мер, публично подчеркивая свою политическую нейтральность, но в узком кругу признавали, что само наличие такого документа фактически являлось одним из условий вмешательства военных. Среди чилийских военных не было единодушия по вопросу путей будущего экономического развития Чили. Исторически чилийские военные были государственниками и националистами, считая что лишь сильное государство может обеспечить национальную безопасность. Им были чужды постулаты экономического либерализма, поэтому идея приватизации стратегически важных отраслей экономики, в первую очередь медной промышленности, не находила отклика в военной среде. Сторонникам неолиберализма пришлось отстаивать свои идеи в ходе горячих дискуссий на заседаниях хунты и кабинета министров, шаг за шагом завоевывая позиции среди военных.

Советниками чилийской хунты стала группа технократов, связанных с Опус Деи, во главе с Хайме Гусманом, будущим основным идеологом режима. К ним примкнули предприниматели

и экономисты, сторонники неолиберальных реформ, увидевшие в военном режиме возможность осуществить их в Чили. Если в момент прихода к власти у чилийской армейской верхушки не было определенного проекта преобразований в обществе, среди военных были и сторонники корпоративизма, и неолибералы, то к концу 1974 г. последние одержали победу.

В своем экономическом развитии чилийский военный режим прошел несколько этапов.

1973—1974 гг. — поиски путей стабилизации экономического положения, начало перехода к новой экономической модели.

1974—1975 гг. — первый экономический кризис в Чили, начало реализации политики «шоковой терапии».

1975—1980 гг. — экономический подъем, период «экономического чуда».

1981—1983 гг. — новый экономический кризис в Чили, повлекший за собой кризис «чикагской модели».

1984—1988 гг. — продолжение «экономического чуда», период «неортодоксального неолиберализма».

На первом этапе деятельность военного правительства в Чили свелась к контрреволюционной реставрации и поискам путей экономической стабилизации. Этот период оказался крайне сложным для военных, так как глубокий внутренний кризис в стране совпал с неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой — падением цен на медь, энергетическим кризисом, общим спадом мирового производства. Весь первый год правления хунты экономические показатели развития страны продолжали ухудшаться. Средний уровень инфляции в Чили в 1974 г. составил 375 %, в 1975 г. — 340 %¹. Дефицит платежного баланса достиг миллиарда долларов, что составило 14 % ВВП. Главной целью экономической команды военного правительства стала стабилизация любой ценой. Достигнуть ее намеревались путем жесткой реализации политики «шоковой терапии». В июне 1974 г. министром финансов был назначен известный неолиберал Х. Кауас, ему были предоставлены самые широкие полномочия.

В 1975 г., когда экономическое положение еще более ухудшилось, в стране началось осуществление «шоковой терапии», ставившей целью привести расходы в соответствие с резко упавшими доходами. Одним из первых шагов стала девальвация на-

¹ См.: *Zanartu M.* Liberalismo económico y costo social. Santiago, 1976. P. 150.

циональной валюты — эскудо, обесценившегося в 6 раз, затем последовала почти полная либерализация цен. Это привело к падению потребительского спроса, правительственные расходы уменьшились на 27 %, а государственные инвестиции — наполовину, бюджетный дефицит снизился с 8,9 % ВВП до 2,9 %. Национализированные при Альенде предприятия возвращались прежним владельцам, начались попытки оздоровления платежного баланса, восстановление связей с внешними кредиторами. Таможенные пошлины за 2 года (1974—1976) были снижены с 70 до 33 %, что открыло дорогу в Чили дешевым импортным товарам. Следствием этого стало резкое падение чилийского промышленного производства — на 25 %¹.

От чилийских государственных предприятий военное правительство потребовало самофинансирования, одновременно резко сократилось число госслужащих. Частным предпринимателям дали понять, что им не стоит рассчитывать на поддержку государства, а придется самим добиваться конкурентоспособности на мировом рынке. Было проведено финансовое дерегулирование, в частные руки переданы национализированные при С. Альенде банки, стимулировалось развитие рынка капиталов. Казна стала добиваться более эффективной уплаты налогов, лишив предприятия существовавших ранее льгот и установив единый налог — НДС. Введение монетарной корректировки (единицы роста)² лишило налогоплательщиков и должников возможности играть на инфляции.

Параллельно в Чили началась кампания приватизации государственных активов. В условиях экономического кризиса и диктатуры предприятия продавались по весьма заниженным ценам, а государство предоставляло субсидии покупателям. Эти субсидии составляли до 50 % продажной цены предприятия, причем покупатель платил наличными лишь 20 %, остальное выплачивалось в рассрочку, причем кредиты тоже были государственными. Политика приватизации заложила основы новой экономической модели и привела к резкому усилению мощи нескольких чилийских экономических кланов. Так, пять новых экономических групп, возникших в результате приватизации в

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 292.

² Unidad de fomento (UF) — условная денежная единица, применяющаяся во всех финансовых расчетах и ежедневно пересматривающаяся в соответствии с ростом инфляции.

Чили, уже к 1978 г. стали контролировать 53 % капитала 250 крупнейших предприятий страны и 82 % банковских активов¹.

Предпринятые чилийским правительством шаги привели к снижению инфляции в стране к 1981 г. до 9,5 %. После первоначального падения производства на 13,3 % в 1975 г., начался его заметный рост: 1976 г. — 3,2 %, 1977 г. — 8,3 %, 1978 г. — 7,7 %, 1979 г. — 7,1 %, 1980 — 7,7 %. К 1979 г. в Чили был ликвидирован дефицит государственного бюджета, сальдо платежного баланса стало положительным, вдвое вырос нетрадиционный экспорт, а иностранные инвестиции достигли 16 млрд. долл. в год². В конце 1970-х — начале 1980-х гг. в мире заговорили о «чилийском экономическом чуде», осуществление неолиберальной модели в этой латиноамериканской стране вызвало большой международный интерес и острые дискуссии. Чили стала пионером в реализации на практике тех реформ, которые немного позднее станут осуществлять в своих странах такие политики, как М. Тэтчер и Р. Рейган.

Военные решили сконцентрировать усилия на экономическом росте страны, социальная цена эксперимента не принималась во внимание. Первые экономические результаты перехода к неолиберальной модели означали огромный откат назад в социальном плане. Так, резко упала заработная плата подавляющего большинства чилийцев. Средняя зарплата в стране в 1974—1981 гг. составила около 75 % от уровня 1970 г., т.е. до начала реформ Народного Единства. До самого низкого уровня зарплата в Чили упала в 1975 г., когда она едва достигла 62,9 % от уровня 1970 г. Расходы на образование в Чили в пересчете на душу населения в 1975 г. снизились на 21 %, на здравоохранение — на 23 %, на жилищное строительство — на 43 %. Их прежний уровень 1970 г. так и не был достигнут при военном режиме. Безработица приняла структурный, хронический характер. В среднем за годы диктатуры она достигала около 15 % (в предыдущее десятилетие — около 5 %), а в кризисные периоды 1975—1976 гг. и 1982—1983 гг. охватывала более 30 % экономически активного населения. Стоит учесть, что это данные официальной статистики, которые включают только зарегистриро-

¹ См.: *Dahse F.* Mapa de la extrema riqueza: Los grupos economicos y el proceso de concentración de capitales. Santiago, 1979. P. 81.

² См.: *Larrain F., Vergara R.* La transformación económica de Chile. Santiago, 2000. P. 138.

вавшихся на бирже безработных, не учитывая «полузанятость» и сезонных работников.

Значительные изменения произошли в сельском хозяйстве. Военное правительство покончило с аграрной реформой: незаконно захваченные имения были возвращены владельцам, их число составило около 30 % из экспроприированных 10 млн га. 10 % из этого количества земель государство зарезервировало за собой, 31 % был продан, а 29 % остались у крестьян. Вместе с тем чилийский военный режим не способствовал реставрации прежних сеньориальных отношений в сельском хозяйстве, напротив, приложил усилия к его модернизации. После стимулирования процесса приватизации и концентрации сельскохозяйственных земель, ускорилось развитие новых, индустриальных и рыночных форм организации хозяйства. Это позволило резко увеличить экспорт чилийских фруктов в 80-х годах. Усилился спрос на сезонных рабочих, вскоре они составили большинство сельских тружеников.

Безработица вкупе с разрушением чилийской государственной системы образования не позволяла разорявшемуся среднему классу сохранить свой жизненный и образовательный уровень, закрывая перспективы продвижения вперед его новому поколению. При военном режиме государственные школы были переданы в ведение муниципалитетов, что было преподнесено обществу как оптимизация ресурсов. В действительности целью этого шага было приспособление чилийской системы образования к нуждам новой экономической модели, основанной на развитии экспортных отраслей и нуждавшейся в большом количестве дешевой и неквалифицированной рабочей силы. Для подготовки небольшого числа специалистов и управленцев было достаточно частных учебных заведений. В Чили ярко проявилась новая социальная тенденция: традиционная элита, чье могущество в предшествующие десятилетия было основано на аграрной, а затем и промышленной собственности, стала связывать свое привилегированное положение с исключительным доступом к качественному образованию, отвечающему требованиям экономики в эпоху глобализации.

Чилийская неолиберальная экономическая модель заключала в себе внутренние противоречия, ярко проявившиеся во время кризиса 1982—1983 гг. Открытая экономика страны сделала ее весьма уязвимой к любым изменениям конъюнктуры международного рынка, кроме того, значительная часть иностранных капиталовложений в 70-х гг. была направлена в финансовый, а

не производственный сектор чилийской экономики. Финансовые пирамиды и «бумажные предприятия» стали частью чилийской реальности, которая открылась всем во время экономического кризиса. Приток иностранных кредитов в погоне за высокими процентами, которые предлагались в Чили, одновременно означал рост внешней задолженности. Поддержание фиксированного обменного курса национальной валюты привело к диспропорциям платежного баланса: страну наводнили дешевые импортные товары, в том время как чилийский экспорт становился нерентабельным. Национальная текстильная промышленность находилась на грани краха.

Масштабы экономического кризиса в Чили были впечатляющими. Падение чилийского ВВП в 1982 г. составило 14,4 %. Огромная сумма уходила на обслуживание внешнего долга: если в 1978 г. она составляла около 20 % стоимости чилийского экспорта, то к 1982 г. — почти его половину. Инфляция, снизившаяся в 1981 г. до 9,5 %, в 1982 г. вновь превысила 20 %-й рубеж. Сотни чилийских предприятий обанкротились: 810 в 1982 г., 381 в 1983 г. Чили пережила и самый серьезный банковский кризис за свою историю: из 19 национальных коммерческих банков 13 подверглись государственному вмешательству. В дальнейшем часть из них были полностью ликвидированы, другим государство предоставило огромные кредиты, будучи вынуждено пойти на эти меры, чтобы избежать коллапса финансовой системы Чили.

Экономический кризис привел к обострению социальных проблем в стране. Резко вырос уровень безработицы — по официальным данным он составил 19,6 % в 1982 г. и 26,4 % в 1983 г. По неофициальным подсчетам в рабочих поселках и среди молодежи число безработных достигало 50 %¹. Эта ситуация грозила социальным взрывом, и в целях решения проблемы занятости правительство военных было вынуждено пойти на чрезвычайные меры. Были одобрены и начали срочно осуществляться Программа минимальной занятости и План занятости глав семей. В 1983 г. эти правительственные программы, весьма далекие от постулатов неолиберализма, давали работу примерно 500 тыс. чилийцев.

До начала 1980-х гг. неолиберальные реформы в Чили мало отличались от экономической политики, проводимой в соседних латиноамериканских странах, и новый кризис показал, что

¹ Correa S. Historia del siglo XX chileno. P. 327.

их осуществление не гарантировало стабильности новой модели. Однако в 1982 г. чилийскому военному правительству удалось справиться с кризисом, предложив для выхода из него неортодоксальные экономические механизмы. Так, вместе с либерализацией обменного курса и резкой девальвацией песо правительство Чили вмешалось в деятельность частных банков, основных виновников внешней задолженности. Была разработана стратегия продажи на международных финансовых рынках бонов чилийского внешнего долга по номинальной рыночной стоимости при условии их последующего вложения в экономику Чили. Таким образом, государство фактически взяло на себя банковский долг, а затем чилийские банки стали постепенно выплачивать его казне. Эти выплаты завершились лишь к середине 1990-х гг.

План капитализации внешнего долга позволил Чили выйти из банковского кризиса. Кроме того, реализация этого плана способствовала переориентации внешних поступлений из финансового сектора в производственную сферу.

С середины 1980-х гг. экономическая политика военного режима стала менее ортодоксальной, в целом оставаясь в неолиберальном русле. Важную роль в выработке и осуществлении нового экономического курса после кризиса 1982—1983 гг. сыграло молодое поколение чилийских экономистов и в частности, тогдашний министр финансов Чили Э. Бихи, которому не было и сорока лет. Под его руководством чилийской экономике быстро удалось вернуть доверие местных и иностранных предпринимателей, улучшились макроэкономические показатели, снизился дефицит госбюджета. С 1984 г. начался рост ВВП, в 1985 г. он составил 5,6 %, затем 6,6 и 7,3 %, достигнув в 1989 г. впечатляющей цифры 10,2 %¹.

Из-за отсутствия у государства средств на проведение модернизации основных отраслей инфраструктуры было принято смелое и неординарное для того времени решение о привлечении в этот сектор частного, главным образом иностранного капитала. В частные руки перешли электрическая и телефонная компании, другие крупнейшие предприятия. Начался второй этап приватизации, доходы от которой эффективно использовались для развития производства. Одним из составных элементов нового экономического курса была политика так называемого «народного капитализма», давшая возможность рабочим и служащим приобретать акции предприятий на льготных условиях

¹ См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 334.

(всего приобрели акции более 400 тыс. человек). Однако в течение последующих нескольких лет большинство мелких акционеров перепродало свои акции крупным чилийским и иностранным владельцам. Таким образом, «народный капитализм» в Чили незаметно исчез, но за это время начался приток иностранного капитала в приватизированные компании, что позволило провести их успешную модернизацию. С другой стороны, за свое недолгое существование «народный капитализм» позволил отдельным группам трудящихся и среднего класса поправить свое экономическое положение, сильно пошатнувшееся за годы кризисов и преобразований.

В 1979 г. началась реализация пенсионной реформы, творцом которой стал известный правый экономист Хосе Пиньера. Чили стала первой в мире страной, где традиционная государственная солидарная пенсионная система, при которой работающие содержат пенсионеров, во всеобщем принудительном порядке была заменена системой индивидуальной капитализации, когда каждый трудящийся накапливает на специальном пенсионном счете средства для своей личной пенсии. К середине 1980-х гг. уже были достигнуты некоторые успехи, а дальнейшее аккумулярование огромного количества денег в частных пенсионных фондах Чили привело к тому, что к 1990 г. внутреннее накопление достигло 40 % ВВП. Социальный эффект этой реформы для большинства чилийцев был негативным, ибо больше половины населения страны ни в 80-х, ни в 90-х гг. не могло накопить даже на минимальную пенсию.

Надежды на экономический рост связывались неолиберальными экономистами в первую очередь с увеличением и диверсификацией экспорта. Здесь были достигнуты значительные успехи, хотя основой экспорта продолжал оставаться вывоз сырья. Стимулировались включение в чилийский экспорт продукции нетрадиционных отраслей (информатика), а также переориентация традиционных секторов (сельское хозяйство) на новые продукты. Важным новым направлением экспорта стала продукция агроиндустриальных комплексов — фрукты, овощи, консервы, вина. Их развитию способствовало финансирование военным правительством аграрной реформы, начатой еще в 1960-е гг. В отличие от финансово-промышленного сектора в сельском хозяйстве конфискованные имения не были возвращены прежним владельцам, а переданы в индивидуальную частную собственность крестьянам с правом купли-продажи. Через несколько лет большинство крестьян-землевладельцев продали свою землю

новым помещикам и фермерам, и в деревне возник класс сельских предпринимателей-экспортеров.

Другим направлением чилийского экспорта стала лесная промышленность, развитие которой ускорилося после распродажи на рынке большого количества земель, переданных индейцам мапуче правительством С. Альенде. Быстро развивалась рыбная промышленность, особенно производство рыбной муки, а также разведение лосося и моллюсков.

Во второй половине 1980-х средние темпы роста ВВП составили 6 %, инфляция снизилась до среднемирового уровня в 9—15 % в год. Чили уверенно вышла на первое место в Латинской Америке по темпам роста, который продолжался все 1990-е гг. В то время для многих экономистов мира чилийская экономика представляла собой образцовую модель, но это совершенство относилось лишь к макроэкономическим показателям, практически не отражаясь на положении большей части населения страны.

За годы диктатуры в Чили усилилась регрессивность распределения национального дохода. По данным чилийского Национального института статистики, в 1978 г. 10 % самых богатых чилийцев концентрировали в своих руках 36,5 % национального дохода, 60 % самых бедных — 28,2 %, а 30 % среднего класса — 35 %. К 1988 г. эти цифры составляли соответственно 46,7 % у 10 % богатых, 26,8 % у 60 % бедных и 30,5 % у 30 % среднего класса¹. Минимальная зарплата чилийцев в 1988 г. составила лишь 53,6 % от уровня 1980 г. и 28,4 % от уровня 1973 г.

К концу правления А. Пиночета доходы 10 % чилийцев, живших в условиях крайней бедности, составляли 1,2 долл. в день на семью, еще 40 % бедных имели 4 долл. в день на семью, зато 10 % самых богатых семей могли тратить 28,6 долл. в день. Таким образом, разрыв доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных чилийцев был огромным — в 25 раз, а около 5 млн человек из 12-миллионного населения фактически оказались исключенными из развития.

Военный переворот 1973 г. стал глубоким разрывом традиций чилийской истории, ибо означал установление авторитарного режима вкупе с навязыванием новой экономической модели. Массовые репрессии, страх, уничтожение привычных форм политической организации, да и просто общения, вызвали шок

¹ См.: Riesgo M. Desarrollo del capitalismo en Chile bajo Pinochet. Santiago, 1989. P. 11.

в чилийском обществе. В обвинении испанского судьи, выдвинутом против А. Пиночета в 1998 г., были названы цифры: за годы диктатуры в Чили более 300 тыс. человек арестованы, более 100 тыс. человек выдворены из страны и принуждены к эмиграции, около 5 тыс. человек убиты¹ или пропали без вести, более 50 тыс. человек подвергнуто пыткам.

Уничтожение госсектора в экономике выбило экономическую почву из-под ног среднего класса, утратившего свои лидирующие позиции в политической и культурной жизни страны. Эмиграция из Чили приняла массовый характер, постепенно превратившись из чисто политической в экономическую². За 17 лет правления военных из страны эмигрировало около миллиона чилийцев (при населении Чили в 1970 г. менее 10 млн человек).

Процесс консолидации модели «развития вовне» в Чили прошел через несколько кризисов, а экономические успехи были достигнуты огромной социальной и политической ценой. Оздоровление чилийской экономики сопровождалось усилением разрыва между богатыми и бедными, что создавало новую почву для критики оппозицией военного режима. Общественное недовольство сконцентрировалось на непомерной социальной цене «экономического чуда», победа оппозиции на плебисците способствовала упрочению консенсуса в обществе и дальнейшему продвижению к демократии посредством переговоров между основными политическими силами страны.

¹ По данным Хельсинской комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили, число убитых достигло 30 тыс. человек.

² Это подтверждает и тот факт, что после прихода к власти демократического правительства, несмотря на развернутую им кампанию «За возвращение», в Чили вернулось лишь несколько десятков тыс. эмигрантов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ — ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ У ВЛАСТИ (1989—2006)

В случае голосования на плебисците против продления полномочий Пиночета, новая конституция Чили предусматривала проведение через год президентских и парламентских выборов. Все это время между военными и умеренной оппозицией продолжались переговоры о будущем страны, в котором каждая из сторон старалась обеспечить себе наиболее прочные позиции. Была достигнута договоренность о внесении в пиночетовскую конституцию ряда поправок. В июле 1989 г. в Чили был проведен еще один плебисцит для одобрения конституционной реформы. Всего было внесено 54 поправки, поэтому рядовому избирателю было трудно разобраться в их сущности, и реформа была успешно одобрена — 86 % чилийцев проголосовали за их принятие.

Однако среди этих поправок были 2 пункта, существенно ослабившие позиции будущего гражданского правительства страны. Пиночетовская конституция писалась в надежде на то, что диктатор выиграет плебисцит и последующие президентские выборы, и содержала 2 ключевые статьи: 65 и 68. Они давали право будущему правительству принимать любые законы при наличии абсолютного большинства голосов в одной палате парламента и одной трети в другой, таким образом, оппозиция в случае прихода к власти получала серьезный шанс на изменение чилийского законодательства. Согласившись с изменением этих статей в ходе политических переговоров с военными, блок Согласие партий за демократию заранее отдал будущей правой оппозиции большую долю власти.

Другие поправки чилийской конституции были не столь серьезны, но многие из них тоже ограничивали власть будущего правительства. Так, президент страны лишался права роспуска палаты депутатов, ограничивалось его право вмешиваться в на-

значение высших армейских чинов, сохранялась двухступенчатая избирательная система, первый президентский срок ограничивался четырьмя годами. В тот момент в блоке «Согласие» доминировала следующая точка зрения: главное сейчас — обеспечить победу гражданского правительства, даже если не удастся добиться полной передачи власти.

Военные также не теряли времени даром, стремясь обеспечить себе тылы в будущем. За время между плебисцитом 1988 г. и президентскими выборами 1989 г. уходящему военному правительству удалось принять несколько важнейших законов. По одному из них гарантировалось, что 10 % суммы, полученной от экспорта меди государственной компанией Коделко, будут направляться на нужды чилийской армии. Был принят закон о запрете аборт, об образовании, избирательный закон и др. Кроме того, за этот короткий срок военные успели приватизировать большое количество государственных предприятий, уничтожить часть военных архивов, сменить 9 из 16 членов Верховного суда Чили.

Обстановка перед выборами в Чили оставалась напряженной. Генерал А. Пиночет периодически выступал с недвусмысленными заявлениями: «Я не угрожаю, я не привык угрожать. Я просто один раз предупреждаю: я никого не позволю тронуть... В тот день, когда посмеют тронуть кого-либо из моих людей, закончится правовое государство»¹. И еще: «Посмотрим, что произойдет дальше. У меня есть свои опасения на этот счет, поэтому я остаюсь главнокомандующим армии. Не для того, чтобы затевать перевороты или создавать параллельные правительства с целью помешать править... Я остаюсь, чтобы защищать государственные институты, как того от меня требует Конституция»².

Президентские и парламентские выборы в Чили состоялись 14 декабря 1989 г. Единым кандидатом оппозиции стал лидер умеренного крыла ХДП П. Эйлвин, возглавивший коалицию «Согласие партий за демократию», куда кроме ХДП вошли социалисты и представители небольших левореформистских партий. Эта коалиция фактически стала воплощением в жизнь не состоявшегося в начале 1970-х союза ХДП с Народным Единством, хотя входящие в нее партии, особенно социалисты, претерпели глубокую внутреннюю эволюцию.

¹ La Época. 11.10.1989.

² El Mercurio. 18.10.1989.

Чилийские правые разделились перед выборами, выдвинув двух кандидатов: молодого технократа Э. Бихи, одного из творцов «экономического чуда» 1980-х гг., и предпринимателя-популиста Ф.Х. Эррасуриса, выходца из олигархической семьи. А. Пиночет после поражения на плебисците не решился выставить свою кандидатуру, хотя конституция предоставляла ему такую возможность. За бывшим диктатором оставался пост верховного главнокомандующего, который он занимал до 1998 г., после чего согласно конституции стал пожизненным сенатором.

За П. Эйльвина проголосовали все противники диктатуры, включая левых, и он одержал уверенную победу в первом туре, получив более 53 % голосов. Одновременно прошли выборы в сенат и палату депутатов. Национальный Конгресс начал свою работу в своей новой резиденции в г. Вальпараисо, куда он был перенесен А. Пиночетом в рамках политики децентрализации власти. В палате депутатов оппозиция завоевала 72 места из 120. 11 марта 1990 г. в чилийском Конгрессе состоялась официальная церемония вступления в должность демократически избранного президента. Путь к этому успеху левоцентристских сил Чили был долгим, полным компромиссов, но еще сложнее оказался процесс реальной передачи власти военными гражданскому правительству.

Чтобы обеспечить плавный переход к демократии и избежать конфронтации с армией, победившая левоцентристская оппозиция вступила в длительный процесс переговоров с уходящим с политической сцены военным режимом. Компромиссные результаты этих переговоров во многом предопределили политическую эволюцию Чили в 1990-х гг. В Чили до недавних пор продолжались споры, завершился ли полностью в стране переходный период к демократии, но все сошлись в одном: главное, что этот важнейший политический процесс удалось осуществить мирным путем, на базе консенсуса и переговоров, без смены модели экономического развития. Это позволило левоцентристским правительствам после прихода к власти сосредоточить свои усилия на решении социальных проблем, порожденных экономическими реформами Пиночета.

Таким образом, в начале 1990-х гг. экономическая стабильность в Чили оказалась тесно связана с политической. Создалась ситуация своего рода «ничьей» между сторонниками военного режима и демократическими правительствами. Левоцентристский блок «Согласие партий за демократию» имел электро-альное большинство, но его противникам принадлежала фак-

тическая власть, опиравшаяся на вооруженные силы и предпринимательские круги, в результате ни победители, ни побежденные не могли действовать самостоятельно, будучи вынуждены если не согласовывать свои действия, то хотя бы оглядываться на реакцию другой стороны.

Сложившаяся к 1990-м гг. политическая система Чили во многих аспектах отражала эту «ничью». Президент страны не имел права снимать верховного главнокомандующего, а также главнокомандующих тремя родами войск и карабинеров. При их назначении у президента было право выбора из пяти кандидатур, предложенных ему военными. При президенте Чили существовал Совет национальной безопасности, куда кроме президента входили четверо главнокомандующих, председатели Сената, Палаты депутатов и Верховного суда. Совет безопасности мог быть созван по требованию трети его членов, а внутри совета военным достаточно было иметь поддержку одного из его гражданских членов, чтобы принять решение и навязать его президенту.

Законодательная власть до сих пор избирается по двухмандатной системе, что благоприятствует крупным политическим альянсам и уменьшает власть большинства избирателей, способствуя созданию равновесия сил в Конгрессе¹ и не допуская в него независимых кандидатов и небольшие партии (до 10 %), стоящие вне блоков. Часть верхней палаты назначалась: из общего числа членов сената 38 избирались по округам, 9 являлись назначенными или институционными, также существовали пожизненные сенаторы. Этому статусу удостаивались бывшие президенты республики, находившиеся у власти более 6 лет², а институционных назначали: вооруженные силы Чили из числа

¹ От каждого округа в Конгресс избираются два представителя, накапливающих голоса по спискам. При наличии двух избирательных блоков в каждом округе избирается один представитель от каждого блока. Чтобы избрать двух своих представителей в Конгресс, блок должен получить вдвое больше голосов, чем его политический соперник. Так, в случае если два кандидата одного блока получают соответственно 35 и 30 % голосов, а два кандидата другого блока 20 и 15 %, то при пропорциональной системе были бы избраны оба кандидата первого блока. При двухступенчатой системе суммируются голоса двух кандидатов одного блока в пользу получившего относительное большинство, поэтому в итоге в Конгрессе оказываются два первых кандидата обоих блоков.

² На сегодняшний день такой статус получил только А. Пиночет после ухода с поста верховного главнокомандующего.

бывших главнокомандующих, судебная власть из числа бывших членов Верховного суда и президент из числа выдающихся деятелей политики, образования, культуры.

В результате использования этих двух конституционных ресурсов — двухмандатной избирательной системы и назначенных сенаторов — в 1990-х гг. в Чили левоцентристские правительства, получившие на выборах абсолютное большинство голосов, не имели большинства в Национальном Конгрессе. Небольшой перевес в палате депутатов правительственная коалиция имела благодаря тому, что в некоторых округах она получила вдвое больше голосов, чем правая оппозиция, а в сенате левоцентристы до 2005 г. оставались в меньшинстве из-за голосов сенаторов, назначенных представителями военного режима, во многом еще обладавшим фактической властью¹.

Тем не менее первому демократическому правительству Чили после диктатуры удалось многое изменить в стране, в первую очередь в социальной сфере. Высокая социальная цена неолиберальной политики, проводившейся в Чили в лабораторно чистых условиях при помощи репрессий и подавления оппозиции, оставалась одной из самых острых тем современной политической дискуссии, поэтому первое демократическое правительство придало особое значение восстановлению прав чилийцев, репрессированных или эмигрировавших в годы военной диктатуры (1973—1989). В 1990 г. была создана Национальная комиссия по возвращению. Она оказывала помощь бывшим чилийским эмигрантам, способствуя их адаптации к новым для них условиям жизни в стране. Помимо нее была образована Национальная комиссия правды и примирения. За год своей работы она расследовала и подтвердила факты гибели в период диктатуры около 4500 человек, их родственникам были выплачены компенсации, детям предоставлены стипендии и льготы, а также преимущество при найме на государственные предприятия и учреждения. Сам факт подобного расследования вызвал недовольство военных. Оставшийся главнокомандующим армией А. Пиночет сразу же заявил: «Правами человека занимаюсь я. У меня 80 тыс. вооруженных людей... И у меня есть решение»².

В то же время доклад Национальной комиссии правды и примирения был неполным, были собраны далеко не все факты

¹ Первым исключением стали два назначения сенаторов президентом Чили Р. Лагосом в 2000 г.

² Las Ultimas Noticias. 17.04.1990.

нарушения прав человека во время диктатуры. Родственники пропавших без вести чилийцев, требовавшие правды о судьбе своих близких, еще в годы диктатуры объединились в ассоциацию. Восстановление правды было невозможным без суда над военными, а правительство П. Эйльвина не решалось отменить Закон об амнистии, принятый Пиночетом в 1978 г. и освобождавший их от ответственности за совершенные преступления. Отмена этого закона изначально предлагалось в программе «Согласия за демократию», но новое правительство лишь обещало восстанавливать справедливость «по мере возможности».

Это вызвало вспышку террористических актов со стороны ультралевых группировок, что стало одним из последствий диктатуры. В 1980-е гг. в Чили имела место военизация аппаратов левых политических партий. Получившие на Кубе военную подготовку и готовившиеся к вооруженному свержению диктатуры молодые люди с приходом демократии не находили себе места в новой жизни, и это толкало их в сторону экстремизма. Через несколько дней после передачи власти П. Эйльвину было совершено покушение на бывшего члена военной хунты генерала Г. Ли, в апреле 1991 г. убит один из основных идеологов режима Х. Гусман, в сентябре похитили сына А. Эдвардса, владельца крупнейшей правой газеты «Меркурио». Правительство П. Эйльвина создало специальное антитеррористическое управление, которое возглавил социалист, один из бывших охранников С. Альенде, после чего боевые действия ультралевых быстро сошли на нет. Это управление сочетало предложения о льготах и помощи по адаптации к новой жизни для тех, кто готов был сложить оружие, с репрессиями против тех, кто отказывался это сделать.

Отношения между гражданским правительством и военными до начала 2000-х гг. оставались непростыми, постепенное продвижение по пути демократии периодически наталкивалось на сопротивление армии. Так, попытка чилийского парламента начать расследование финансовых махинаций сына Пиночета, потратившего 3 млн долл. из государственной казны, привела к тому, что в декабре 1990 г. армия вышла на улицу под видом военных маневров. Второй раз войска были выведены из казарм в центр Сантьяго в мае 1993 г., когда возобновилось приостановленное ранее расследование истории с так называемыми «пиночеками» сына диктатора. После двух лет нахождения у власти президент П. Эйльвин заявил прессе: «Я уже привык править с генералом Пиночетом в качестве главнокомандующего».

В декабре 1993 г. президентом Чили был избран христианский демократ Эдуардо Фрей, сын бывшего президента Э. Фрея, возглавивший левоцентристскую коалицию «Согласие партий за демократию». Он выиграл выборы в первом туре, получив абсолютное большинство голосов — 58 %, в то время как за правого кандидата проголосовало лишь 24 % чилийцев. Это свидетельствовало о дальнейшей консолидации демократических основ чилийского общества. Правительство Э. Фрея придавало большое значение расследованию фактов нарушения прав человека во время диктатуры и смогло продвинуться на этом пути гораздо дальше своего предшественника.

В 1993—1995 гг. в Чили состоялся судебный процесс по делу генерала М. Контрераса, бывшего главы службы безопасности А. Пиночета. Ему было предъявлено обвинение в убийстве в Вашингтоне в 1976 г. бывшего министра иностранных дел правительства Народного Единства О. Летельера и его секретарши, американки Р. Моффит. Процесс длился 2 года, и в 1995 г. впервые после ухода диктатуры чилийский генерал был приговорен к тюремному заключению. Этот факт имел большое символическое значение для чилийского общества. Реакция армии не замедлила последовать: более тысячи офицеров под видом пикника устроили демонстрацию протеста у стен тюрьмы в окрестностях Сантьяго, где содержался осужденный генерал. Тем не менее М. Контрерас стал первым начальником политической полиции мирно смененного у власти режима, который был отправлен в тюрьму после демократического судебного процесса.

В целом же большинство военных продолжали находиться под защитой иммунитета от судебных преследований благодаря Закону об амнистии. Гражданские правительства Чили в 1990-х гг. не решались выступать за его отмену, ибо военные обладали еще слишком большой властью. Случай Контрераса стал исключением, в том числе и потому, что в расследовании преступления было заинтересовано правительство США, так как покушение было совершено на территории США, погибла американская гражданка.

В 1998 г., как это было предусмотрено конституцией, А. Пиночет оставил пост верховного главнокомандующего, проведя на армейской службе более 60 лет. Его уход способствовал дальнейшей нормализации отношений между гражданским правительством и чилийскими военными. Часть депутатов Конгресса попытались выдвинуть против бывшего диктатора конституционное обвинение, чтобы не позволить Пиночету стать пожизнен-

ным сенатором, однако оно не было поддержано правительством и демохристианами. Вскоре то что не удалось осуществить в Чили, неожиданно случилось за границей.

16 октября 1998 г., будучи пожизненным сенатором, Пиночет был арестован во время своей частной поездки в Лондон по требованию испанского суда за преступления, совершенные в годы военного режима в Чили против испанских граждан. Известный испанский судья Б. Гарсон обвинил бывшего чилийского диктатора в убийствах иностранцев, пытках, геноциде, международном терроризме. Таким образом, дело А. Пиночета приобрело характер международного процесса. Начатое в Испании и переданное в британские суды, расследование продлилось полтора года, и все это время диктатор находился под арестом в Лондоне.

После долгих разбирательств в 2000 г. британская Палата лордов, являющаяся высшей судебной инстанцией страны, передала дела на рассмотрение министру внутренних дел, который решил отказать испанскому запросу и репатриировать А. Пиночета по «гуманитарным соображениям и состоянию здоровья». Бывший диктатор, наконец, был отправлен в Чили. К этому времени в чилийских судах уже скопились сотни обвинений, выдвинутых против А. Пиночета. Оказавшись в Чили, в мае 2000 г. А. Пиночет был лишен сенатской неприкосновенности, что позволило начать судебное рассмотрение многочисленных исков против него. В 2001 г. чилийский Верховный суд освободил А. Пиночета от ответственности по состоянию здоровья, тем не менее, сам факт судебного процесса против бывшего диктатора имел огромное значение для морального оздоровления чилийского общества.

В годы правления Э. Фрея была внесена поправка в конституцию, увеличившая президентский срок до шести лет. Следующие президентские выборы в Чили состоялись в декабре 1999 г. Кандидатом коалиции «Согласие партий за демократию» стал социалист Рикардо Лагос, правые выдвинули кандидатом Х. Лавина, представителя партии Демократический независимый союз (УДИ), действительного члена правокатолического ордена Опус Деи. Эта правая партия, наиболее близкая по своим позициям к бывшему военному режиму, успешно проводила популистскую политику, в результате которой стала пользоваться влиянием не только среди своих традиционных сторонников — предпринимателей, высших и средних слоев, но и в поселках бедноты, особенно городских маргиналов. Более умерен-

ная правая партия Национальное обновление, со времен диктатуры стоявшая на более гибких позициях, склонная к сотрудничеству с демократическим правительством, теряла свое влияние в Чили. Этому способствовала кампания дискредитации, развязанная против нее «фактической властью», т. е. военными и предпринимательской элитой, сделавших ставку на одну партию — УДИ.

В первом туре никто не получил абсолютного большинства, лидировал Р. Лагос с минимальным отрывом от Х. Лавина. Согласно новой конституции, впервые в истории Чили был проведен второй тур голосования — до того в подобных ситуациях президент избирался на совместном заседании обеих палат Конгресса, как это было, в частности, с Сальвадором Альенде. В январе 2000 г. во втором туре президентом Чили был избран Р. Лагос, одержавший победу с 51,3 % против 48,7 % Лавина: разница в абсолютных числах составила около 190 тыс. голосов¹, большую часть которых дали Лагосу сторонники левых организаций, не участвующих в правительстве, но поддержавших его кандидатуру, чтобы остановить правых.

Избрание президентом страны социалиста 30 лет спустя после «революции по-чилийски» С. Альенде продемонстрировало высокую степень стабильности и политической терпимости чилийского общества. Вместе с тем минимальный разрыв между кандидатами отражал обострение внутривнутриполитической борьбы в стране, вновь расколовшейся почти пополам на сторонников правых и левых. Это было вызвано и усталостью общества в результате бессменного 10-летнего правления ленинцовой коалиции и некоторым ухудшением экономической ситуации в стране. Тем не менее к концу своего срока Лагос стал самым популярным и апробированным большинством президентом Чили.

К концу 1990-х гг. экономический рост в Чили замедлился. Одной из причин снижения его темпов стало падение мировых цен на медь, продолжающей играть важнейшую роль в чилийском экспорте. Сказалось и влияние международного финансового кризиса 1997—1998 гг. Национальный ВВП в 1998 г. вырос всего на 3 %, в следующем году упал на 1 %, а средний рост ВВП в Чили за 1998—2001 гг. составил 2,8 %. По сравнению с 7—8 % экономического роста в предыдущее десятилетие эти ре-

¹ В чилийской истории бывали и более деликатные ситуации, так, Х. Алессандри в 1958 г. был избран с перевесом 30 тыс. голосов, а П.А. Серда в 1938 г. — всего 6 тыс.

зультаты многими воспринимались весьма критично. Чилийские правые партии, предпринимательские круги критиковали правительство за неэффективное руководство экономикой, призывая к сокращению расходов государства, и то время как левоцентристы выступали за продолжение социальных программ в интересах народа.

За годы военного режима в Чили произошли большие социальные изменения. Появился новый средний класс, занятый в основном в частном секторе, более динамичный, готовый к мобильности в рамках требований неолиберальной модели. Пережив в 1975 и 1982 гг. два экономических кризиса чилийцы стали готовы работать на любых условиях. По данным чилийского министерства труда, рабочая неделя в Чили является одной из самых длинных в мире, в 1994 г. ее продолжительность составила 2400 час. в год. При этом производительность труда вдвое ниже, чем в США и вчетверо ниже, чем в Японии. Новый средний класс Чили, в отличие от традиционных средних слоев 30—70-х гг., еще не имеет собственной культуры, а лишь подражает образу жизни высшего класса страны, реализуя свои устремления в основном в сфере потребления. Малообеспеченные слои пытаются подражать среднему классу: по опросам общественного мнения в конце 1990-х гг. около 80 % чилийцев считали себя средним классом, в то время как рыночные исследования отнесли к этой категории лишь 40 % жителей страны¹.

Быстрый рост реальных доходов населения в 1990-х гг. привел к тому, что большинству чилийцев, в том числе и малоимущим слоям, стали доступны современные высокотехнологичные предметы потребления, включая Интернет и мобильную телефонную связь. Навязанная военным режимом чилийскому обществу потребительская модель поведения осталась неизменной и в 90-е гг., что привело к углублению индивидуализма. Согласно исследованиям программы ООН по вопросам развития, большинство чилийцев не надеются на государство, но в то же время не доверяют людям, в обществе отсутствует солидарность. В 1996 г. в профсоюзах состояло всего 12 % работающих чилийцев, в то время как во время Народного Единства более трети трудящихся были членами профсоюзов. Приход к власти в Чили в 1990 г. гражданского правительства не сопровождался ростом политического участия, мобилизацией масс, активизацией деятельности общественных и профессиональных организаций.

¹ См.: Estudios Publicos, Santiago, № 74. 1999. P. 57.

Напротив, в 1990-е гг. заметно усилилась аполитичность чилийцев, что ярко выразилось в падении интереса к выборам. Стоит отметить, что голосование в Чили является обязательным, хотя записаться в списки избирателей — дело добровольное¹. Исторически процент голосовавших чилийцев всегда был весьма высоким. Так, на плебисците 1988 г. число граждан, не принявших участия в голосовании, составило всего 2,7%, чистых бюллетеней было 0,9 %, а испорченных 1,3 %, т.е. 95 % чилийских избирателей высказали свое мнение. На парламентских выборах 1997 г. эти цифры неучастия составили соответственно 13,7 %, 4,4 % и 13,6 %². Таким образом, почти треть населения Чили посчитала бессмысленным участвовать в выборах законодательного органа страны. Количество молодежи, участвующей в выборах, снизилось вдвое. Подобная демобилизация чилийцев отчасти объяснима усталостью после повышенной политической активности в последние годы диктатуры, когда остро стоял вопрос: кто кого. Теперь же, в условиях политической стабильности и демократии, некотором нивелировании различий между основными партиями, у чилийцев наступила некоторая расслабленность, переключение интересов на другие ценности.

Если до переворота 1973 г. социальный контроль в Чили основывался на сеньориальной традиции и общественном договоре, а во время военной диктатуры он держался на штыках, то в 90-е гг. его основой стала кредитная карточка. Сегодняшнее материальное благосостояние чилийцев было достигнуто не только в результате экономического роста, но и путем всеобщего влезания в долги: средняя чилийская семья должна по потребительским кредитам от двух до пяти своих месячных доходов, в итоге попадая в полную зависимость от работодателя и лишаясь стимулов к выдвижению политических и экономических требований. Однако, несмотря на рост массового потребления чилийское общество еще далеко от современных западных стандартов развития. Среди социальных групп со сходными доходами чилийские социологи выделяют несколько «средних классов», различающихся по своему социальному происхождению, образованию, сфере деятельности и т.д. и практически не пересекающихся между собой в реальной жизни. Подобная сегментация чилийского общества говорит о том, что иерархическая сеньо-

¹ Обязательно внести свое имя в избирательные списки нужно чилийцам, работающим в государственных организациях и предприятиях.

² См.: *Correa S. Historia del siglo XX chileno*. P. 358.

риальная система, разрушенная в 1960-х гг., была частично воссоздана за время военной диктатуры.

Успехи неолиберальной экономической модели в Чили неоднозначны, особенно в социальной сфере. Независимые исследователи проблем бедности причислили к бедным 80 % чилийских семей, чей ежемесячный доход (семьи из 4 человек) не превышал 800 долл. По официальным данным, число чилийцев, живущих за чертой бедности, уменьшилось вдвое в процентном отношении: с 45 % населения в 1987 г. до 23 % в 1996 г¹. Однако в абсолютных цифрах число бедных в Чили за эти годы не изменилось, их насчитывалось около 3,5 млн человек.

Демократические правительства 1990-х гг. сделали большой шаг вперед, но не смогли преодолеть огромного разрыва в доходах разных групп населения, наследия военного режима. Распределение доходов в Чили в 90-е гг. еще более поляризовалось и сегодня является одним из самых регрессивных в Латинской Америке, по этому показателю Чили уступает лишь Бразилии. В середине 1990-х 54 % доходов страны принадлежало 15 % богатых слоев населения, 24,9 % доходов приходилось на долю среднего класса, составлявшего 27,2 % населения, а 21,5 % дохода доставалось 58 % малоимущих чилийцев. Иными словами, пятая часть населения Чили сосредоточила в своих руках почти две трети доходов.

В 1990-е гг. левоцентристские правительства «Согласия партий за демократию» продолжали следовать модели «развития вовне», решающую роль в экономике продолжал играть частный сектор, но их усилия сконцентрировались на придании этой модели социального характера. При продолжении экономического роста в Чили достаточно успешно реализовались широкие социальные программы с целью смягчения общественных противоречий, улучшения условий жизни беднейших слоев, повышения образовательного уровня населения. Замедление темпов роста в конце 1990-х, связанное с мировым экономическим кризисом, не оказало на Чили прежнего негативного воздействия, несмотря на небольшой размер экономики страны, ее мало затронули региональные и мировые экономические потрясения 1990-х гг., и достигнутая стабильность стала одним из основных результатов модернизации.

В начале 1990-х гг. Чили на долю экспорта приходилось более половины ВВП, заметно диверсифицировалась его структура, а объем чилийского экспорта за 90-е гг. вырос вдвое. Изменилось и географическое направление чилийского экспорта: се-

¹ См.: *Cademártori J. Chile: El modelo neoliberal*. Santiago, 2001. P. 48.

годня он довольно равномерно распределен между тремя основными регионами — США, Западной Европой и странами тихоокеанского бассейна. Доля меди в чилийском экспорте снизилась, увеличилась доля других минералов, агропромышленного сектора, рыбной и лесной промышленности, несколько выросла доля продукции обрабатывающей промышленности и услуг. По данным Центрального банка Чили, за 16 лет (1970—1986) доля промышленной продукции в экспорте возросла с 10 до 30 %, доля сельского хозяйства — с 5 до 20 %, а доля добывающей промышленности уменьшилась с 85 до 50 %.

Экономические итоги развития последнего десятилетия XX в., совпавшего с началом правлением гражданских правительств после долгих лет военного режима, в целом были впечатляющими. Чилийский ВВП удвоился с 2200 долл. в 1973 г. до 4500 долл. к 2000 г., в то время как на предыдущее удвоение ВВП стране понадобилось 75 лет. За 1990-е гг. в Чили было создано более миллиона новых рабочих мест, реальная заработная плата выросла на 30 %. Уровень инфляции в стране снизился с 27,3 % в 1989 г. до 4,7 % в 1998 г. По индексу человеческого развития, предложенному ООН в 1990-е гг., который учитывает как экономические, так и социальные аспекты, Чили оказалась на 34-м месте из 175 стран. Несомненно, это весьма высокий показатель для развивающейся страны.

К 2000 г. сложился консенсус большинства населения Чили относительно принятия либеральной экономической модели, мотором которой является частное предпринимательство, а государство занято в основном решением социальных проблем. При этом в руках чилийского государства остается около 30 % экономики, в первую очередь такая часть стратегической отрасли, как медная промышленность. Зарплаты в основных отраслях экономики вернулись к уровню до 1970 г., либо несколько превосходили его, увеличились государственные расходы в области образования, здравоохранения, жилищного строительства. Основным источником финансирования этих социальных программ являются налоги, по уровню их собираемости Чили опережает другие страны Латинской Америки. Пополнил госбюджет также новый этап приватизации и государственных концессий, включивший автомобильные дороги и порты страны. Левоцентристские правительства Чили отдали приоритет сохранению макроэкономического равновесия, избегая популистских решений, что позволило им сохранить доверие основных предпринимательских групп Чили, вести с ними диалог в целях продолжения экономического роста.

Заключение

В течение всего XX в. Чили являлась одной из самых экономически развитых и политически стабильных стран Латинской Америки. Вместе с тем ушедший век оставил в чилийской истории как яркие и полные надежд, так и трагические страницы. Приход к власти правительства Народного Единства и начало процесса преобразований, открывавшего перспективу перехода к социализму мирным путем, привлек внимание всего мира как не имеющий аналогов в мировой истории. Глубоким потрясением для маленькой латиноамериканской страны и для международного сообщества стал военный переворот, положивший конец этим надеждам. Последовавшие за этим неолиберальные реформы, осуществленные диктатурой Пиночета, до сих пор остаются предметом дискуссий экономистов и политиков многих стран. Особый интерес эти экономические реформы вызвали в 90-е гг. в России, начавшей переход к рыночной экономике и надеявшейся использовать чилийский опыт. Однако российские реалии оказались столь отличными от чилийских, что попытки перенести какие-то схемы на российскую почву не имели особого успеха.

По своей культуре, быту, жизненному укладу Чили — одна из самых европеизированных стран Латинской Америки, ее отличает высокий уровень политической и предпринимательской культуры. Грамотность в Чили составляет 93 %, образовательный уровень в стране довольно высокий для Латинской Америки, в ней введено обязательное 8-летнее образование. Несмотря на смешанный этнический состав, в Чили нет такого понятия, как национальный вопрос, расовые предрассудки отсутствуют даже на бытовом уровне. Для современного чилийского общества характерна жесткая социальная стратификация, эта иерархия глубоко укоренена в менталитете нации. Если в середине XX в. социальная мобильность была весьма высокой, то к концу века после авторитарной модернизации она серьезно уменьшилась.

Социалистические президенты Чили Р. Лагос и М. Бачелет в начале XXI в. продолжали усилия по приданию социального характера неолиберальной рыночной модели экономики, сложившейся при Пиночете. При продолжении экономического роста в Чили достаточно успешно реализуются широкие социальные программы с целью смягчения общественных противоречий, улучшения условий жизни беднейших слоев, повышения образовательного уровня населения. Сегодня уровень развития Чили по некоторым показателям (банковская сфера, телекоммуникации и др.) близок к европейским странам. Вместе с тем страна продолжает лидировать в Латинской Америке по разрыву в уровне дохода наиболее богатых и беднейших слоев населения.

Продолжается демократизация политической системы страны. В 2005 г. были приняты конституционные реформы, ликвидировавшие некоторые авторитарные положения пиночетовской конституции. Так, была восстановлена сменяемость гражданской властью главнокомандующих, изменен статус Совета национальной безопасности, его полномочия практически сведены на нет, из конституции изъято положение о вооруженных силах как гаранте демократии. В 2005 г. правые пошли на отмену назначенных и пожизненных сенаторов, придя к выводу, что большинство из тех, кто мог занять эти посты по окончании президентского периода Р. Лагоса, уже представляют левый центр.

После конституционных реформ 2005 г., впервые левоцентристское правительство получило абсолютное большинство в обеих палатах парламента. На повестке дня остается реформа двухмандатной системы, по мнению правительства и левых, она необходима для придания большего динамизма политической системе, более полного представительства всего диапазона политических движений страны, большей демократической соревновательности системы. Пока что для проведения этой реформы правительству необходимо две трети голосов, которыми оно не располагает в силу самой же системы, и реформа остается в области поиска компромисса с правой оппозицией.

Р. Лагос покинул пост президента, имея популярность более 70 % — самый высокий показатель за историю Чили. На президентских выборах 2006 г. сложилась ситуация, почти аналогичная его избранию, когда страна раскололась пополам между правыми и левоцентристскими силами, и исход борьбы решал второй тур. Новым президентом Чили была избрана Мишель Бачелет — неординарная фигура в чилийской политике. Дочь

генерала А. Бачелета, участвовавшего в правительстве Народно-го Единства, арестованного и погибшего под пытками после переворота, сама бывшая политзаключенная и политэмигрантка в ГДР, член руководства социалистической партии, разведенная женщина и мать троих детей. С 2002 г. М. Бачелет занимала пост министра обороны Чили, став первой в стране и во всей Латинской Америке женщиной на этом посту, где она внесла большой вклад в демократизацию чилийских вооруженных сил.

Программа первой женщины-президента Чили — развитие демократии участия, что является насущной задачей в условиях жесткой и нерепрезентативной избирательной системы, и это придает ей популярности. Началась реформа пенсионной системы, так как половина чилийцев до сих пор не может заработать на минимальную пенсию. Для обсуждения основных реформ, в которых нуждается страна, М. Бачелет создала специальные президентские комиссии, в которые входят общественные организации и внепарламентские левые. Однако стимулирование общественных движений в условиях экономического подъема создает дополнительные социальные ожидания и требования.

Последний пример тому — так называемая «революция пингвинов»¹, ставшая первым массовым движением, всколыхнувшим всю страну. Оно началось в 2006 г. с требования равенства в образовании и улучшения состояния государственной системы образования. Его руководителями и участниками стали старшеклассники 16—17 лет — первое поколение, родившееся после диктатуры, выросшее без страха и воспитанное на компьютерной культуре. Движение «пингвинов» парализовало работу школ по всей стране, и в итоге добилось поставленных целей путем переговоров с правительством. Оно показало новые формы социальной организации в эру Интернета (через блоги и мобильники в реальном времени), выдвинуло требования «информационной эры» — доступ к новому главному капиталу — образованию.

В декабре 2006 г. в Чили скончался бывший диктатор А. Пиночет. Он был похоронен с воинскими почестями на одном из кладбищ Сантьяго, но национальный траур в стране решили не объявлять. Его смерть вызвала неоднозначную реакцию среди чилийцев — сторонники Пиночета оплакивали его, а противники вышли праздновать на улицу, что спровоцировало беспоряд-

¹ «Пингвинами» в Чили называют школьников из-за сине-белой школьной формы.

ки в столице. Чилийское общество вновь оказалось расколотым: 55 % радовались смерти бывшего диктатора, 45 % сожалели о ней. Тем не менее смерть Пиночета способствовала продвижению Чили по пути согласия и консенсуса, закрыв самую черную страницу в ее истории XX в.

Настроения чилийского общества в начале XXI в. можно охарактеризовать как социальный оптимизм, базирующийся на успехах экономического развития и политической стабильности в стране. Кроме того, чилийское общество просыпается после долгой политической апатии, но становится более трудным для управления. Однако уверенное продвижение Чили по пути демократизации политической системы и социальных реформ позволяет надеяться на успешное решение.

Приложения

Парламентские выборы в XX в.

Партии	1924
Консервативная	16,0
Либеральная	28,0
Радикальная	29,0
Демократическая	8,0

Партии	1932	1937	1941	1945	1949	1953	1957	1961	1965	1969	1973
Консерваторы	16,9	21,3	17,1	23,6	21,1	14,5	17,6	14,8	5,0		
Аграрная	2,0	2,3	1,71	1,94		1,04					
Либералы	18,6	20,8	14,0	17,9	18,0	10,5	15,3	16,6	10,0		
Национальная										20,0	21,3
Радикалы	18,2	18,7	21,8	20,0	21,7	14,0	21,4	22,3	12,8	13,0	3,72
Радикал-социалисты	5,6		1,13				0,63				
Фаланга — Христианско-демокр.			3,5	2,57	3,91	2,86	9,42	14,0	41,6	29,8	29,1
Аграрно-лабористская					8,3	15,1	7,8		1,01		
Социалисты	5,6 ¹	11,2	20,63 ²	12,8 ³	9,3 ⁴	9,8 ⁵	10,6 ⁶	11,2	10	12,2	18,1
Коммунисты		4,2	11,8	10,2				11,8	11,8	15,9	13,7
Демократы	15,2 ⁷	9,4 ⁸	2,64	5,33 ⁹	4,87	4,09	5,03	0,84			
Абсентеизм	24	13,4	21,7	30	21,5	29	32	28	19,4	25,9	18,2

¹ Сумма голосований за Соппартию — 1,0 %, Объединенную социалистическую — 1,6 % и Новое общественное действие (НАП) — 3,0 %.

² Сумма голосований за Соппартию — 16,7 % и Социалистическую партию трудящихся — 3,93 %.

³ Сумма голосований за Соппартию — 7,2 % и Подлинную социалистическую партию — 5,6 %.

⁴ Сумма голосований за Соппартию — 3,4 %, Подлинную социалистическую партию — 1,1 % и Народно-социалистическую — 4,8 %.

⁵ Сумма голосований за Соппартию — 1,5 % и Народно-социалистическую — 8,3 %.

⁶ Сумма голосований за Соппартию — 4,41 % и Народно-социалистическую — 6,26 %.

⁷ Сумма голосований за Демократическую партию — 6,6 %, Демпартию Чили — 7,7 % и Демократов-социалистов — 0,9 %.

⁸ Сумма голосований за Демократическую партию — 4,9 % и Демпартию Чили — 4,6 %.

⁹ Сумма голосований за Демократическую партию — 0,57 % и Демпартию Чили — 4,76 %.

Выборы конца XX в. (1989—2003)

Партии	1989*	1989□	1993*	1993□	1997*	1997□	2001*	2001□
Блок «Согласие за демократию»	51,5	57,5	55,3	58,3	50,5	57,5	47,9	51,7
ХДП	26	31,7	27,1	30,8	22,9	31,7	18,9	19,2
Радикалы ¹	3,9	4,2	3,8	1,7	3,1	3,3	4,1	5,0
Социалисты			11,9	12,5	11,1	9,2	10,0	8,3
Партия «За демократию»	11,5 ²	13,3	11,8	12,5	12,6	13,3	12,7	16,7
Другие левоцентристы	10,1	8,3	0,7	0,8	0,8	0	2,2	2,5
Альянс во имя прогресса	34,2	40,0	36,7	41,7	36,3	38,4	44,3	47,5
Партия Национального возрождения	18,3	24,2	16,3	24,2	16,8	19,2	13,8	15,0
Независимый демократический союз	9,8	9,2	12,1	12,5	14,4	14,2	25,2	25,8
Прочие правые	6,1	6,7	8,3	5,0	5,1	5,0	5,3	6,7

* Отмечено число поданных за партию голосов.

□ Процент мест в парламенте.

¹ Радикальная партия, с 2001 г. — Радикальная социал-демократическая партия.

² До легализации Соцпартии социалисты действовали в рамках этой партии, после легализации СПЧ часть партии ушла к социалистам.

Чилийские президенты в период парламентского режима 1900—1925 гг.

Херман Риеско (1901—1906)

Педро Монтте (1906—1910)

Элиас Фернандес Альбано (1910)

Эмилиано Фигероа (1910)

Рамон Баррос Лука (1910—1915)

Хуан Луис Санфуэнтес (1915—1920)

Артуро Алессандри Пальма (1920 — 1924, 1925)

Президентские (прямые) выборы после принятия Конституции 1925 г.

1925 г.

Эмилиано Фигероа (либерал)

Хосе Сантос Салас

Сумма голосований

— 186 187

— 79 091

1927 г.

Карлос Ибаньес — 220 000

1931 г.

Хуан Эстебан Монтеро (радикал) — 182 177 — 63,93 %

Артуро Алессандри (либерал) — 99 075 — 34,77 %

Мануэль Идальго (троцкист) — 1263 — 0,44 %

Элиас Лаферте (коммунист) — 2434 — 0,86 %

1932 г.

Артуро Алессандри (либерал) — 187 914 — 54,78 %

Эктор Родригес (консерватор) — 47 207 — 13,76 %

Энрике Саньярту (ибаньист) — 42 885 — 12,50 %

Мармадуке Грове (социалист) — 60 856 — 17,74 %

Элиас Лаферте (коммунист) — 4128 — 1,20 %

1938 г.

Педро Агирре Серда (Народный Фронт — радикал) — 22 2720 — 50,17 %

Густаво Росс (либералы и консерваторы) — 218 609 — 49,24 %

Карлос Ибаньес — 112

1942 г.

Хуан Антонио Риос (радикал) — 260 034 — 55,7 %

Карлос Ибаньес — 204 635 — 51,58 %

1946 г.

Габриэль Гонсалес Видела (радикал) — 192 000

Эдуардо Крус Кока (консерватор) — 142 000

Фернандо Алессандри (либерал) — 131 000

Бернардо Ибаньес Агила (социалист) — 12 000

1952 г.

Карлос Ибаньес — 446 439 — 46,7 %

Артуро Матте (либералы и консерваторы) — 265 357 — 27,8 %

Педро Альфонсо (радикал) — 190 360 — 19,9 %

Сальвадор Альенде (социалист) — 51 975 — 5,5 %

1958 г.

Артуро Алессандри (либералы и консерваторы) — 31,6 %

Сальвадор Альенде (социалист) — 28,9 %

Эдуардо Фрей (христианский демократ) — 20,7 %

Луис Боссай (радикал) — 15,6 %

Антонио Саморано (независимый) — 3,2 %

1964 г.

Эдуардо Фрей (христианский демократ) — 54 %

Сальвадор Альенде (социалист) — 38,6 %

1970 г.

Сальвадор Альенде (социалист) — 36,3 %

Артуро Алессандри (независимый правый) — 34,9 %

Радомиро Томич (христианский демократ) — 27,8 %

Президентские выборы после принятия Конституции 1980 г.

1989 г.	Сумма голосований	
Патрисιο Эйлвин (христианский демократ)	3 850 571	— 55,2 %
Эрнан Бичи (независимый правый, кандидат Пиночета)	— 29,4 %	2 052 116
Франсиско Эррасурис (независимый правый)	— 15,4 %	1 077 172
1993 г.		
Эдуарло Фрей Руис-Тагле (христианский демократ)	— 58 %	4 044 112
Артуро Алессандри Беса (независимый правый)	— 24,4 %	1 703 070
Хосе Пиньера (независимый правый)	— 6,2 %	431 176
Манфред Мах Несеф (независимый левый)	— 5,5 %	387 371
Эухенио Писарро (независимый левый)	— 4,7 %	327 404
Кристиан Рейтце (Зеленый Гуманистический Альянс)	— 1,2 %	81 814
1999 г. — первый тур		
Рикардо Лагос (Партия за демократию, социалист)	— 47,9 %	3 383 334
Хоакин Лавин (Демократический Независимый Союз)	— 47,5 %	3 352 192
Гладис Марин (коммунист)	— 3,2 %	225 224
Томас Гирш (гуманист)	— 0,5 %	36235
Сара Ларрани (независимый кандидат)	— 0,4 %	31 319
Артуро Фрей (Союз центра-центра)	— 0,3 %	26 812
2000 г. — второй тур		
Рикардо Лагос (Партия за демократию, социалист)	— 51,3 %	3 683 158
Хоакин Лавин (Демократический Независимый Союз)	— 48,7 %	3 495 569
2005 г. — первый тур		
Мишель Бачелет (социалист)	— 45,9 %	3 190 691
Себастьян Пиньера (Национальное обновление)	— 25,4 %	1 763 694
Хоакин Лавин (Демократический Независимый Союз)	— 23,2 %	1 612 608
Томас Гирш (гуманист)	— 5,4 %	375 048
2006 г. — второй тур		
Мишель Бачелет (социалист)	— 53,5 %	3 723 019
Себастьян Пиньера (Национальное обновление)	— 46,5 %	3 236 394

Рекомендуемая литература

- Альенде С. История принадлежит нам. М., 1974.
- Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца. М., 1979.
- Вальдес Г. Восстание чилийских моряков. М., 1932.
- Галкина А. Чили: Борьба за аграрную реформу. М., 1972.
- Гаранин Ф.А. Народный фронт в Чили. 1936 — 1941. М., 1973.
- Зорина И. Революция или реформа в Латинской Америке: Критика реформизма чилийской христианской демократии. М., 1971.
- История Латинской Америки. 90-е годы XIX века — 1918 год. М., 1993.
- История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004.
- Карраско Р. «Военнопленные» в Чили. М., 1977.
- Кастильо Р. Уроки и перспективы революции в Чили. Прага, 1974.
- Квасов А. Чилийские экономические реформы. М., 1998.
- Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1998.
- Корвалан Л. Путь победы. М., 1971.
- Корвалан Л. Нас ждут новые битвы. М., 1978.
- Королев Ю. Чилийская революция. М., 1982.
- Королев Ю.Н., Кудачкин М.Ф. Латинская Америка: революции XX века. М., 1986.
- Кудачкин М.Ф., Борисов А.В., Ткаченко В.Г. Чилийская революция: опыт и значение. М., 1977.
- Лабарка Годдард Э. «Чили, раскаленное докрасна». М., 1973.
- Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961.
- Островский В. Макроэкономические аспекты развития рыночной экономики: Опыт Чили (1973—1990-е гг.). М., 1997.
- Очерки истории Чили. М., 1967.
- Политическая система общества в Латинской Америке. М., 1982.
- Рамирес Некочеа, Э. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. М., 1984.
- Рамирес Некочеа, Э. История империализма в Чили. М., 1964.
- Семенов С. Христианская демократия в Чили. М., 1983.
- Строганов А. Латинская Америка в XX веке. М., 2002.
- Фрей Э. Будущее Чили внушает мне надежду: Избранные произведения. М., 1998.
- Чили: От диктатуры к демократии. М., 1991.
- Шемакин Я. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987.
- Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979.

- Altamirano C.* Dialéctica de una derrota. México, 1977.
- Allende S.* Discursos. La Habana, 1975.
- Allende S.* Nuestro camino al socialismo. La vía chilena. Buenos Aires, 1971.
- Angell, F.* Politics and the labour movement in Chile. London, 1972.
- Archivos secretos. Documentos desclasificados de la CIA. Santiago, 1999.
- Cademártori J.* Chile: El modelo neoliberal. Santiago, 2001.
- Cambridge History of Latin America. V.C. 1870 to 1930. Cambridge, 1986.
- Collier S., Sater W.F.* A History of Chile, 1808—1994. Cambridge, 1996.
- Correa S.* y otros. Historia del siglo XX chileno. Santiago, 2001.
- Corvalan Marquez L.* Del anticapitalismo al neoliberalismo en Chile. Santiago, 2001.
- Charlin O. C.* Del avión rojo a la República Socialista. Santiago de Chile, 1972.
- Declaración de principios del Gobierno de Chile. Santiago, 1974.
- Droguett C.* Sesenta muertos en la escalera. Santiago, 1953.
- Duran Bernales F.* El partido Radical. Santiago, 1958.
- Dos ensayos y una bibliografía. Madrid, 1983.
- Edwards Vives A.* La fronda aristocrática en Chile. Santiago de Chile, 2005.
- Fontaine Aldunate A.* Los economistas y el presidente Pinochet. Santiago, 1989.
- Historia documental del PSCH. 1933—1993. Signos de identidad. Concepción, 1993.
- Larraín F., Vergara R.* La transformación económica de Chile. Santiago, 2000.
- Loveman. B.* Stuggle in the countryside. Politics and Rural labor in Chile. 1919—1973. London, 1976.
- Millas O.* Memorias. 1957—1991. Una digresión. Santiago, 1996.
- Otero L.* Razón y fuerza de Chile. Tres años de Unidad popular. La Habana, 1980.
- Pinochet A.* El día decisivo. 11 de septiembre de 1973. Santiago, 1982.
- Pozo, J.* Rebeldes, reformistas y revolucionarios: una historia oral de la izquierda chilena en la época de la Unidad Popular. Santiago, 1992.
- Prats González C.* Memorias. Testimonio de un soldado. Santiago, 1985.
- Programa básico del gobierno de la Unidad Popular. Santiago, 1969.
- Ramos Cordova S.* Chile: una economía de transición? La Habana, 1972.
- Riesgo M.* Desarrollo del capitalismo en Chile bajo Pinochet. Santiago, 1989.
- Sutter C.C., Sunkel O.* Un siglo de la historia económica de Chile. 1830—1930.